

**Ж.М. АБДИЛЬДИН
Р.Ж. АБДИЛЬДИНА**

**ГЕГЕЛЕВСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
АБСОЛЮТНОГО ИДЕАЛИЗМА И ОСНОВНЫХ ИДЕЙ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ**

Содержание

Введение

Раздел I. Обоснование объективного абсолютного идеализма

Глава I. Краткая биография Гегеля. Ранние теологические работы

Глава II. «Феноменология духа» и обоснование исходного начала гегелевской философии

Глава III. Структура гегелевской философской системы

§1. Логика

§2. Философия природы

§3. Философия духа

Раздел II. Разработка Гегелем основных идей диалектической логики

Глава I. Гегелевское учение о мышлении. Критика формальной логики

Глава II. Гегелевское учение о категориях как ступенях абсолютного мышления

Глава III. Гегель о противоречии в мышлении

Глава IV. Гегель об активности сознания

Глава V. Гегель о конкретности понятия

Глава VI. Гегелевское учение об идее как о конкретно-всеобщем знании

Введение

Георг Вильгельм Фридрих Гегель является величайшим немецким философом, который создал грандиозную объективно-идеалистическую систему, разработал диалектический метод, всесторонне раскрыл понятие развития, оказал колоссальное влияние на всю последующую философию, культуру, на мировосприятие людей.

Прежде всего, Гегель обосновал исходное начало философии как идею, идею как тождество бытия и мышления. При этом он раскрыл это тождество, то есть абсолютное, как результат исторического развития сознания, культуры. В отличие от Шеллинга, утверждавшего, что идею может постигнуть лишь художественный гений в состоянии экстаза, Гегель подчеркивал, что тождество бытия и мышления, идею как абсолютное начало философии можно обосновать научно, доказать научным, систематическим образом.

Гегель не только обосновал исходное начало как идею - тождество бытия и мышления, он также показал, что идея не есть нечто абстрактное, она есть целостность, конкретное, которое становится в результате развития от бытия до абсолютной идеи. Для этого философ наделил исходное начало или бытие внутренним противоречием. Благодаря внутреннему противоречию бытие, идея переходит к другой категории, в свою очередь, в результате разрешения противоречия данная категория, производит следующую категорию и т.д.

Таким образом, в результате непрерывного движения от одной категории к другой, от одной ступени мышления к последующей идея доходит до абсолютной идеи. При этом абсолютная идея есть нечто абсолютно конкретное, есть целостность, ее конкретность состоит в том, что она в процессе движения от бытия или ничто до абсолютной идеи вобрала в себя все содержание предшествующего развития. Абсолютно содержательной, подлинно содержательной является, таким образом, только абсолютная идея.

Абсолютную идею, движение категорий Гегель иначе называет системой чистых сущностей. Поскольку весь этот процесс есть процесс творческого развития, творческого саморазвития мышления, учение об этом мышлении является логикой. Такая логика представляет собой не просто субъективную логику – традиционную формальную логику, это есть содержательная логика, в которой осуществлено единство объективного и субъективного, единство бытия и мышления. Логика, анализирующая такое содержательное мышление, такую идею является содержательной логикой, то есть диалектической логикой, принципиально отличающейся от рассудочной традиционной логики, разработанной Аристотелем.

Однако в гегелевской философии идея как форма реального движения отрывается от самой реальности, реального содержания и, отчуждаясь от нее, мистифицируется, становясь в основе всего реального процесса. Тайна гегелевского идеализма была прекрасно раскрыта Марксом в «Ницете

философии», где он показал, как гегелевская философия отрывает от реальности мышление как форму истины, мистифицирует его, рассматривая мышление как нечто самостоятельное, субстанциональное, и кладет в основу всего реального развития природы и общества. В этом состоит гегелевский идеализм, гегелевское отчуждение логики.

При этом важно понимать, что гегелевская идея бытия и мышления, гегелевский способ рассмотрения идеи, мышления как творческого процесса, мышление и идея как тождество бытия и мышления не были выдуманы философом из головы. В своих размышлениях Гегель опирался на всю предшествующую историю философии, на всю философию предыдущих эпох.

Если внимательно рассмотреть гегелевскую логику, ее основные элементы, то почти все они, кроме метода восхождения от абстрактного к конкретному и метода совпадения исторического и логического, по существу, присутствуют в предшествующей истории философии.

Например, важнейшая идея - чистое бытие как мысль - была открыта Парменидом; то, что нус, объединяющий все элементы космоса, есть мышление, разум, мысль открыл Анаксагор; проблема противоречия была разработана Гераклитом. То, что в основе каждого вида, каждой сущности лежит идея – открытие Платона, притом греческий философ не просто показал существование идей, но проанализировал их иерархию - от простейших идей до сложной идеи блага. После Платона его ученик Аристотель открыл понятие формы и материи, раскрыл категории как роды бытия. То есть рассмотрение, анализ идеи как нечто объективного мы имеем уже в греческой философии от Парменида до Платона и Аристотеля.

Далее, в философии Декарта и Спинозы была разработана идея субстанции, Бога. В кантовской философии, в свою очередь, обосновано трансцендентальное единство апперцепции. Кроме того, в кантовской трансцендентальной логике было разработано учение о категориях, кенигсбергский мыслитель рассмотрел проблему идеи, разума как целостную форму, в которой постигается идея. Понятие развития также было проанализировано Кантом.

Таким образом, Гегель в своей философии соединил Парменида, Анаксагора, Гераклита, Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозу, кантовскую философию, в результате чего он получил тождество бытия мышления. Правда, все эти элементы в истории философии существовали разрозненно, в гегелевской же логике они стали моментами некоторого органического целого.

У Гегеля, действительно, мышление понимается не субъективно как у Канта, и не как нечто объективное как у Парменида и Платона, а осмысливается как тождество бытия и мышления, как целостное мышление, которое наделяется развитием, оказывающимся возможным в результате наличия внутреннего противоречия.

Следовательно, хотя разрозненные идеи и элементы в истории философии существовали и до Гегеля, гениальной заслугой немецкого

философа является рассмотрение их в качестве единого, целостного, где это целостное и есть его логика как начало гегелевской философской системы, начало и контур всей гегелевской философии.

Таким образом, Гегелем была создана новая оригинальная философская система, в которой обосновывалось абсолютное начало, не как абстрактное начало, а как систематическое целое от бытия до абсолютной идеи, где мышление, логика переходит в свое инобытие, продолжая свое движение в природе – «окаменевшем духе», как неполном соответствии идеи. Поскольку идея - это тонко развивающийся процесс, в природе как неадекватном проявлении идеи нет развития, только лишь в человеке, человеческом обществе, человеческой культуре дух просыпается, абсолютный дух становится субъектом всего исторического процесса.

В этом процессе происходит саморазвитие абсолютного духа. В процессе своего саморазвития абсолютный дух использует народы, государства как свои проявления, великие исторические личности выступают как «дубины в руках абсолютного духа». Те народы, у которых останавливается абсолютный дух в процессе своего движения, становятся историческими народами. Так происходит процесс саморазвития абсолютного духа - от одного народа к другому, от одной культуры к другой, пока этот процесс шаг за шагом не доходит до прусской конституционной монархии, которая, по мнению Гегеля, является высшим проявлением, зенитом всего исторического процесса.

Далее в гегелевском учении этот же процесс - процесс движения духа, переход от одной ступени к другой, начиная с идеи, затем природы как инобытия идеи - осмысливается и осознается духовной культурой – художественной культурой, религией и философией как высшей формой осмысления всего пройденного исторического процесса. И, наконец, в гегелевской философии, развитие идеи доходит до идеи как тождества бытия и мышления, до идеи абсолютного духа, в которой весь процесс изображен как развитие некоего духа. Сначала как контуры духа - в чистом мышлении, затем его отчуждение – переход к природе, и, наконец, дух истины является единством логики и природы, потому гегелевская философия является подлинно конкретным, подлинно целостным.

Тайна гегелевской философии состоит в том, что это *отчужденная* логика, отчужденная философия. Как показал Маркс, она отрывает форму реальности, мышление и представляет его как нечто самостоятельное, не только самостоятельное, но как субстанциональное, а весь реальный процесс изображает как его форму. Вот почему гегелевская логика - это перевернутая логика, мистифицированная логика, хотя в ней имеется глубочайшее содержание.

Для того чтобы почувствовать гегелевскую философию, понять подлинное содержание гегелевской логики необходимо обратиться, прежде всего, к «Капиталу» Маркса. В своем предисловии к «Капиталу» Маркс точно определил, что в отличие от гегелевского понимания, гегелевской интерпретации понятие, логика, идея есть ни что иное как материальное,

форма материального, пересаженного в человеческую голову и преобразованного в ней. Процесс «пересаживания» - очень тонкий, сложный процесс - происходит в результате предметной деятельности человека, в ходе которой идея как форма материального, материальное в форме идеи пересаживается в человеческую голову и там преобразовывается. То есть, Маркс эту логику материалистически переработал, и потому, все методы гегелевской логики более содержательный и более глубокий смысл имеют в «Капитале».

Следовательно, подлинный смысл гегелевской логики, ее продуктивность для современного научного знания можно понять только через «Капитал», через марксовский анализ. Все гегелевские принципы - совпадения исторического и логического, восхождения от абстрактного к конкретному, принцип развития, обоснование начала, всеобщего – все это у Маркса сделано принципиально по-другому, чем у Гегеля, в результате чего гегелевская логика обретает свое реальное содержание.

Таким образом, для того чтобы понять истинное содержание гегелевской логики, ее продуктивность следует подойти к ней с точки зрения Маркса и его «Капитала». В свою очередь, как отмечал В.И. Ленин, «Капитал» становится понятным не просто как экономическая работа, а одновременно как логический, методологический труд, только лишь через анализ гегелевской логики. Поэтому «Наука логики» Гегеля и «Капитал» Маркса являются работами взаимодополняющими и взаимнораскрывающими содержание друг друга.

Представленный выше тезисный абрис гегелевской философской системы очерчивает в целом круг вопросов и проблем, интересовавших авторов данного труда. Гегелевское наследие огромно и, разумеется, является источником для бесконечных познавательных поисков, поводом для неисчерпаемых изысканий. Авторы, сконцентрировавшись на исследовании определенных проблем гегелевской философии, надеются внести свою скромную лепту в изучение грандиозной философской системы величайшего немецкого философа.

Работа состоит из двух разделов: первый раздел, включающий три главы, посвящен обоснованию системы абсолютного идеализма; во втором разделе, охватывающем шесть глав, анализируются основные идеи гегелевской диалектической логики.

Раздел I. Обоснование объективного абсолютного идеализма

Глава I. Краткая биография Гегеля. Ранние теологические работы

Великий философ Г.В.Ф. Гегель родился 27 августа 1770 г. в швабском городе Штутгарте герцогства Баден-Вюртемберг в семье чиновника финансового ведомства, секретаря казначейства при дворе Карла Ойгена, графа Вюртембергского. Жалованье отца позволяло семье Гегеля вести скромное, но вполне достойное существование. В возрасте семи лет Георг поступил в штутгартскую гимназию, где хорошо и прилежно учился не только благодаря своим природным способностям, но и отчетливому пониманию значения образования для своего будущего.

В гимназии Гегель изучал латинский, древнегреческий, древнееврейский языки, увлекался латинской литературой. Уже в стенах гимназии его привлекало изучение истории - истории общества, культуры, языка, истории литературы в тесной связи с историей мысли. Влияние исторически ориентированного образования прослеживается во всем гегелевском творчестве.

В 1788 г. восемнадцатилетний Гегель стал студентом Теологического института в Тюбингене. Но теология сама по себе его мало интересовала, в большей степени его привлекала философия, которую в первые три года обучения довольно основательно преподавали и изучали в институте.

В 1793 г. Гегель получил степень магистра философии за дискуссию по сочинению Ле Бре, посвященному церковной истории Вюртемберга, в том же 1793 г. Гегель окончил Теологический институт.

Время учебы Гегеля в институте совпало с годами Французской революции. Это обстоятельство сильнее всего влияло на умонастроения студентов того времени, многие из которых прониклись радикальными революционными идеями. Французская революция провозгласила верховенство прав и свобод человека, привела к освобождению от феодальных повинностей, осуществила невиданную в истории культурную революцию.

Молодежь Германии восторженно приветствовала Французскую революцию. Кумирами вольнолюбиво настроенных студентов Европы стали Руссо, Вольтер. Сочинения этих авторов студенты с восторгом изучали, не избежал влияния французских просветителей и Гегель. Кроме того в стенах богатейшей институтской библиотеки молодой Гегель познакомился с трудами других французских философов, увлекся философией немецкой мистики, философией Канта, а позже и философией Фихте.

Ближайшими друзьями Гегеля по Тюбингену были блестящий уже тогда поэт Гельдерлин и совсем молодой, но подающий большие надежды Шеллинг. Гегель вместе с Шеллингом и Гельдерлином были членами студенческого политического клуба, увлекавшегося идеями Французской революции. Они с восторгом и воодушевлением восприняли революцию и ее идеи. И, хотя впоследствии философ в какой-то мере расстался со своими

юношескими идеалами, однако на всем его творчестве лежит печать влияния великой французской революции. Гегель сравнивал французскую революцию с «восходом солнца». Гегель и его друзья были настолько увлечены лозунгами Французской революции - идеалами свободы, равенства и братства - что в честь нее посадили в парке «Дерево свободы», вокруг которого танцевали и распевали политические песни.

После окончания института Гегель начинает работать в Берне, а затем во Франкфурте домашним учителем, параллельно совершенствуясь как философ. Он изучает проблемы религии и пишет работы, которые впоследствии были названы «Теологическими сочинениями» - «Народная религия и христианство» и «Позитивность христианской религии». В центре этих сочинений такие идеи, как прославление и защита свободы, критика деспотизма, «народная» и неортодоксальная религия и теология. В этих работах молодой ученый впервые предпринимает попытку построения так называемой народной религии - религии, более близкой к человеку, свободной от догматизма.

В переписке Гегеля с Шеллингом бернского периода молодые философы с нетерпением ожидают падения деспотии, а вместе с ней и диктатуры «философских ничтожеств». Но в 1795 г. эти надежды начинают ослабевать, друзья теряют веру в быстрые и радикальные революционные изменения в политике, философии, человеческой мысли. Они приходят к выводу, что над реформами нужно долго и тщательно работать, чтобы и Германия, и Европа, и все человечество постепенно овладели новыми ценностями свободы, равенства, братства. Приходит и определенное разочарование во Французской революции, в способах осуществления тех идей и ценностей, которые она провозгласила, но, разумеется, не в самих ценностях свободы и братства.

Идея свободы – как ценности всех ценностей, принципа всех принципов, - господствует в произведениях и переписке молодого Гегеля. И это относится не только к умонастроениям молодого ученого, работы зрелого философа, например, «Философия права», также начинаются и заканчиваются темой свободы. Идеалу свободы Гегель не изменит до последних дней своей жизни.

О какой же свободе мечтают молодой Гегель и его друзья? Это, прежде всего, свобода от тирании, угнетения, произвола властей, от деспотизма; молодой Гегель и его единомышленники ратуют за уважение к достоинству человека. Прославление и отстаивание достоинства человека для Гегеля - это «залог того, что исчезнет ореол, окружающий головы земных угнетателей и Богов»¹.

В 1797 г. Гегель, благодаря Гельдерлину, переехал во Франкфурт, чтобы быть ближе к кружку друзей. Во Франкфурте, как и в Берне, Гегель вынужден был работать домашним учителем. На этот раз он учительствует в

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М., 1971. Т.2. С.224.

семье купца Гогеля. Франкфуртский период интересен тем, что Гегель в это время по-прежнему находится в состоянии идейных, духовных поисков.

В мире умонастроений Гегеля и Гельдерлина было много общего. Гегель высоко ценил Гельдерлина за то, что тот был буквально погружен в мир красоты, чистоты, красоты чистых сущностей. Они вместе изучали Платона, Канта, письма Якоби о Спинозе. В духовном развитии друзей связывало и общее отношение к происшедшему в Германии «ренессансу» греческого духа, философско-поэтическому движению, стремившемуся оживить ценность греческого искусства, величие греческой философии.

В 1801 г. Гегель получил возможность заняться академической карьерой, он становится преподавателем Йенского университета.

Йенский период жизни Гегеля был переходным для самого философа и во многом плодотворным. Он много писал, публиковал свои первые крупные сочинения, именно в Йене Гегель вырос в крупного известного философа.

Гегель прибыл в Йену по приглашению Шеллинга, в то время одного из самых молодых и, несомненно, самых любимых студентами профессоров Йенского университета. Шеллинг был к тому времени также и известным автором работы «Система трансцендентального идеализма». Потому первое время Гегель остается в тени Шеллинга, продолжая ощущать себя еще формирующимся философом.

Но, тем не менее, йенские годы - это период творческой продуктивности Гегеля. В 1801 г. Гегель пишет работу «Различия между системами философии Фихте и Шеллинга», представляющую собой попытку освободиться от влияния Фихте посредством критики его философии. Произведение о системах Фихте и Шеллинга наполнено целым рядом конкретно-исторических рассуждений, анализом фихтеанской философии. Но главным образом анализ Гегеля сосредоточен вокруг поисков принципа системности, принципа, который будет положен в основание системы. Субъективизм философии Фихте, ее сосредоточенность вокруг принципа Я и не-Я, вокруг чисто теоретической способности вызывает резкую критику Гегеля. Его также не удовлетворяет фихтеанская попытка привести к синтезу природу и свободу.

В Йене Гегель вместе с Шеллингом учреждает «Критический журнал философии», где, как отмечают исследователи, Гегелю пришлось выполнять основную работу. «Критический журнал» жестко разделяется с тогдашней официальной философией, для критики официальной философии Гегель и Шеллинг используют и так называемую «Эрлангенскую литературную газету».

Говоря об йенском периоде, следует отметить, что теперь гегелевская философия развивается в атмосфере глубочайшего почтения к науке и научности, к человеческому разуму, чему способствует преподавание в Йенском университете, известном своими естественнонаучными исследованиями. 27 августа 1801 г. Гегель защищает в качестве диссертации сочинение об орбитах планет. Это сочинение - попытка Гегеля философски размышлять о проблемах природы. Философ с гордостью сообщает в своей

биографии, что он был принят в члены йенского Минералогического, а потом Естественногообщественного общества. В 1805-1807 гг. Гегель читал лекции не только по философии, но также «чистую математику» по учебнику Штала и курс геометрии по учебнику Лоренса.

В работах йенского периода Гегель постепенно начинает пролагать свой независимый от философии Шеллинга путь. Отъезд Шеллинга из Йены в 1803 г. стал поводом к обретению Гегелем большей свободы. Этот период заканчивается написанием «Феноменологии духа» - великой работы, которую ученый положил в основание своей философской системы и сделал фундаментом всего вообще системного знания.

С 1808 по 1816 гг. Гегель становится ректором гимназии. Начинается нюрнбергский период его биографии. Философ придавал огромное значение системе образования, реформе гуманитарного образования. В период его ректорства гимназическое образование начинает соединяться с так называемым реальным образованием, которое включает в себя не только гуманистическую культуру, но и развивающиеся естественные науки и технику.

Для Гегеля как философа нюрнбергский период стал чрезвычайно продуктивным. Несмотря на огромную занятость в гимназии, ученому именно в Нюрнберге удалось написать и опубликовать свое главное произведение - «Науку логики» (первая книга вышла в 1812 г., вторая - в 1813 г., третья - в 1815 г.). Речь идет о так называемой Большой логике.

В 1811 г. Гегель женился на Марии фон Тухер, семья которой принадлежала к баварской знати.

С 1816 по 1818 гг. Гегель преподает в Гейдельберге, куда он был приглашен в качестве профессора университета. Здесь в 1817 г. выходит первое издание «Энциклопедии» - начальный набросок энциклопедической системы, где первоосновой и становится «Наука логики». В «Энциклопедии» она была изложена в кратком виде (в виде «Малой логики»), были включены и другие части системы - «Философия природы» и «Философия духа». Энциклопедия была задумана как единая систематическая философия, которая разделяется на части и сообразуется, по словам самого автора, с внутренним ритмом понятия.

В годы работы в Гейдельберге и с 1818 г. в Берлине основные усилия философа были направлены на чтение лекций. Его слава росла, и гегелевские лекции привлекали студентов со всей Германии и из-за ее пределов. Прочитанные им лекции по эстетике, философии религии, философии права и истории философии были изданы на основе записей лекций его студентами.

В связи с гейдельбергским и последующим берлинским периодом (1818-1831) необходимо сказать о связи Гегеля с немецкими реформаторами. В Гейдельберге и Берлине Гегель оказался не случайно. Его пригласили в прославленные университеты не только почитатели из научной среды, но и высокопоставленные чиновники из прусского правительства.

В XIX в., а именно в 1806 г., когда в Германии было отменено крепостное право, начались реформы в сфере школьного и университетского образования. Интерес правительственных кругов, а именно реформаторов, к философским учениям был не случайным, поскольку сочинения Гегеля, в частности его «Философия права» писались с учетом интересов государства, правительства, формирующегося гражданского общества.

Однако между реформаторством и философией Гегеля имеются как свои связи, так и довольно значительное расстояние, поскольку политика никогда не совпадает с философией, философия же всегда шире самых благородных политических начинаний. В социальной философии ученого господствует та идея, которая была не чужда реформаторам - это идея мирного разрешения социальных конфликтов. Гегель считал, что общество, которое должно, с одной стороны, сохранять свободу индивида, а с другой - создавать правовое государство, основывается на законодательно признанных правах и свободах человека, на разумном взаимопонимании граждан, на согласовании всех функций правового государства, на взаимных уступках и согласии индивидов и групп. Философ в берлинский период, особенно много занимаясь этими проблемами, внес неоценимый вклад в их осмысление, значимый и сегодня.

Гегель в Берлине много занимался проблемами культуры, поддерживая проводимую государством культурную политику, которая была в значительной степени определена в 1809-1810 гг., проблемами образования, искусства, эстетическими вопросами. Он в это время больше читал лекции, чем сам писал книги. Центральное произведение начального этапа берлинского периода - это «Философия права» (1820). Кроме того, к берлинскому периоду относятся несколько более мелких работ, также посвященных философии права. Последним произведением ученого была политическая работа «Английский билль о правах».

В 1830 г. Гегель был назначен ректором Берлинского университета. В 1831 г. Фридрих Вильгельм III наградил его за службу Прусскому государству.

После того как в августе 1831 г. Берлин охватила холера философ покинул город, но с началом в октябре нового семестра вернулся в Берлин, по ошибке считая, что эпидемия закончилась. 14 ноября 1831 г. он умер. В соответствии со своим завещанием Георг Вильгельм Фридрих Гегель был похоронен 16 ноября 1831 г. рядом с Фихте и Зольгером на кладбище Доротинштадт.

Ранние теологические работы

В молодые годы Гегель большое внимание уделял проблемам истории религии. В своих ранних работах «Жизнь Иисуса», «Позитивность христианской религии», созданных под влиянием идей французского просвещения, молодой философ подверг резкой критике христианскую религию и ее принципы, проводя четкую грань между *позитивной и естественной* религией, которые, по его мнению, противоположны друг другу. Гегель, как мы помним из его биографии, был большим поклонником Древней Греции и ее естественной религии - *религии свободы*, по его мнению, возвышающей человека и дающей ему возможность смотреть на мир открытыми глазами, в противоположность позитивной христианской религии, не поощряющей свободы человека, обрекающей его на пассивность и рабскую психологию.

Народная, естественная религия, по Гегелю, - это языческие верования античного общества, демократические порядки которого для молодого ученого были образцом государственности. Народная религия для него результат и основа свободы, в условиях которой человек чувствует себя органической частью государственного целого. Христианские же догматы, по мнению философа, обращены к индивиду, она покоится не на гармонии индивида и коллектива, а на авторитете и традиции. Отсюда вытекает «позитивность» христианства.

Таким образом, так называемые «Ранние теологические сочинения» Гегеля в главной своей тенденции направлены против христианской религии. Основная мысль ученого состоит в том, что разложение античных городов-республик означало закат общества свободы и величия человека, превращение героического, республиканского гражданина полиса в эгоистического «частного человека» современного общества. На этом этапе молодой мыслитель видит в христианстве религию утраты человеческой свободы, религию тысячелетних деспотий и рабства. Эти мысли философа, как мы видим, согласуются с общей линией Просвещения.

Однако сразу же следует добавить, что гегелевская борьба с христианством никогда не доходит до отрицания религии, напротив, устремления его являются религиозными: философ пытается выяснить общественные условия, при которых *религия деспотизма и рабства может быть замещена религией свободы*, мыслимой им по античному образцу.

В центр своего исследования молодой Гегель ставит вопрос об общественных основах возникновения христианства. В христианстве он усматривает решающую причину всех общественных и политических событий современной ему жизни, против которой направлена главная линия его борьбы. Здесь отчетливо видно, насколько велико было влияние французской революции на формирование взглядов молодого ученого.

Борьба Гегеля против господствующей философии и религии была составной частью его идеологической борьбы против деспотизма вообще, где

критику христианства философ рассматривает как составную часть общей борьбы против феодально-абсолютистского деспотизма.

В своей наиболее значительной статье бернского периода – *«Позитивность христианской религии»* Гегель полагает, что важнейшие исторические перевороты - переход от античной свободы к деспотии средних веков и нового времени и ожидаемый переход от этой деспотии к новой свободе - теснейшим образом связаны с религиозными переворотами.

Позже, уже зрелый ученый в своих берлинских лекциях по философии истории, а именно в рассуждениях относительно июльской революции 1830 г., возвращается к этой же постановке вопроса. Полемизируя в них с западноевропейским либерализмом, он пишет: «Ведь это ложный принцип - полагать, что оковы права и свободы могут быть сброшены без освобождения совести, что возможна революция без Реформации».

Действительно, центральным вопросом для молодого Гегеля является «позитивность» христианской религии, которая совпадает с защитой деспотизма и притеснения, в то время как непозитивные религии античности были религиями *свободы и человеческого достоинства*. Их возрождение, полагает философ, составляет революционную цель, к осуществлению которой подошло теперь человечество.

«Позитивная вера есть система религиозных положений, которые потому должны для нас стать истиной, что предписываются нам авторитетом, которому мы не можем отказать в подчинении, - отмечает Гегель. - В понятии позитивной веры, во-первых, имеется система религиозных положений, или истин, каковы, независимо от того, считаем ли мы их верными, должно рассматривать как истины, которые в любом случае оставались бы истинами, даже если бы они не были ведомы никому и никем не считались бы истинными, и которые посему часто именуются объективными истинами, - такие истины должны становиться истинами для нас, субъективными истинами»¹.

Так ученый характеризует позитивную религию, подчеркивая независимость положений позитивных религий от субъекта, требующих от него слепо признать в качестве «своих» эти положения, которые он сам не создавал. Позитивность, таким образом, означает здесь прежде всего *отрицание моральной автономии субъекта*. Подобная трактовка позитивности близка к кантовской теории морали, однако необходимо иметь в виду, что субъект, которого имеет в виду Гегель, не тождествен кантовскому моральному субъекту, напротив, это всегда общественно-исторический субъект.

Смысл гегелевской концепции - поскольку речь идет о непозитивной Греции, об исторически-моральном идеале - состоит в том, чтобы соединить *моральную автономию единичного субъекта с демократической коллективностью всего народа*. Противоречие между субъективностью отдельного лица и общественной деятельностью социального целого

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. С.200.

возникает, согласно молодому Гегелю, лишь вместе с упадком демократии полиса и с христианской религией, возникающей вместе с упадком демократии.

Период деспотии, по мнению молодого ученого, продолжается вплоть до современности и пронизывает все формы общественной жизни и идеологии. О моральном разложении людей философ судит по тому, насколько они свыклись с утратой свободы, решают ли они мировоззренческие вопросы в духе свободы или подчинения позитивности.

Таким образом, для Гегеля «заданный», формальный характер моральных законов составляет важнейший признак позитивности. Он считает, что сущность всякого нравственного закона состоит в том, что моральный субъект сам является законодателем. «Но христианская религия возвещает нам моральный закон, который находится вне нас, дан нам, поэтому ей приходится смотреть, каким иным путем можно вызвать уважение к этому закону. Конечно, понятие позитивной религии могло бы вобрать в себя такой признак, как то, что нравственный закон выдвигается для людей как нечто данное»¹.

Христианская церковь располагает кодексом, в котором предписывается «...и то, что должен делать человек, и то, что он должен знать и во что верить, и то, что он должен чувствовать. Вся законодательная и судебная власть церкви основана на обладании таким кодексом и на использовании его; стало быть, если правам разума каждого человека противоречит подчинение такому чуждому кодексу, то и вся власть церкви неправомерна; и ни один человек не может отречься от своего права самому себе давать законы, самому себе быть обязанным в отчете о пользовании ими; отчуждая от себя такое право, человек перестал бы быть человеком»².

Здесь Гегель четко формулирует противоречие между позитивной религией и человеческой свободой: если человек отрекся от своей моральной свободы, то он уже не может не оказаться под игом нависшей над ним позитивной религии, которая распространяет свою власть на все области его жизни: «Способность к такой вере необходимо предполагает утрату свободы, самостоятельности разума, который ничего уже не способен противопоставить чужой силе. Вот та первая точка, от которой идет и всякая вера и всякое неверие в позитивную религию, и в то же время вот то средоточие, вокруг которого потому и ведутся все споры; хотя бы оно и не осознавалось ясно сознанием, оно служит основанием для всякого раболепствования и всякой строптивости. На этом должны твердо стоять ортодоксы, здесь они ничего не могут уступить...»³.

Таким образом, теологические сочинения молодого Гегеля в сущности являются *обвинительным актом против христианства*.

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. С.175.

² Там же. Т.1. С.176.

³ Там же. Т.1. С.201-202.

В глазах молодого философа обладает ценностью только субъективная религия. Разумеется, в его концепции есть еще неисторические черты, берущие начало в учении о «естественной религии» или о «разумной религии» просветителей: «Субъективная религия присуща добрым людям, объективная может принимать почти любую окраску, весьма безразлично какую... ибо религия есть дело сердца, которое часто непоследовательно относительно догм, которые принимает рассудок или память...»¹.

Однако эта противоположность субъективной и объективной религии пересекается у Гегеля с противоположностью публичной и частной религии, Мыслитель теснейшим образом связывает публичную религию с субъективной, а частную - с объективной.

Субъективной религией оказывается, по Гегелю, подлинная «народная религия». Требования, которые следует к ней предъявить, он резюмирует следующим образом: «I. Ее догматы должны быть основаны на всеобщем разуме. II. Фантазия, сердце и чувственность должны уходить от нее не с пустыми руками. III. Она должна быть таковой, чтобы с ней были соединены все потребности жизни - публичные государственные действия»².

В следующей далее негативно-полемиической части работы философ отвергает всякую веру в фетиши. Он здесь подчеркивает, что не только публичная религия должна содержать заповеди и запреты, например такие, как «не укради», но и «особенно должны быть приняты во внимание и зачастую расцениваться как самые важные более отдаленные действия. Именно они главным образом возвышают и облагораживают дух нации, пробуждая в ее душе так часто дремлющее чувство достоинства, не позволяя народу унижаться и унижать»³. Субъективная, публичная религия выступает, следовательно, у молодого ученого как религия самоосвобождения народа.

Гегель далее продолжает: «Религия римская и греческая - это была религия только для свободных народов, а когда свобода была утрачена, неизбежно суждено было исчезнуть и ее смыслу, ее силе, ее сообразности людям.... Будучи свободными, они послушествовали законам, которые дали сами себе, и людям, которых сами избрали своими начальниками, вели войны, задуманные ими самими, жертвовали своим, имуществом, своими чувствами, тысячи жизней отдавали ради достижения одной цели, которая была их целью; они не наставляли и не получали наставлений, но принципы своей добродетели осуществляли в поступках, которые вполне могли называть своими поступками; как и в общественной, так и в частной и домашней жизни каждый был свободным человеком, каждый жил по собственным Законам. Идея своего отечества, своего государства - вот что было тем незримым, высшим началом, ради чего он трудился, что побуждало его к действию, вот что «было» для него конечной целью мира, конечной

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. С.56.

² Там же. Т.1. С.69.

³ Там же. Т.1. С.50.

целью его мира, вот что видел он воплощенным в действительности или же сам помогал воплощать и сохранять в действительности»¹.

Таким образом, центральной идеологической проблемой для молодого Гегеля выступает то, что он называет субъективностью в противоположность позитивности, которая в политической области выражается просто и ясно: *люди повинуются созданным ими же законам, ими же выбранному начальству и т. д.*, - государство постепенно выступает продуктом их собственной деятельности. Такая *свобода и самодеятельность народа* порождают, по мнению философа, непозитивный, нефетишизированный, необъективный характер античной религии. С помощью дальнейших описаний и анализа мыслитель пытается объяснить, в чем состоит специфика этой необъективной объективности, присущей античности.

У Гегеля этот ход мысли тесно связан с политическо-гражданским образом античности. *Социальность образует средоточие жизни античного человека. Однако люди при этом остаются свободными и самостоятельными индивидами со своей собственной судьбой.* Их частные мысли, чувства и страсти должны быть организованы так, чтобы они никогда не оставались на этой ступени, а постоянно и совершенно беспрепятственно могли погружаться в общественную жизнь.

Противоположность греческой естественной религии и позитивной религии христианства Гегель иллюстрировал яркими примерами. Он размышляет о человеческих образах, героях, являющихся олицетворением идей греческой и христианской культуры. Наиболее ярким и точным образом греческой культуры является, по мнению молодого философа, Сократ - простой демократичный человек, доступный всем и каждому, не берущий за свои занятия плату, и потому имеющий множество учеников. В отличие от Сократа, символ христианской религии - Христос имеет только определенное количество учеников - их ровно двенадцать. По мнению ученого, христианство и его институты с самого момента своего зарождения были заражены бюрократическим, формальным подходом.

Проводя многочисленные параллели между Иисусом и Сократом, Гегель усматривает фетишизм именно в том, что христианское предание насчитывает ровно двенадцать учеников Иисуса. Иисус, согласно Гегелю, отторгает своих учеников от жизни, от общества, изолирует их, задает им другую модель человека, главной чертой которого становится как раз ученичество, в то время как у Сократа жизнь учеников всегда определяется общественным содержанием, а развитию индивидуальности не ставятся искусственные препятствия.

Ученики Сократа возвращаются к общественной жизни обогащенными. «Каждый ученик сам по себе был мастером; многие основали свои собственные школы, многие были крупными военачальниками, государственными людьми, всякого рода героями»², в то время как у Иисуса

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. С.186-187.

² Там же. Т.1. С.84.

возникла ограниченная, замкнутая секта; «среди греков он стал бы предметом насмешки»¹.

На этом пути, всегда открытом для включения индивида в общественную жизнь, и возникает, по мнению Гегеля, основа для нормального характера античного мира в противоположность искаженной до патологии христианской жизни.

Молодой мыслитель, таким образом, дает всеобщую характеристику античной жизни, усматривает живую *связь между общественной и частной жизнью*, видит свободное и самостоятельное возвышение частной жизни к жизни общественной. Он убежден, что свободная и развитая человеческая личность возникает и может развиваться только там и тогда, где и когда общественные условия создают возможность совпадения общественной и частной жизни человека, живого взаимодействия между ними.

Гегель проводит следующую параллель между античной и современной жизнью: в республике люди живут для идеи, в монархиях всегда для чего-то отдельного - но люди и здесь все же не могут быть без идеи, они создают некую отдельную идею, идеал. В античной республике - идея, как это должно быть, здесь - идеал, который они редко создавали сами, - Божество.

Вслед за этими рассуждениями молодой ученый противопоставляет античное и христианское искусство, архитектуру. Разумеется, это противопоставление опять-таки в пользу античности, но в любом случае необходимо отметить, что искусство рассматривается философом не как самоцель, а как выражение различного социального чувства жизни, присущего этим двум великим эпохам.

Их противоположность, по мнению Гегеля, выражается в произведениях искусства, созданных под идейным влиянием этих религий. Естественная религия утверждает жизнерадостного человека, воспекает его прекрасное тело, великолепные творения: греки сами были прекрасны и создавали прекрасные произведения искусства. В противоположность жизнеутверждающей и свободолобивой религии греков, христианство проповедует покорность, представляя в искусстве несчастного, немощного человека, лишённого телесной красоты, обращая внимание лишь на его измученную душу: в христианской религии, по мнению философа, искажается подлинная человеческая красота.

Гегель сравнивает также архитектуру христианских и греческих городов. Греческие города - светлые, с белыми невысокими домами, широкими прямыми улицами, мраморными храмами - свидетельствуют о своих свободолобивых творцах, уважающих себя и свою индивидуальность. Западноевропейские города - серые, с узкими кривыми улицами, мрачными зданиями готических храмов, зримыми воплощениями христианского мировоззрения - рассказывают о своих несвободных создателях. Если в греческих храмах - домах греческих Богов - светлых, широких, просторных,

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. С.85.

человек чувствует себя свободным, ощущает радость и восторг бытия; то в готических храмах – в доме христианского Бога, человек ощущает себя мелкой и никчемной песчинкой, стремится упасть на колени перед его поражающей воображение грандиозностью и величием.

В какой степени радикальна гегелевская оценка античности в ее сравнении с современностью, видно также из полемики Гегеля с Шиллером, этические взгляды которого высоко ценятся Гегелем в этот период. В своей работе «О наивной и сентиментальной поэзии» Шиллер подчеркивает превосходство современных поэтов над поэтами античности в изображении любви. Гегель же в переоценке любви в современную эпоху и в ее недооценке в античную эпоху видит следствие постоянно анализируемой им социально-политической противоположности: «Не связано ли это явление с духом более свободной жизни греков?», - задается вопросом философ.

Гегель придумывает случай, будто один рыцарь рассказывает афинскому государственному деятелю Аристиду о своих деяниях, не сообщая, однако, что он совершил их из любовной страсти. «Разве Аристид, - пишет ученый, - не зная, кому посвящены все эти чувства, дела и воодушевление, не ответил бы так: я посвятил жизнь моему отечеству, я не знал ничего, что было бы выше его свободы и блага, а трудился ради этого, не притязая ни на награды, ни на власть, ни на богатство, но я признаю, что не сделал столько и никогда не испытывал столь всеохватывающего и глубокого благоговения. Я знаю греков, сделавших больше меня и с более высоким воодушевлением, но я не знаю никого, кто поднялся бы до такого величия самопожертвования, которого достигли вы. Чему же посвящена ваша высокая жизнь? Это должно быть что-то бесконечно более великое и достойное, чем высшее из того, что я могу себе представить, - отечество и свобода!»¹.

В иронии Гегеля по поводу гипертрофированной в современной культуре чувства индивидуальной любви содержится бесконечное уважение и похвала нормальной жизни античности. Культура чувств нового времени понимается немецким мыслителем как экзальтация, как низведение высоких чувств к одним лишь индивидуальным, частным и потому недостойным предметам. Ведь предметом героических деяний, по мнению философа, могут быть только *отечество и свобода*.

Далее Гегель добавляет: «Если кто-то, как, например, республиканец, воин, сражающийся если не за отечество, то все же во имя чести, поставил цель своему существованию, цель, в которой отсутствует вторая составная ее часть - блаженство, то цель его такова, что реализация ее целиком зависит от него самого и не нуждается в чужой помощи»².

Во всех этих гегелевских рассуждениях обнаруживается то, насколько в этот период философ связывает полное осуществление жизненных целей человека, подлинное развертывание сущностных сил человеческой личности

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. С.224.

² Там же. Т.1. С.207.

с абсолютной преданностью родине, интересами общественной жизни. Во всяком стремлении, направленном на частную жизнь индивида, молодой мыслитель видит не что иное, как мещанство. Он противопоставляет христианско-мещанской, морали «частного человека» героическую мораль общественной жизни.

Подобные рассуждения Гегеля говорят о большом влиянии на его мировоззрение идей французской революции, образа мысли Просвещения, с их критическим отношением к христианской религии. Однако в своем дальнейшем духовном развитии философ отошел от такой радикальной позиции. И уже в работе «Духовность христианства и его судьба» он по-новому осмысливает значение религии вообще и христианства, в частности, пытается применить исторический подход к анализу религиозных форм.

Всякая религия, приходит к мысли Гегель, не является раз и навсегда данной, раз и навсегда позитивной или естественной. Так, в период своего зарождения христианская религия была такой же естественной, цельной и открытой как античная, позитивность, бюрократизм, формализм и другие отрицательные черты стали присущи ей только впоследствии. Философ здесь впервые пытается провести идею историзма в осмыслении явлений, стремится показать, что явление не является статичным, напротив, с течением времени, изменением общества, развитием культуры оно также меняется и развивается. В подобной постановке проблемы впервые обнаруживаются элементы гегелевской диалектической философии.

Исторический подход в постановке проблемы проявляется прежде всего в том, что Гегель при объяснении возникновения господства христианства исследует в первую очередь не историю возникновения самого христианства, а историю падения античных государств. Он исходит из наличия общественной потребности в такой религии, которая соответствовала бы упадку свободы, деспотизму, и объясняет победу христианства тем, что оно удовлетворяло этим требованиям: «В таком состоянии, без веры во что бы то ни было устойчивое, абсолютное, с такой привычкой подчиняться чужой воле, чужому законодательству, без родины, в государстве, где никакая радость не могла долго удерживаться, где гражданин чувствовал только гнет, при таком культе, на торжества и празднества которого они не могли принести с собою дух беззаботной радости... когда все находилось в таком состоянии, перед людьми предстала религия, которая или была уже сообразована с потребностью времени, поскольку возникла она в народе такой же испорченности и подобных же, только иначе окрашенных пустоты и недостатка, или из которой люди могли создать то и привязаться в ней к тому, в чем была их настоящая потребность»¹.

Потребность в новой религии, удовлетворенная христианством, объясняется, по Гегелю, тем, что расширение Римской империи нивелировало различные нации, уничтожило их национальные религии,

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. С.189.

устранило республиканскую публичность и свободу жизни, таким образом произошла приватизация всех сфер человеческой жизни. В такой общественной атмосфере, согласно философу, возникает современный индивидуализм - индивид, озабоченный только своими узкими, материальными и иногда духовными потребностями, ощущающий себя изолированным «атомом» общества. Общественная деятельность индивида является только маленьким колесиком в чудовищном механизме, устройство, цель и назначение которого индивид не в состоянии понять. В подобном обществе возникает потребность в частной религии, в религии частной жизни.

Гегель усмотрел в этом частном характере решающий момент христианства. В противоположность античным религиям, которые постоянно обращались ко всему народу, для христианства характерна ориентация на отдельного человека, на спасение души отдельного человека. В этом проявляется, по мнению мыслителя, первичный позитивный характер учения и деятельности Иисуса, постоянно обращающегося к отдельным людям и принципиально оставляющего без внимания проблемы общества.

Так, в работе «Жизнь Иисуса», написанной летом 1795 г., гегелевский Христос - глашатай кантовской этики. В его уста автор вкладывает формулу нравственности: «Превыше всего человек. Люби каждого человека, как самого себя. Человек больше, чем храм; между человеком и Богом нет опосредствующих звеньев». Иисус, обращается к своим ученикам: «...не надейтесь увидеть царство Божие во внешнем, пусть самом блистательном, объединении людей, - ни в виде государства, ни в виде общества, подчиненного твердо установленным законам»¹.

Но Гегель поднимает вместе с этим и другой исторический вопрос. Первоначальное, основанное Иисусом христианство в том виде, в каком оно сообщено в Новом завете, не идентично тому христианству, которое было принято императорским Римом.

Философ разграничивает различные ступени развития позитивности христианской религии: во-первых, учение самого Иисуса и его отношение к непосредственным ученикам; во-вторых, возникшие после его казни и пришедшие на смену первой общине христианства с его предполагаемым моральным объединением христианские секты, в которых в зародыше всегда существовавшие позитивные черты выступили еще сильнее; наконец, в-третьих, дальнейшее распространение этого учения на все общество, христианство как господствующая церковь, в которой эти чуждые и враждебные жизни силы позитивности получили то роковое значение, которое определяет все развитие средневековья и нового времени.

Видно, что схема этого развития несравненно историчнее, чем понимание молодым Гегелем античного полиса. Согласно ученому,

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия религии. М., 1975. Т.1. С.75.

расширение общества дает затем, по мере его количественного увеличения, различные качественные формы развития позитивности¹.

Далее Гегель переходит к анализу того, как модифицировались отдельные наставления и заповеди Иисуса уже в первоначальной общине, как они позже, с образованием христианской церкви, развились до законченной позитивности, до лицемерного деспотизма.

Так, причастие было первоначально прощением учителя со своими учениками, затем оно превращается в тризну об умершем любимом учителе, причем в любом случае решающей религиозно-моральной проблемой выступало равенство и братство между учениками. «Но поскольку при распространении христианства увеличивалось неравенство среди отдельных христиан, что хотя и отвергалось в теории, но на деле существовало, то подобное братство исчезло». Христианство постепенно во всех областях превращается в позитивную церковь и преобразует первоначальную частную мораль своего основателя в догматическое лицемерие.

Из этого состояния, по мысли молодого Гегеля, есть только один выход - возрождение античной свободы и самостоятельности людей.

Ненависть и презрение молодого мыслителя к позитивной религии, к христианству, явились глубочайшим источником его воодушевления революцией. Именно потому, что он представлял себе революцию сугубо идеалистически, как осуществление социально истолкованного им «практического разума», вопрос о воле должен был играть у него решающую роль.

В таком идеалистическом понимании религия, естественно, должна была стать основной движущей силой исторического развития. Поэтому для молодого ученого позитивность религии оказывается решающим препятствием освобождения человечества. Он резюмирует свои взгляды на религию и ее историческую роль следующим образом: «Так деспотизм римских цезарей изгнал с земли дух человека, отнятая свобода вынудила дух все вечное и абсолютное скрывать в божестве - бедствия, которые распространял деспотизм, заставляли искать блаженства на небесах и ждать его от неба. Объективность божества сопутствовала испорченности и рабству людей и, собственно говоря, была только откровением, явлением этого духа тех времен... Откровение духа времени совершалось посредством объективности его бога, когда он был перенесен не в соответствии со своей мерой в бесконечность, но в чуждый нам мир, в котором мы не можем принимать никакого участия, не можем ничего обрести нашими поступками, в который мы в лучшем случае можем пробраться силой волшебства и попрошайничества; откровение духа времени совершалось, когда сам человек был одним «не-я», а бог - другим «не-я»... В такую эпоху бог неизбежно переставал уже быть чем-то субъективным, он целиком превращался в объект; извращенность моральных мнений легко и

¹ См. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987.

последовательно оправдывалась тогда теорией... Такова система каждой церкви...»¹.

Следует заметить, что в своих последующих трудах и исследованиях уже зрелый Гегель изменил свое отношение к христианской религии, относился к ней с огромным уважением, раскрывая гуманистическое значение ее величайших идей. Так, он особо подчеркивал, колоссальную заслугу христианской религии в открытии *человека* как такового. Философ замечал, что культурные и просвещенные во всех отношениях греки, например, еще не понимали и не признавали существования человека как такового, равенства людей между собой, с их точки зрения варвары, рабы - не люди, тогда как в христианстве впервые была озвучена идея об изначальном равенстве людей, *идея человеческой свободы*.

Молодой мыслитель занимался не только вопросами религии, в работах этого времени немалое внимание уделяется изучению истории философии: в частности серьезное место в его раннем творчестве занимают философские исследования, посвященные глубокому анализу философских идей Фихте и Шеллинга. Все это говорит о том, что Гегель еще с молодых лет проявил себя как интересный и серьезный ученый, глубоко исследовавший историю культуры, религии, философии, всесторонне изучавший труды как классиков, так и своих непосредственных предшественников и современников.

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1. С.194-195.

Глава II. «Феноменология духа» и обоснование исходного начала гегелевской философии

«Феноменология духа» - является первым крупным произведением немецкого философа, именно с нее начинается зрелый Гегель. Это произведение имеет исключительное значение в философском творчестве мыслителя, поскольку в нем обосновывается *исходное начало* его философской системы. В «Феноменологии духа» в зародышевой форме представлено все гегелевское философское учение. В ней, исследуя эволюцию человеческого сознания, Гегель открыл свой новый теоретический метод, такие фундаментальные принципы, как принцип противоречия, разрешения противоречия, принцип отрицания отрицания, вопрос о снятии, всесторонне и глубоко применил принцип развития. В «Феноменологии духа» он также применил такие свои знаменитые диалектические принципы, как принцип восхождения от абстрактного к конкретному, совпадения исторического и логического, единства всеобщего, особенного и единичного и т.д.

Со времени выхода в свет «Феноменологии духа» Гегель окончательно и принципиально разошелся со своим старым университетским товарищем Шеллингом. До «Феноменологии духа» они были друзьями, шли рука об руку по жизни, информируя друг друга о своих философских интересах, достижениях и проблемах. После «Феноменологии духа» пути двух знаменитых философов окончательно разошлись. Остановимся подробнее на причинах этой размолвки.

В области философии Гегель и Шеллинг с величайшим уважением относились к теоретическому наследию Канта. По их мнению, великий Кант в своем философском учении создал и описал результат всякой философии; отсюда они пришли к выводу о бессмысленности создания новых философских систем. Задача, по их мнению, заключалась теперь в том, чтобы предварить готовую кантовскую философию некоторым началом. Поскольку предметом философии Гегель и Шеллинг считали абсолютное, а всякая философия с их точки зрения есть понимание и изображение абсолютного, то свою задачу они видели в поисках начала.

В своем известном письме Шеллинг сообщил Гегелю о сделанном им гениальном открытии. Всю до сих пор существовавшую философию Шеллинг предлагал свести к двум главным направлениям: философские системы, начинающиеся с объекта, предлагалось свести к философии Спинозы, в свою очередь, все концепции, берущие начало в субъекте, - к самосознанию Канта. Эти две точки зрения, пишет Шеллинг, существовали непрерывно и параллельно во всей истории философии, отсюда, по его мысли, исходным началом подлинной философии не может быть ни отдельно взятый объект, ни отдельно взятый субъект, ни бытие, ни мышление, взятые по отдельности. Исходным началом подлинной философии, подытожил Шеллинг, должен стать принцип, новая *идея о тождестве бытия и*

мышления, неразличимое единство объекта и субъекта, материального и идеального.

Узнав об открытии своего друга, Гегель пришел в восторг, он не просто поддержал его идею, но признался, что отныне чувствует себя учеником Шеллинга, несмотря на то, что Шеллинг был его на пять лет моложе.

Обосновывая свою идею дальше, Шеллинг показал, что тождество бытия и мышления - это нечто совершенно новое. Бытие и мышление, тождество объективного и субъективного есть противоречие, следовательно, разум не в состоянии его схватить, поскольку наука и разум не терпят противоречия. Такое тождество, в высшей степени оригинальное начало не может быть понято научно, доказано теоретическим образом, оно, утверждает Шеллинг, может быть схвачено только *интеллектуальной интуицией* философского или художественного гения.

Гегель всецело поддержал и принял идею Шеллинга о тождестве бытия и мышления, однако с решением этой проблемы, с шеллинговским обоснованием он не согласился. Гегель не сообщил коллеге о своем несогласии, а стал в «Феноменологии духа» глубоко и всесторонне реализовать свою собственную идею, свое собственное обоснование.

Прежде всего, Гегель действительно считал, что идея тождества бытия и мышления является величайшей по своему значению идеей. Однако, в противоположность Шеллингу, Гегель был абсолютно убежден, что она вполне может быть обоснована *научным путем*. Мысль Шеллинга о том, что тождество не может быть схвачено научным путем, Гегелем решительно отвергалась, поскольку Шеллинг понимал мышление лишь как рассудочное, понимал логику как формальную логику. Шеллинг не оценил значение разума, он рассуждал о разуме, употребляя его как термин, не понимая его действительной сущности.

Как мы помним, еще Кант в своем философском учении разделил рассудок и разум, считал последний антиномичным, поскольку разум способен допускать противоречия. Гегель эту мысль Канта всесторонне развил и показал, что именно *противоречия есть необходимая суть разума*. Разум, в отличие от рассудка не только допускает противоречия, но умеет эти противоречия разрешать. Противоречие не есть нечто отрицательное, считает философ, оно есть сущность, живая жизнь, поскольку разум является высшей формой познания. Превосходство разума над рассудком заключается не только в том, что он допускает противоречия, но и в том, что он может познать переход явлений от одной ступени к другой. Таким образом, Гегель в «Феноменологии духа» реализует новое понимание противоречия, новое понимание природы разума - в этом состоит смысл первого расхождения между Гегелем и Шеллингом.

Во-вторых, Гегель совершенно не согласен с Шеллингом в том, что тождество бытия и мышления есть неразличимое тождество. Гегель считает, что *тождество бытия и мышления есть конкретность и целостность*, оно внутренне противоречиво, это противоречие, возникающее внутри самого творчества, оно есть и возникает при переходе от одной ступени к другой.

По мнению Гегеля, тождество бытия и мышления может быть доказано научно потому, что формой существования науки является система. Только в системе логического развертывания может быть доказано тождество, а не философский или художественный гений в акте интеллектуальной интуиции схватывают его. Знаменитая фраза Гегеля гласит: «истина - не выстрел из пистолета», она есть историческая, развивающаяся категория. Философ считает, что тождество бытия и мышления - это истина, но нельзя думать, что эту истину можно просто высказать, нельзя полагать, что она вдруг озарит гения в состоянии экстаза.

Согласно Гегелю, эта высшая идея есть *результат развития всей философии, всего развития человеческой культуры*. Следовательно, делает вывод мыслитель, начиная с греков, философы пытались понять абсолютное, его начало, но только теперь в ходе развития человеческой культуры эта идея созрела, ее можно схватить, понять, утвердить, это начало абсолютного, выраженное как тождество бытия и мышления, единство объективного и субъективного. К конкретной реализации своей мысли, философского замысла Гегель приступает в своей работе «Феноменология духа».

Предметная область «Феноменологии духа» – развитие сознания. Ф. Энгельс, анализируя «Феноменологию», назвал ее «параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, отображением индивидуального сознания на различных ступенях его развития, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием»¹.

Сам Гегель ясно охарактеризовал фундаментальную методологическую проблему своего труда. Задача «Феноменологии» состояла в том, чтобы дать обыденному сознанию лестницу, с помощью которой оно может восходить к философской точке зрения. Философ берет эту проблему в ее глубокой исторической конкретности, определяя, что путь, по которому каждый индивид должен пройти от обыденного сознания к философскому, и есть путь развития человечества, сокращенный итог всего опыта человеческого рода, и, как таковой, он представляет собой, с этой точки зрения, сам исторический процесс.

Сознательное освоение индивидом родового опыта является сокращенным процессом, охватывающим важнейшие узловые точки на этой линии развития. Сам Гегель формулирует это отношение индивидуального сознания к родовому опыту в предисловии к «Феноменологии»: «Задачу вывести индивида из его необразованной точки зрения и привести его к знанию следовало понимать в ее общем смысле, и всеобщий индивид, т. е. обладающий самосознанием дух, следовало рассмотреть в его образовании... Отдельный индивид должен и по содержанию пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже оставленные духом как этапы пути, уже разработанного и выравненного... В этом аспекте образование, если рассматривать его со стороны индивида, состоит в том, что он добывает себе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.278

то, что находится перед ним, поглощает в себя свою неорганическую природу и овладевает ею для себя. Со стороны же всеобщего духа как субстанции образование означает только то, что эта субстанция сообщает себе свое самосознание, т. е. порождает свое становление и свою рефлексию в себя»¹.

Таким образом, в «Феноменологии духа» имеются два сопряженных и взаимопересекающихся плана: 1) план движения Духа в русле самопостижения через все исторические перипетии окружающего мира, который, согласно Гегелю, есть путь самоосуществления и самопознания Духа; 2) план, относящийся к отдельному эмпирическому индивиду, который должен пройти и освоить тот же путь. Поэтому история сознания индивида есть не что иное, как повторное прохождение истории Духа. В связи с тем, что задача «Феноменологии духа» состоит в освоении индивидом родового опыта, история и система здесь не расходятся, а находятся в строго необходимой методологической связи друг с другом.

Развитие сознания немецкий философ не просто описывает, а начинает с самой простейшей формы сознания и прослеживает его развитие до самой высшей формы, до философии, до абсолютной идеи. При этом структура «Феноменологии» такова: *субъективный дух, объективный дух и абсолютный дух*.

Гегель начинает свой труд с анализа субъективного духа. Раздел «Сознание» открывается рассмотрением сознания индивида, при этом философ указывает, что сознание само по себе не может развиваться, чтобы оно развивалось необходимо противоречие, и Гегель раскрывает противоречие сознания и предмета. В этом противоречии сознание первоначально полагает, что истина находится на стороне предмета. Из обнаружения противоречия сознания, оно переходит от одного образа к другому, от одной ступени к следующей.

Разделы развития сознания, самосознания, разума интересны тем, что Гегель рассматривает здесь не просто выдуманные из головы формы сознания, а образы и формы сознания, связанные с той или иной гносеологической системой, философской теорией, степенью развития человеческой культуры, в связи чем представленная философом эволюция сознания вызывает заслуженный интерес и представляет огромную ценность для познания и понимания сознания или самосознания определенных исторических эпох.

Анализ сознания начинается с самой простейшей формы сознания – *чувственной достоверности* - сознания, направленного на лежащий вне его предмет. Чувственная достоверность, ощущения - самое бедное содержанием знание. Она полагает, что истина находится на стороне предмета и Гегель здесь показывает противоречие чувственной достоверности посредством анализа таких категорий, как *здесь, теперь, это* и т.д. Гносеологические

¹ Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч.1. Феноменология духа // Сочинения: В 14 т. М., 1959. Т.IV. С.14-16.

системы эмпиризма, такие как система Локка и др., исходившие из постулирования истинности чувственной достоверности, полагали, что истинно только то, что я вижу, ощущаю, то есть то, что дается мне органами чувств. Широко известно утверждение: «в интеллекте нет ничего, чего не было бы в ощущениях». Немецкий философ показал неоправданность подобной убежденности: то, что мы считаем *это* или *теперь* являются очень подвижными категориями; стоит изменить положение, как *это* превращается в *другое*, *теперь* - лишается своего смысла. Следовательно, первоначальная наивная убежденность может легко измениться.

Из противоречия чувственной достоверности возникает *восприятие*. Органы чувств позволили нам фиксировать нечто в данном месте в данный момент времени. Самые общие определения «это», «здесь», «теперь» могут быть использованы для любого случая. Здесь еще нет вещи, последняя дается нам только в восприятии. Вещь многообразна, она представляет собой некоторое единство определенностей. Соль, например, белая, острого вкуса, кубической формы и т. д.

В восприятии Гегель также обнаруживает противоречие, он понимает его как целостное восприятие, в котором имеются две стороны: 1) можно считать, что истинными являются те элементы, из которых состоит восприятие; или 2) можно считать истинным то, что эти элементы соединяет. Здесь прослеживаются мысли из философии Канта, его идеи о первоначальном единстве апперцепции. Кенигсбергский философ считал, что подлинно истинное находится на стороне сознания, которое объединяет, в противоположность точкам зрения, утверждающим истинными элементы восприятия.

Таким образом, восприятие содержит уже некоторое обобщение и как таковое чревато противоречием: с одной стороны, вещь единична, с другой - она несет некие общие признаки. Пытаясь снять это противоречие, сознание поднимается на новую ступень, переходит к мысли, первым носителем которой является рассудок. Из противоречия восприятия возникает сильный *рассудок, закон*. Здесь открывается область опытного естествознания - царство законов, своеобразный сверхчувственный мир.

В них Гегель также обнаруживает недостатки и противоречия. Рассудочно общее является абстрактно общим, закон также не схватывает конкретно всеобщее. Здесь читателя «Феноменологии духа» ждет неожиданный скачок мысли: «Покоящееся царство законов» переходит в свою противоположность, за ним Гегель обнаруживает «второй сверхчувственный мир». То, что в первом мире сладко, во втором - кисло, что в первом черное, во втором - белое. В перевернутом мире «в почете то, что в первом презирается, а к тому, что в нем в почете, относятся с презрением. Наказание, которое, по закону первого мира, позорит и уничтожает человека, превращается в соответствующем ему перевернутом мире в помилование, сохраняющее человеку жизнь и доставляющее ему

почет»¹. Философ вводит «перевернутый мир», «мир наизнанку», чтобы показать ограниченность рассудочного мышления. Ни один закон науки нельзя принимать за истину в последней инстанции. Как часто в истории естествознания некое положение, считавшееся всеобщим, вдруг оказывалось всего лишь частным случаем. Вот почему нет оснований слишком доверять рассудку, который сам нуждается в проверке.

Из этих противоречий, по мнению ученого, когда объектом познания становится рассудок, сознание переходит в самосознание.

Самосознание - следующая высокая ступень развития сознания. Если формулой сознания является *я и предмет*, то формулой самосознания является *Я и Я*. Самое главное в самосознании это то, что познание здесь направлено не сколько на предмет, сколько на самого себя. Познать свое Я, показывает Гегель, - это определенная высокая ступень развития человеческого сознания.

Здесь в ткань рассуждений философа все более вплетаются социальные нити. Хотя речь по-прежнему идет об индивидуальном сознании, сам индивид рассматривается сквозь призму важнейшего общественного отношения - труда.

Сначала самосознание характеризуется стремлением обладать предметами, ставить их в полную зависимость от себя и «устранять чужеродность, выступающую в виде самостоятельной жизни». Самосознание абстрактно исключает из себя всякую чужеродность, оценивая «иное» как несущественное и отрицательное. Но вскоре оно вынуждено отказаться от этой позиции. В результате столкновения с другими самосознаниями оно вступает в «борьбу не на жизнь, а на смерть», ибо только через нее самосознание реализует себя (из положения «в себе» становится положением «для себя»). «Индивид, не подвергающий опасности собственную жизнь, - пишет Гегель, - вполне может быть признан личностью (в абстракции); при этом он не достигает истинности подобного признания как независимого самосознания». Согласно философу, каждое самосознание нуждается в другом самосознании и их борьба должна иметь исходом не смерть одного из них, но подчинение одного другому. Так рождается различие между «господином» и «рабом».

Гегель в этом разделе проанализировал несколько форм самосознания. Первая форма – это *рабское и господское сознание*, которая анализируется им в подразделе «Самостоятельность и несамостоятельность самосознания»; следующие формы – *стоическое сознание, скептическое, несчастное сознание*, которые анализируются в подразделе «Свобода самосознания». Остановимся более подробно на первой форме.

С самого начала в анализе рабского и господского сознания проявляется гегелевский идеализм, но, несмотря на то, что речь идет о взаимоотношениях сознания, за этой «мистической» формой усматривается действительное историческое отношение между рабом и господином.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.87.

Согласно философу, первоначально встречаются два вида сознания, которые борются между собой не на жизнь, а на смерть. Одно сознание превыше всего ценит свободу, для него лучше умереть, чем ее потерять; другое сознание выбирает иное – остаться, во что бы то ни стало, в живых. Первое сознание, выбравшее свободу, по мнению немецкого мыслителя, качественно более высокое, - это господское сознание; второе - рабское сознание - сознание более низкого порядка.

По мнению ученого, причиной возникновения рабства является изменения в самосознании людей. Господин, по Гегелю, есть «сущее для себя», которое через раба соотносится с вещностью, тогда как раб имеет дело непосредственно с вещами. Господин владеет рабом, и через него его владение распространяется на вещь. Раб производит вещи, господин эти вещи потребляет. Раб обрабатывает вещи, создает вещное бытие, поэтому философ отмечает, что «истина самостоятельного сознания есть рабское сознание. Правда, это последнее проявляется на первых порах вне себя и не как истина самосознания. Но подобно тому, как господство показало, что его сущность есть обратное тому, чем оно хочет быть, так, пожалуй, и рабство в своем осуществлении становится скорее противоположностью тому, что оно есть непосредственно; оно как оттесненное обратно в себя сознание уйдет в себя и обратится к истинной самостоятельности»¹.

Господин видит в рабе значимость своего единичного для-себя-бытия. Раб, находясь на службе у господина, постепенно теряет свою индивидуальность, но взгляды его становятся шире, так как он удовлетворяет не только свои потребности, но и потребности другого. Раб непрерывно трудится, и в дальнейшем развитии, показывает Гегель, преимущество переходит на сторону раба, так как в процессе труда, деятельности, в процессе формирования вещи он совершенствуется, тогда как господское сознание деградирует. Следовательно, раб постепенно возвышается над своей единичностью и над своим господином.

Рабство, по мнению философа, необходимая ступень в историческом развитии, оно есть начало свободы, так как оно через борьбу преодолевает пределы своего наличного бытия и переходит в новое качественное состояние. Гегель в связи с этим отмечает: «В отношении тех, кто остается рабами, не совершается никакой абсолютной несправедливости; ибо кто не обладает мужеством рискнуть жизнью для достижения своей свободы, тот заслуживает быть рабом, и, наоборот, если какой-нибудь народ, не только воображает, что он желает быть свободным, но действительно имеет энергичную волю к свободе, тогда никакое человеческое насилие не сможет удержать его в рабстве»².

Следовательно, рабское сознание, освобождаясь от единичности господина, снимая эгоизм и себялюбие господского сознания, освобождается и от своей собственной единичности, переходит во всеобщее, становится

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.104.

² Там же. Т.III. С.226.

всеобщим, то есть именно в нем выражается существо субстанции. Прежде угнетенное, теперь оно становится господствующим, то есть оно, преодолевая свою единичность, становится выражением духа истории. Таким образом, *труд* должен стать всеобщим, чтобы он был основой бытия людей, *двигателем исторического процесса*. Здесь философом высказывается очень интересная мысль о том, что труд человека, деятельность – есть основа развития личности, основа развития его сознания и двигатель исторического процесса.

Таким образом, развитие самосознания совершается в труде, то есть в сознании работающего раба, а не в сознании праздного господина. Однако в рабовладельческом обществе и при его разложении, которое завершается крахом Римской империи, труд предстает еще в абстрактной форме. Ученый, характеризуя далее стоицизм, скептицизм и возникающее христианство («несчастное сознание»), описывает различные формы развивающегося сознания, причем он обращает внимание на абстрактный характер всех этих ступеней сознания, не постигающего ни действительность, ни человеческую деятельность.

В подразделе, посвященном анализу *стоического, скептического, несчастного сознания* Гегель показывает, что самосознание достигает полного знания о себе только через последующие стадии: стоицизма, скептицизма, несчастного сознания.

Цель самосознания - свобода. Самый простой вариант ее достижения - внутреннее освобождение, негативное отношение и к господству, и к рабству, то есть *стоицизм*. Стоицизм представляет собой свободу сознания, признает себя в форме мысли, которая выше власти и подчинения. Последние рассматриваются стоиками как полностью «индифферентные», с моральной точки зрения, быть господином или слугой - одно и то же. Стоическое сознание, согласно Гегелю, «негативно по отношению к власти и подчинению, поскольку оно не совпадает ни с деятельностью господина, истина которого заключается в рабе, ни с деятельностью раба, чья истина лежит в воле его господина и в услужении ему. Оно в том, чтобы быть свободным на троне (как Марк Аврелий) и в цепях (как Эпиктет), при любой зависимости от чего бы то ни было...». Однако, желая освободить человека от всех порывов и страстей, стоицизм изолирует его от жизни, отчего, по словам мыслителя, его свобода остается абстрактной, уходит вовнутрь, не снимая иного по отношению к себе.

Стоицизм внутренне противоречив: удалившись из окружающей действительности в себя, сознание не довело до конца отрицание сущего. Стоика волнует вопрос, что есть истинное и доброе, но его ответ всегда тавтологичен. Саму эту постановку вопроса снимает скептицизм, который доводит до логического завершения отрицание бытия.

Таким образом, стоицизм диалектически переходит в *скептицизм*, в котором отрешенность от мира преобразуется в отрицание мира. При этом, отрицая все то, что сознание полагало несомненным, скептицизм опустошает самосознание и приводит его к противоречивости и разладу с собой. При

этом, с одной стороны, возникает «себе самому равное самосознание», своеобразная безмятежность мышления, а с другой – «абсолютное диалектическое беспокойство», сознание, «сбитое и сбивающее с толку». Эти две крайности в скептицизме сосуществуют. Следовательно, противоречие не только не устранено, но, напротив, усилилось.

Признаки этого разлада, скрытого в противоречивости скептицизма, становятся явными в «несчастном», или «раздвоенном», сознании, «еще более запутавшемся в противоречиях». Несчастное сознание – это высшая форма самосознания, изначально отягощенная раздвоенностью.

Гегель под «несчастливым сознанием» имеет в виду христианство, которое считает, что согласно промыслу Божьему, все в мире лежит во зле. В этом таится его противоречие. Раздвоенность видна уже в том, что для христианина сознание бытия и действия есть лишь скорбь об этом бытии и действии. Перед «несчастливым сознанием» - разорванная действительность: человек причастен Богу и в то же время погряз в грехах.

Философ так характеризует мировоззрение «несчастливого сознания»: «Сознание жизни, сознание своего наличного бытия и действования есть только скорбь об этом бытии и действовании, ибо в них оно имеет только сознание своей противоположности как сущности и сознание собственного ничтожества... Его мышление как благоговение остается диссонирующим перезвоном колоколов или теплыми клубами тумана, музыкальным мышлением, не доходящим до понятия, которое было бы единственным имманентным предметным модусом. Оно, конечно, становится для этого бесконечно чистого внутреннего чувствования его предметом, но столь приблизительно (so eintretend), что он вступает (eintritt) не как постигнутый в понятии предмет, а потому - как нечто чуждое... Поэтому сознание может обрести в наличии лишь могилу своей жизни... Так как оно не обладает этой достоверностью для себя самого, его "внутреннее", напротив, остается еще подорванной достоверностью себя самого; подтверждение, которое оно могло бы получить в труде и потреблении, есть поэтому именно такое подорванное подтверждение; или, лучше сказать, оно само должно уничтожить в отношении себя это подтверждение, так что оно, конечно, находит в нем подтверждение, но только подтверждение того, что есть оно для себя, т. е. подтверждение своего раздвоения»¹.

Таким образом, действительность для несчастного сознания уже не есть нечто в себе ничтожное, как это было у стоицизма и скептицизма, а есть нечто такое, как оно само, - «разорванная действительность». По Гегелю, несчастное сознание, ищет свою цель исключительно в недостижимом, потустороннем мире: оно живет в этом мире, но всецело обращено к другому - недостижимому; всякое приближение к трансцендентному Божеству несет несчастному сознанию умерщвление и ощущение собственной ничтожности.

Краткое изложение сути «несчастливого сознания» показывает, что христианство, в глазах Гегеля, способно играть свою роль потому, что в нем

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С. 113, 116, 117-118.

«отчуждение» - отрыв индивида от природных уз первобытного общества, обнаруживается на более высокой и развитой ступени, чем ступень, выраженная в античных философских концепциях, которые идеологически сопровождали объективный процесс разложения, однако у которых, по мнению философа, отношение сознания было сугубо негативным, абстрактным и, по меньшей мере, принимало во внимание возникшее и растущее отчуждение.

Именно в «несчастном сознании», по Гегелю, достигается связь единичного с неизменным, всеобщим. Именно здесь дух совершает переход от самосознания к разуму.

Важно заметить, что гегелевский анализ имеет во многом аналог с современностью. Он интересен не только для изучения истории философии, истории религии, но и для анализа современной исторической ситуации. Например, в свое время классики марксизма заметили, что «несчастное сознание» – это сознание мелкого буржуа. Мелкобуржуазное сознание - противоречивое сознание, поскольку это сознание особого типа собственника, который, с одной стороны, является собственником, а, с другой стороны, - тружеником. Как собственник - он на стороне буржуазии, как труженик - он разделяет интересы трудящихся. Но он не устойчив, в самом разгаре революционного движения он может предать, поскольку как собственник боится потерять свою собственность.

После подраздела, посвященного анализу стоицизма, скептицизма и несчастного сознания Гегель переходит к разделу «*Абсолютный субъект*», подразделу «Разум».

О разуме немецкий мыслитель имел самое высокое представление – разум, начиная с кантовской философии, понимается как высшая форма познания. Если у Канта разум связан с идеей, то, по Гегелю, ценность разума состоит в том, что он познает целостность, противоречия. Философ начинает свой анализ с тех форм разума, которые, по его мнению, не в полной мере соответствуют идее разума.

Первое – это *наблюдающий разум*, здесь Гегель анализирует естествознание. Философ, исходя из кантовской философии, недооценивал значение естествознания своего времени. Это не связано с недостаточным развитием современного ему естествознания, а, по-видимому, объясняется тем, что в «Критике чистого разума» Кант основой естествознания посчитал рассудок, а поскольку с точки зрения Гегеля, рассудок – это ограниченная форма мышления, то естествознание или «природа», как он называет его в своей философской системе, не развивается, природа, по его мнению, есть «окаменевший дух».

Здесь Гегель также критикует те формы естествознания, которые, по его мнению, не соответствуют истинному разуму. Это в частности касается френологии и физиогномики, которые, исходя из материального, стремятся определить качество духовного. Френологи, исходя из формы черепа, пытаются определить мышление, духовность, характер человека. Немецкий философ категорически отвергает данное учение как несостоятельное, так

как, по его мнению, вещественные формы не могут определять духовные формы человека, которые в сравнении с внешними формами являются более глубокими.

В этом разделе Гегель также критикует формальную логику, которую еще более содержательной критике он подвергнет в «Науке логики». Философ критикует формально-логическое понимание законов, понятий, формально-логический способ обобщения – все это, с точки зрения мыслителя, есть наблюдающий разум.

Мир прозрачен для разума, то есть рационален. «Разум ищет свое иное (*alterratio*), зная, впрочем, что не найдет ничего другого, кроме собственной бесконечности». Чтобы найти самого себя в другом, разум вынужден преодолеть «наблюдательный» (пассивный) момент и перейти к активному, или практическому, то есть к моменту, когда разум действует нравственным образом.

Таким образом, после анализа *теоретического разума* ученый переходит к анализу *практического разума* в разделе «Претворение разумного самосознания в действительность им самим». Согласно философу, практический разум в отличие от теоретического пытается воплотить себя в действительности, при этом каждый человек, личность имеет свои цели, однако цели индивида могут быть воплощены в действительность, если они имеют общественный смысл, выражают общественный интерес, обладают общественной поддержкой. Индивидуальные цели воплощаются в действительность, только когда они общественно значимы, считает мыслитель. Философ анализирует различные формы практического сознания, анализирует образы, существовавшие в культуре, художественной литературе, являющиеся воплощением форм практического сознания.

Действующий разум сначала проявляет себя в индивиде, чтобы затем возвыситься до уровня духовного единения индивидов. Этапов, как обычно, три.

Анализ практического разума немецкий мыслитель начинает с подраздела «Удовольствие и необходимость» с рассмотрения так называемого *фаустовского сознания*. Действующий разум начинает с погони за наслаждениями, человек поначалу стремится к счастью, понимая его как комфорт и наслаждение. Это тип характера гетевского Фауста. Он полагал, что овладевает жизнью, на самом же деле постигал лишь смерть. Согласно Гегелю, фаустовское сознание возникает при пренебрежении правилами, законами, стремлении к индивидуальному наслаждению. Такое сознание, по мнению философа, неизбежно погибает, оно обречено на гибель, поскольку законы и правила настолько сильны, что индивидуальному сознанию трудно противостоять общему ходу развития вещей.

После фаустовского сознания Гегель переходит к подразделу «Закон сердца и безумие самомнения», к анализу *сердобольного сознания*, которое также реально существует и находит свое воплощение в литературе и искусстве. Поиски личного счастья на этом этапе переходят в стремление осчастливить все человечество. Сознание открывает в себе «закон сердца» и

следует ему, видя беду человечества в том, что оно следует не ему, а закону действительности. Действующий порядок «закон сердца» принимает за «мертвую действительность». Так рождается потребность ее оживить и реформировать. Но результат опять-таки плачевен: существующие законы защищаются от закона одного индивида, потому что они не бессознательная, пустая необходимость, а духовная всеобщность, в которой живут индивиды, хотя и жалующиеся на этот порядок, но преданные ему и теряющие все, если у них отнимут его. «Биение сердца для блага человечества переходит поэтому в неистовство безумного самомнения...»¹.

Негативность «сердечной» универсальности, полагает Гегель, заключена в ее поспешности, ибо здесь не достает момента опосредования. Кроме того, «закон сердца» у каждого свой, в этом источник несговорчивой субъективности и несовпадения с «поступью мирового Духа».

Этот тип сознания, согласно философу, возникает при противопоставлении благородных целей и помыслов существующему порядку. Люди видят реальную несправедливость существующего порядка, его противоречия и потому сердобольное сознание по зову своего сердца противостоит несправедливому порядку вещей. Однако, заключает Гегель, и эта форма сознания бесплодна, так как существующий порядок вещей настолько силен, что может сломать носителей сердобольного сознания, или вообще не принимать во внимание их негативное к себе отношение. Поэтому данная форма сознания в историческом движении, с точки зрения философа, также малопродуктивна, не имеет серьезного значения.

Следующая форма сознания, анализируемая Гегелем в подразделе «Добродетель и общий ход вещей», - *добродетельное сознание* - высшая ступень действующего разума. Оно в существующем порядке вещей видит не просто недостатки и противоречия, его цели не только противоположны порядку вещей, оно пытается в одиночку бороться против существующего несправедливого с его точки зрения порядка. Здесь одерживается победа над пышными речами о благе человечества и об угнетении его; о жертве во имя добра; такого рода слова возвышают сердце, но оставляют разум пустым, назидают, но не созидают. Целью добродетели является уже существующее добро. Сознание сбрасывает как пустую оболочку представление о каком-то добре, еще не обладающем действительностью. Сознание узнало на опыте, что общий ход вещей не так плох, как выглядел; индивидуальности нет необходимости приносить себя в жертву.

Немногие дают пример универсальной добродетели, хотя на этом этапе она еще абстрактна, в том смысле что герои (типа Дон Кихота) хотят переломить ход истории, реформировать мир. Ясно, что они рано или поздно терпят поражение.

Гегель считает, что эта форма сознания также не имеет смысла в действительности, и, хотя носители этого сознания - благородные люди,

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.200.

вызывающие симпатию, в реальном историческом процессе они играют незначительную роль.

После этого мыслитель переходит к анализу самого дела, к разделу «Индивидуальность, которая видит себя реальной в себе самой и для себя самой». В первом подразделе «Духовное животное царство и обман или сама суть дела» он впервые анализирует реальность, рыночную систему, буржуазное капиталистическое производство. В этой системе, по мнению философа, живут индивидуальные товаропроизводители. В ней каждый человек, как будто бы занят своим собственным делом, у всех есть свое дело, свой интерес и ему абсолютно нет дела до других – потому Гегель и называет это общество *животным царством*. Все общество состоит из хаотичных человеческих атомов, которые сталкиваются и взаимодействуют между собой, но каждый при этом имеет свои цели и интересы. Однако, отмечает философ, в результате сталкивания интересов, их взаимного влияния, из противоположности различных интересов, рождается некий общий интерес, который выражает общий интерес этого общества.

Гегель, анализируя формы практического сознания, считает, что для развития общества, общественного прогресса реальное значение имеет только последняя форма сознания. Как добродетельное сознание, так и сердобольный и фаустовский тип сознания, в процессе движения истории погибают, не приведя к серьезным результатам, в то время как последняя форма сознания порождает новую буржуазную систему. По мнению ученого, возникновение буржуазной системы есть результат развития сознания, имеющего реальное значение, и вся симпатия мыслителя находится на стороне этой формы сознания и тех личностей, которые живут по правилам буржуазного общества, реально вырабатывают формы сознания и имеют реальный успех, реальное дело.

В проведенном Гегелем анализе, опять-таки, положительным моментом является то, что он обращает внимание на труд, высоко ценит его значение. Если в подразделе «Рабское и господское сознание» он показал, что труд совершенствует человека, благодаря труду, деятельности происходит развитие сознания; то здесь философ развивает свою мысль дальше и делает вывод, что труд, деятельность, хотя в буржуазной системе они и направлены на удовлетворение личных целей и потребностей, в конечном итоге, являются условием развития не только индивидуального сознания, но и условием развития общества в целом, условием развития государства. Немецкий мыслитель, таким образом, впервые в истории философии связал с трудом, как развитие индивидуального сознания, так и развитие общественного сознания, общего духа государства.

Анализом практического разума заканчиваются разделы, посвященные рассмотрению «Субъективного духа», после чего Гегель переходит к анализу «Объективного духа».

Таким образом, был достигнут предел развития индивидуального сознания. Мировой дух начинает новый круг. Теперь перед глазами читателя проходят образы реальной истории. Здесь Гегель снова анализирует

сознание, но теперь как основу развития общества, основу развития реального исторического процесса. Философ привел индивидуальное сознание к такой ступени, на которой оно в состоянии понять собственную историю, историю человеческого рода в их действительности.

В основе изменения реального исторического процесса Гегель опять-таки видел человеческое сознание. Он дает подробную критику ряда «формообразований сознания», считая достигнутую ступень, если употребить терминологию его логики, истиной предыдущей ступени. Речь здесь идет о действительной человеческой истории, однако в соответствии со специфическими задачами «Феноменологии» вся история не может быть здесь представлена в подлинном виде, подчеркиваются лишь те великие кризисы и поворотные пункты в истории, которые образуют действительные эпохи в развитии человеческого родового опыта и сознания человеческого рода.

Этот раздел в контексте человеческой истории философ начинает с рассмотрения античного общества, анализируя здесь такую форму сознания как «*истинный дух, нравственность*». Изображение прекрасной и непосредственной нравственности греческого мира является вершиной в литературном творчестве Гегеля.

Как было сказано выше, мыслитель являлся поклонником Древней Греции. Он считал, что наряду со свободным развитием человека, свободным развитием общества, развитием культуры и искусства, для древнегреческого общества характерна *истинная нравственность*. Все взаимоотношения в греческом полисе были основаны на нравственных отношениях; нравственность, цельность - таковы атрибуты древнегреческого общества. Философ особенно подчеркивает этот факт, когда анализирует «Антигону» Софокла.

По мнению Гегеля, два закона управляют нравственностью, то есть жизнью общества, - «человеческий», «закон дневного света», принятый людьми, и «божественный», «подземный», возникший независимо от людских установлений. Им соответствуют две социальные ячейки - государство и семья.

Высший долг государственной власти - следить за тем, чтобы частные интересы не взяли верх над общим благом. Павший на поле брани враг с точки зрения государства должен быть предан позору, но родственное чувство требует от близких выполнения погребального обряда. Так возникает конфликт между двумя нравственными силами - государством и семьей, - коллизия софокловской Антигоны.

Новый фиванский властитель Креонт, возмущенный участием Полиника – сына царя Эдипа в походе против Фив, приказал, чтобы его тело осталось на поле брани и его не предавали земле, поскольку он совершил преступление. Боясь гнева царя, никто не смеет нарушить приказ, кроме родной сестры Полиника – Антигоны. Она не подчинилась приказу царя, рискуя жизнью и осознавая трагические последствия поступка для своей жизни, Антигона выкрадывает тело брата, поскольку видит свой

нравственный долг в том, чтобы похоронить брата и успокоить его душу. Гегель подчеркивает, что для древнегреческого общества характерно господство нравственных отношений. Люди друг к другу относятся здесь как *конкретные*, а не абстрактные личности, здесь еще учитываются их собственные мнения, желания, помыслы.

Известный факт: греческий царь Агамемнон решил воевать с Троей. Он - Царь царей, потому призвал пойти на Трою и Ахилла, но тот отказался, поскольку затаил на Агамемнона обиду: при разделе военной добычи ему не досталась прекрасная пленница. Война в данном случае, подчеркивает Гегель, есть выражение личного интереса Ахилла, если человек не желает – он может в ней не участвовать. Но Ахилл тотчас вступает в военные действия, как только Гектор убивает его друга Патрокла, теперь он начинает действовать по зову своего сердца, согласно своей воле. То есть, философ хочет сказать, что в древнегреческом обществе каждый человек конкретен, нравственен, совершает нравственный выбор, к нему нельзя относиться формально, поэтому в этом обществе, согласно немецкому мыслителю, господствуют *нравственное сознание и истинный дух*.

Анализируя греческий мир, Гегель показывает столкновение личного и государственного начала. Действия каждой из сторон исторически и оправданны, и ограничены, каждый прав и не прав по-своему. Борьба внутри нравственного мира древности приводит этот целостный мир к гибели.

Ученый понимает необходимость того, что этот мир должен разложить самого себя, чтобы дать место другому, более высокому, отчужденному миру современного буржуазного общества. «Дух, поскольку он есть непосредственная истина, есть нравственная жизнь народа; он - индивид, который есть некоторый мир. Он необходимо должен перейти к сознанию того, что он непосредственно есть, снять прекрасную нравственную жизнь и, пройдя ряд формообразований, достигнуть знания себя самого»¹.

В греческом обществе непосредственной нравственности, где взаимоотношение между индивидом и обществом вытекало из прекрасного и гармонического развития человека вследствие непосредственной гармонии между человеком и обществом, человеческая личность однако первоначально представлена лишь в себе, непосредственно, в неотчужденной форме. Всякое развитие должно оказывать на это общество разрушительное, разлагающее воздействие.

Результатом такого разложения является возникновение, согласно гегелевскому пониманию истории, Римской империи – в которой непосредственная нравственность заменяется абстрактной системой права.

Римское общество, согласно философу, представляет собой *правовое состояние* сознания. Здесь уже сильно развито государство, между государством и личностью устанавливаются чисто правовые отношения, развивается правовое сознание. На каждую личность здесь смотрят формально,

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.235.

для государства люди – «палочки разной длины». Человек в римском обществе беспрекословно подчинен государству, так как все равны перед законом, все они - граждане Рима. Следовательно, делает вывод мыслитель, здесь возникает правовое сознание, правовое отношение, а нравственное отношение уходит в прошлое.

Гегель так описывает возникшее общественное состояние и с необходимостью возникший в нем отчужденный субъект: «Всеобщее, раздробленное на атомы - на абсолютное множество индивидов, - этот умерший дух есть равенство, в котором все имеют значение как "каждые", как лица... Мы видели, что силы и формы нравственного мира потонули в простой необходимости пустой судьбы. Эта сила нравственного мира есть субстанция, рефлектирующая себя в свою простоту; но рефлектирующая себя абсолютная сущность, именно указанная необходимостью пустой судьбы, есть не что иное, как "я" самосознания". Этим новым состоянием является римское общество, господство абстрактного права... эта признанность есть ее субстанциальность; но эта субстанциальность "есть абстрактная всеобщность, потому что ее содержание есть "эта" хрупкая самость, а не самость, растворенная в субстанции. Итак, личность здесь выступила из жизни нравственной субстанции; она есть действительно значимая самостоятельность сознания»¹.

Здесь представляет интерес, в какой форме и в какой связи Гегель вновь возвращается к соответствующим «формам сознания» первого раздела - стоицизму и скептицизму. Философ подчеркивает содержательное тождество между тем, что означают эти идеологические формы, и тем, что означает господство римского права, и при этом добавляет, что последнее и образует действительность, в то время как идеологические формы - только субъективное мнение об этой действительности.

Заслугой Рима является, по мнению мыслителя, создание римского права, которое имеет огромное значение и в буржуазном государстве. Гегель отмечает, что приватизация жизни, превращение всех людей в абстрактных, правовых субъектов, в хозяйствующих буржуа, делает Римскую империю абстрактной провозвестницей современного капитализма, при этом средние века рассматриваются им как эпизод, незначительный для развития духа.

Согласно мыслителю, общественная сущность человека не может быть природной и непосредственной, прекрасное воплощение этой природной индивидуальности в греческой демократии поэтому и несет в себе внутреннюю необходимость крушения. Субъект должен все с большей силой воплощать себя вовне и отчуждать себя, вступая во все более богатые общественные связи, делая себя благодаря своему труду, благодаря своим индивидуальным, своекорыстным «действиям и стремлениям» идентичным субъектом-объектом этих общественных отношений и постепенно в ходе этого развития, в ходе объективного развертывания богатства общественных определений, целостности и закономерности современной экономической

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.256-257.

системы познавая себя на вершине своего «отчуждения» как тождество субъекта-объекта общественной практики.

Далее ученый приступает к разделу «Отчужденный от себя дух; Образованность». Мы уже отмечали, что Гегель мало внимания уделяет средневековью. В немногих замечаниях он касается отношения феодалов к средневековому монарху. Его гораздо больше интересует устранение феодальной системы, причем здесь для него в качестве классической формы этого развития выступает французская форма разложения феодализма и возникновения абсолютной монархии. Развитие Франции, по мнению мыслителя, способно представлять для философии все современное развитие в его чистом виде. Потому от разложения феодализма до французской революции «Феноменология» движется исключительно на французской почве.

Гегель начинает с подраздела «Мир отчужденного от себя духа», в котором анализирует формы сознания, господствовавшие в условиях феодализма. Подраздел начинается с анализа таких форм сознания, как *благородное и низкое сознание*.

Благородное сознание, согласно философу, это сознание первых королей, дворян, – благородных мужей, честных, смелых, «лучших среди равных», готовых к самопожертвованию ради интересов государства, для которых характерен «героизм безмолвного служения». Однако в ходе дальнейшего развития в обществе происходят изменения, изменяются сами короли, власть становится наследственной. Если первые короли были лучшими среди равных, то наследственные короли – их потомки, не всегда отличаются подобными качествами. Гегель говорит, что в таких условиях возникает низкое сознание – *сознание окружения короля*. Если первые соратники короля были готовы для воплощенного благородного сознания на все, лично уважали его, то теперь окружение, свита короля ничем не собираются жертвовать для него, они внутренне не уважают короля. Носителей низкого сознания философ называет «героями лести». Все, чем они занимаются – это восхваление короля, однако стоит ему уйти, они злословят и готовы смешать его имя с грязью. К сожалению, описанная ученым форма сознания и до сих пор не потеряла актуальности.

Анализ благородного и низкого сознания сменяет *честное сознание*. Честное сознание – это метафизическое сознание, которое четко разделяет и различает, что хорошо, а что – плохо. Для него они абсолютно противоположны, эта форма сознания, по Гегелю, совершенно не понимает диалектики.

В процессе дальнейшего развития общества возникает следующая форма сознания – *раздвоенное сознание*. В этой форме сознания все относительно – добро и зло, хорошее и плохое, для него нет истины. Наступает время «абсолютной эластичности», «всеобщего обмана самого себя и других», «отдающего себе отчет хаоса». В качестве примера раздвоенного сознания немецкий философ приводит героя произведения Дидро «Племянник Рамо» – племянника крупного композитора, который является

абсолютно безнравственным существом, человеком, лишенным твердых нравственных принципов и убеждений.

Гегель, давая методологическое изложение произведения Дидро, считает, что речь идет о важном поворотном пункте в феноменологическом развитии человеческого сознания. Говоря о духе «реального мира образованности», он пишет: «Он есть это абсолютное и всеобщее извращение и отчуждение действительности и мысли, чистая образованность. В этом мире на опыте узнается, что ни действительные сущности власти и богатства, ни их определенные понятия - хорошее и дурное или сознание хорошего и дурного, сознание благородное и низменное - не обладают истиной, а все эти моменты скорее извращаются друг в друге, и каждый есть противоположность самого себя. Всеобщая власть, которая есть субстанция, достигнув собственной духовности благодаря принципу индивидуальности, получает собственную самость лишь в виде ее имени и, будучи действительной властью, есть, напротив, безвластная сущность, которая жертвует самой собою. Но эта отданная в жертву, лишенная самости сущность, или самость, ставшая вещью, есть, напротив, возвращение сущности в себя самое; это есть для-себя сущее для-себя-бытие, существование духа. Мысли об этих сущностях, о хорошем и дурном, точно так же превращаются в этом движении: то, что определено как хорошее, есть дурное; то, что определено как дурное, есть хорошее»¹.

После анализа этих форм сознания Гегель переходит к подразделу «Просвещение», в котором первоначально им анализируется борьба французского Просвещения и религии. Немецкий мыслитель, являясь последовательным идеалистом, причину развития напряжения и борьбы в обществе искал в человеческом сознании, в борьбе форм сознания. Борьба феодализма и третьего сословия изображается им как борьба Просвещения и религии, он видит лишь поверхность явления, а внутреннее противоречие - противоречие между новым третьим сословием и феодальной властью, ученый не замечает. В результате, всю драму этой эпохи философ сводит к борьбе науки и религии.

Гегель здесь выражает весьма критическое отношение к «Просвещению», отмечая в качестве его характерных черт буржуазный утилитаризм и примитивный атеизм. Для просветителя религия - результат обмана. Можно, конечно, в отдельных случаях продать медь вместо золота, подделать вексель и выдать проигранное сражение за выигранное, но удастся ли обмануть народ в столь существенном деле, как вера, спрашивает мыслитель. И он, безусловно, прав, подчеркивая, что религия имеет более глубокие корни, чем злой умысел священнослужителей и власть имущих.

Истиной Просвещения оказывается революция, которая, по Гегелю, приносит с собой «абсолютную свободу и ужас», то есть террор, и в подразделе «Абсолютная свобода и ужас» философ анализирует *якобинский террор*. По мнению Гегеля, причиной якобинского террора являются опять-

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.279-280.

таки особенности сознания. Французские материалисты, просветители, являвшиеся идеологами Великой французской революции, принцип равенства, свободу и братство понимали формально, а не диалектически, не конкретно. По мнению немецкого философа, равенство они понимали как «А=А». Поскольку в реальной жизни ничто не соответствует такому пониманию равенства, герои якобинской диктатуры стали «рубить головы как кочаны капусты». То есть, причины террора мыслителем видятся в сознании, в *формальном* понимании равенства, в метафизическом, а не диалектическом его понимании.

Террор, по Гегелю, хуже рабства, ибо он непродуктивен, это «фурия исчезновения», порождающая лишь чисто негативное действие: «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть, и притом... самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды»¹. Жизнь здесь полностью обесценена и лишена содержания. Дальше в этой плоскости двигаться некуда, нужен переход в новую сферу.

После анализа Франции, ее исторических форм сознания, философ переходит к Германии и в подразделе «Моральное мировоззрение» объявляет Германию высшей ступенью развития разума, где отчужденный от себя дух, доведенный до крайней точки, наконец, обретает себя самого. Если французы совершили революцию, то здесь в Германии происходит замена произвола правопорядком, возникает моральный дух. В Германии происходит нравственное совершенствование, здесь, по мнению философа, нашел претворение *законодательный разум*. Если мы помним, еще Фихте, Шеллинг требовали нравственного совершенствования, нравственность понималась ими как высшая форма развития сознания.

Очень интересно в этом вопросе сравнить мировоззренческие позиции Маркса и Гегеля. Маркс во «Введении к критике гегелевской философии права» писал, что Германия является лишь философским современником нынешнего века, не будучи его историческим современником, только в области философии она что-то серьезно значила для мировой истории. По мнению же Гегеля, именно развитие сознания показывает, что Германия находится на самом высшем уровне развития современного общества.

Исчерпав, таким образом, возможности в области реальной истории, мировой дух возносится в высшую сферу, переходит к «Абсолютному духу».

На этой ступени становится возможным ретроспективный взгляд на всю предшествующую историю. «Если в первом разделе действительная история находила свое отражение как бы за спиной «форм сознания», так что они осознавали себя лишь в качестве готового результата ими не осознаваемого процесса и переживали свои неизбежные коллизии с внешним миром как противоречие между абстрактной субъективностью и объективностью вообще; если во втором разделе «образы мира» выступают актерами всемирно-исторической драмы, в которой дух от одного образа к

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.318.

другому восходит к самому себе, и поэтому они драматически переживают этот процесс, сражаясь, побеждая или подчиняясь, но всегда переживая свою историческую современность, то теперь достигнута ступень, когда разворачивается грандиозный эпос о взаимосвязях всемирной истории как завершённом процессе»¹.

Гегель подчеркивает, что здесь не возникает ничего содержательно нового. Всемирная история завершается процессом нахождения духом самого себя в социальной объективности. Все содержание, которое может иметь абсолютное знание и философия, вытекает не из них самих, а из самой действительности, которая создается историческим процессом самополагания духа. Новое, которое возникает на этой ступени, состоит в том, что связи и законы, которые направляли и определяли историческую борьбу героев всемирно-исторической драмы, остаются им неизвестны и лишь при свете абсолютного знания впервые здесь осознаются.

Гегель стремится понять все явления общественной жизни, включая и философию, как продукт единого, исторически прогрессирующего процесса, понять любой социальный институт, любое художественное произведение, каждую мысль как продукт эпохи, в которой они возникают.

Ретроспективный способ рассмотрения, характерный для третьего раздела «Феноменологии», имеет еще один важный и продуктивный с методологической точки зрения аспект. Маркс указывал на то, что более низкие формы развития могут быть адекватно поняты лишь исходя из уже возникшей, более высокой ступени развития. В третьем разделе «Феноменологии духа» Гегель пытается осмыслить историческое развитие адекватного постижения мира с точки зрения его же диалектики как высшей формы из всех ранее существовавших форм этого постижения. При этом мыслитель проводит различие между тремя большими этапами развития сознания, тремя крупными формами сознания – *искусством, религией и философией*.

Прежде всего, необходимо отметить, что в этом разделе религии уделяется совершенно иная роль, чем во втором разделе. Если там она играла второстепенную роль по сравнению с просвещением, то здесь значение просвещения принижено, и функция религии в развитии сознания человечества выдвигается на первый план. Это обнаруживается уже в том, что все изложение искусства осуществлено в качестве подразделов религии. Античное искусство, например, здесь рассматривается как художественная религия. Но особенно бросается в глаза изменение центра тяжести в описании истории Нового времени. Вследствие того, что религия, и особенно христианство, становится средоточием всего рассмотрения, возникает совершенно новый образ истории, противоположный тому, какой был характерен для второго раздела.

Неоднозначность гегелевского отношения к религии в этом разделе «Феноменологии» объясняется тем, что религия, согласно Гегелю, являясь

¹ Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987. С.134.

лишь промежуточной стадией в действительном движении духа к самому себе, согласно основной линии изложения в этом разделе – выступает как необходимая промежуточная стадия.

Искусство, по мнению философа, создает *образы*, следовательно, оно является определенной закономерной ступенью в развитии культуры, духа; но более высокой в сравнении с искусством формой, поскольку она дает *представления*, является религия. В отличие от французского Просвещения, ненавидевшего религию и определявшего ее как «невежественное сознание», немецкий ученый понимает религию как закономерную ступень, феномен культуры, и, следовательно, более высокий шаг в сравнении с искусством.

В религии и ее различных проявлениях дух, согласно философу, осознает сам себя с точки зрения сознания, понимающего абсолютную сущность. Можно сказать, что религия - самосознание абсолюта, но пока несовершенное, то есть в форме представления, а не понятия.

В феноменологии религии Гегель выделяет три ступени: а) восточную религию, представляющую Абсолют в виде природных элементов (звезд, животных); б) греческую религию, представляющую Абсолют в форме человеческого, конечного; в) высшую, христианскую, религию. Воплощение, Царство Духа, Троица суть основные понятия и его, гегелевской, философии. Самообладание Духа выражается в удержании себя при синтезировании противоположностей.

После анализа искусства и религии, Гегель переходит к последнему разделу «Абсолютное знание», в котором рассматривается высшая ступень, высшая форма развития человеческого сознания – философия. Философия в понимании немецкого мыслителя является *высшей формой осмысления духа, самопознания духа*, осмысления всего пройденного духом пути, так как она связана с *понятием*, которое дает целостное, разумное понимание предмета. В этом ученый видит роль и назначение философии.

«Таким образом, то, что в религии было содержанием или формой процесса представления некоторого "иного", - подчеркивает Гегель, - здесь есть собственно действие самости... То, что мы присовокупили здесь, есть, с одной стороны, только собрание отдельных моментов, из коих каждый в своем принципе проявляет жизнь духа в целом, а с другой стороны, закрепление понятия в форме понятия, содержание которого раскрывалось бы в указанных моментах и которое само уже раскрылось бы в форме некоторого образования сознания»¹.

По мнению Гегеля, высшей формой философии является та философия, которая пришла к идее тождества бытия и мышления. Философия дает абсолютное знание, является концепцией абсолютного знания, а абсолютное знание - это есть тождество бытия и мышления. Следовательно, в современной философии реализуется познание высшей истины.

Вообще, следует еще раз подчеркнуть, что в гегелевской философии, в его «Феноменологии духа» была реализована замечательная идея

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.427.

историчности истины. Истина, утверждал философ, не есть что-то раз и навсегда данное, она является исторической категорией, каждый этап развития человеческого сознания дает новую ступень в развитии истины, и она не является окончательной. Только поднимаясь на высшую ступень абсолютного знания, можно целостно утвердить, понять, что есть тождество бытия и мышления, а это и есть истина – это и есть начало философской системы.

В «Феноменологии духа» Гегель доказал, что началом философской системы может быть только тождество бытия и мышления, при том, что *идея тождества бытия и мышления доказывается всей историей развития сознания.* Следовательно, вся история развития сознания приводит к выявлению такой формы абсолютного знания, такого начала как тождество бытия и мышления.

Тождество бытия и мышления, как доказал немецкий мыслитель, может быть обосновано научно, разумно. Он принципиально по-новому понял проблему противоречия, снятия противоречия. «Феноменология духа» в ее завершении показала, что Гегель принципиально разошелся с идеей и концепцией Шеллинга. Об этом Шеллинг очень скоро узнал, получив экземпляр вышедшей в 1807 г. «Феноменологии духа», который ему послал ее автор. Шеллинг, внимательно ознакомившись с книгой, полностью разорвал свои отношения с Гегелем. С того времени их пути окончательно разошлись. Они по-разному понимали суть тождества, по-разному понимали начало абсолютного или начало философской системы.

Завершив «Феноменологию духа», Гегель отказался от своего прежнего мнения о кантовской философской концепции как результате развития всей философии, и прежней задачи подведения к кантовской философии исходного начала. В ходе разработки «Феноменологии» он осознал, что его идеи и мысли не могут быть просто предпосылкой для другой философской системы - дело не сводится лишь к обоснованию начала кантовской философии. Ученый пришел к мысли о необходимости создания новой философской системы, и вскоре приступил к формированию системы абсолютного объективного идеализма.

Глава III. Структура гегелевской философской системы

§1. Логика

Осознав необходимость создания новой философской системы, Гегель выявил, что предметом философии может быть целостный *самопознающий, саморазвивающийся дух*. Все в мире, по мнению философа, является духом; мышление, природа, единство логики и природы - все есть проявления, формы саморазвития, самопознания абсолютного духа. В действительности нет ничего кроме духа. Сформулировав такую предметную область, ученый приступил к дальнейшей разработке своей философской системы.

Согласно Гегелю, сначала необходимо рассмотреть дух - саморазвивающийся, самопознающий абсолютный субъект в чистом виде. Рассмотреть *дух в чистом виде* – означает начать анализ духа с *абсолютной идеи*, ибо «Феноменология духа» доказала, что началом философии является абсолютное знание, абсолютная идея, представляющая собой тождество бытия и мышления, тождество объективного и субъективного. Следовательно, считает мыслитель, началом философской системы должна быть идея, саморазвивающаяся и одновременно самопознающая самую себя.

Рассмотрению духа в чистом виде ученый посвящает свою «Науку логики», состоящую из трех книг: «Учение о бытии», «Учение о сущности» и «Учение о понятии». В первых двух книгах немецкий философ излагает свое видение субъективной логики, последняя книга посвящена анализу объективной логики.

По мнению Гегеля, вопрос об идее в истории философии впервые был поставлен Платоном, понимавшим идею как объективное, всеобщее, лежащее в основе всего сущего. Однако греческий философ, согласно Гегелю, подчеркнул только одну сторону идеи, рассмотрел ее как объективное и всеобщее; другую сторону идеи разработал Кант. По Канту, высшей формой познавательной деятельности является разум, имеющий дело с идеями; только идея может постигать, выходя за пределы природы, и пытаться понять абсолютное. Гегелевская же концепция идеи является *единством бытия и мышления*, она снимает односторонность, как Платона, так и Канта. В гегелевском понимании *идея – это одновременно сущность всего существующего или духа*, и, с другой стороны, *идея – та высокая форма, при помощи которой постигается сама идея*.

Далее Гегель полагает, что если Платон рассмотрел идею как некое покоящееся, некое всеобщее, правда, констатировал различные формы и ступени идеи, то он, в отличие от греческого философа, рассматривает *идею как некую саморазвивающуюся мысль*, саморазвивающуюся идею, которая не стоит на месте, находится в постоянном и непрерывном движении. Поэтому идея или абсолютная идея реализуется в системе, может полностью реализоваться только в системе категорий, понятий. Таким образом, идею Гегель прослеживает в непрерывном развитии, движении.

Поскольку логика является учением о целостном мышлении, и идея также как дух находится в постоянном изменении и развитии, то логика, по мнению немецкого философа, должна начать с самой абстрактной и простейшей мысли и двигаться дальше до самой высшей формы мышления – абсолютной идеи. Поэтому «Наука логики» открывается «Учением о бытии».

Первоначально идея выступает самой бедной определенностью мысли, выступает как *бытие*. Бытие - понятие, лишенное всяких определенностей. Категория бытия в истории философии была открыта Парменидом и положена в основу его философии. Идея, являясь самым абстрактным, самым бедным понятием, равна *ничто*.

Если рассматривать логическое мышление, то бытие есть самая беднейшая, непосредственная определенность мысли. Гегель, руководствуясь методом восхождения от абстрактного к конкретному, показывает, что бытие есть проявление мысли, дальше которого ничто невозможно, оно непосредственно и не обусловлено ничем. Если бы бытие было в какой-то мере обусловленным, то оно не было бы началом логики. Философ убежден, что все другие науки могут исходить из другого начала, так как они свое обоснование находят в логике. Но логика ни в какой мере не может быть обусловленной, не может исходить из обусловленного начала, так как она является логикой.

Поскольку бытие по своему содержанию равно ничто, постольку противоречие бытия и ничто, их взаимные переходы, являются исходным противоречием, из развития которого возникают все новые и новые формы логического, ступени логического мышления. Каждая сторона противоположности, по Гегелю, была принципом философии в истории философии. Если исходный пункт западного философствования начинается с парменидовского бытия, то индийская философия в качестве исходного начала выдвигала ничто. Ничто, по мнению Гегеля, было принципом индийской философии.

В действительном движении логического мышления бытие и ничто взаимно переходят друг в друга: бытие переходит в ничто, ничто переходит в бытие. Когда ничто переходит в бытие - это возникновение, обратный переход бытия в ничто – это уничтожение. Из этого первоначального противоречия мысль движется дальше и в гегелевской системе возникает первое конкретное понятие – *становление*. Становление – единство бытия и ничто. Эта категория была в истории философии открыта Гераклитом. Подобно тому, как бытию и ничто соответствовали определенные философские системы, категории становления соответствует философская система Гераклита. Категория становления носит более конкретный, содержательный характер, является первым синтетическим или умозрительным понятием, остающимся душой всего дальнейшего развития.

В своей логике Гегель придавал большое значение понятию становления, так как оно выражает единство возникновения и уничтожения, вечное изменение, движение, выраженное в знаменитом гераклитовском положении «Все течет, все изменяется».

Уже в этих трех первых понятиях гегелевской логики видна характерная особенность ее построения - принцип троичности, или триады: тезис - антитезис - синтез. Выдвигается некоторое положение, затем следует его отрицание и далее отрицание отрицания. Гегелевское отрицание означает не уничтожение предмета, а его развитие. Для характеристики отрицания Гегель употребляет также термин «снятие», что означает упразднение и одновременно сохранение. В становлении бытие и ничто находятся в снятом виде.

Вечное становление, таким образом, является первым конкретным понятием гегелевской философии. В силу того, что оно первое, становление не есть самое высокое, не есть венец, не ограничивается вечным «все течет». Оно имеет своим результатом другую категорию, новый образ мышления. По Гегелю результатом становления является *нечто*, то есть определенное бытие.

Здесь возникает вполне резонный вопрос: чем отличается бытие от определенного бытия, то есть от наличного бытия. Если бытие есть такая определенность мышления, которая лишена всяких определений, то наличное бытие есть определенное бытие, оно обладает качеством. Вопрос о качестве, следовательно, возникает на ступени наличного бытия.

Таким образом, в своем развитии мысли становление порождает нечто, нечто – это *качество*. Качество – это то, что является неотъемлемым свойством вещи, мысли, это «присущая бытию определенность». Каждое наличное бытие имеет свое качество. Каждое явление, вещь перестает быть тем, что оно есть, если теряет свое качество, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть. Например, растение - живое. Если убрать качество – живое, оно перестает быть растением. По этой причине качество является весьма важной категорией философской мысли.

Качество, в свою очередь, проходит ряд ступеней, и Гегель обозначает в своей логике ряд субкатегорий. Такими категориями являются *нечто* и *другое*. Каждое нечто имеет свою определенность, значит, связано со своим определением. Поскольку наличное бытие имеет качество, оно отрицает другое наличное бытие, которое также имеет свое качество. Здесь Гегель оттенил важную мысль о том, что определенность есть отрицание, на которую в свое время обратил внимание Спиноза, утверждавший, что «определение есть отрицание»: то есть «я определяю одно нечто, отличаю его от другого, другое нечто определяется, и оно отличается от другого». Здесь каждое нечто по мере дальнейшего движения характеризует себя как нечто и другое.

Из диалектики нечто и другое возникают следующая категория - *в-себе-бытие*. В-себе-бытие, по определению философа, есть вещь в потенции, в зародышевом состоянии, когда она не стала еще полноценной вещью. Так, желудь еще не дуб, он только может стать дубом, стать *вещью-для-себя*. Гегель иронично замечает, что если в жаркий день, когда мы нуждаемся в тени, нам предложат желудь, вряд ли мы будем удовлетворены. Точно также

каждый ребенок есть в-себе-бытие, он только станет взрослым, в нем есть все потенции стать зрелым человеком.

В результате дальнейшего движения мысли, абсолютной идеи возникают такие важные субкатегории как *качественная граница, бесконечность, истинная бесконечность, конечное, для-себя-бытие, протяжение и отталкивание.*

Философ делает интересные замечания по поводу «*дурной бесконечности*»: выходя за пределы нечто, мы получаем другое, но это другое также является конечным, за его пределами лежит новое другое, и так без конца. Подобную бесконечность Гегель называет дурной бесконечностью. Здесь конечное и бесконечное не связаны друг с другом. Истинная же бесконечность содержит в себе некую замкнутость, завершенность. Для этого нужно, чтобы исчезло отношение нечто к другому, осталось бы лишь отношение к себе. И мыслитель конструирует еще один вариант бытия – для-себя-бытие - законченное и в то же время бесконечное бытие. Эта категория ему нужна для завершения анализа качества и перехода к новой категории - *количеству*. Как мы видим, качество постепенно движется в сторону количества.

В логике Гегеля, в его способе рассмотрения категорий есть одна особенность, которая отличает ее от всей предшествующей недиалектической логики. Философ не просто берет ту или иную категорию, а рассматривает именно то понятие, которое является наиболее бедным по содержанию, то есть анализирует ту категорию, которая является наиболее абстрактной в системе теоретических определений мышления.

Такой категорией, отвечающей всем определениям исходной абстрактной мысли, как мы видели, является категория бытия и качественная определенность предмета. Дальнейшее движение категории качества совершается все время в сторону количества. Когда развитие качества достигает определенных ступеней - *для-себя-бытия, одно, множество, протяжение, отталкивание,* - начинаются определенности категории количества.

В понимании немецкого ученого количество есть «*неприсущая бытию определенность*», безразличная бытию определенность. Что это означает? При изменении количественной определенности предмета, говорит Гегель, бытие остается тем же. Так, например, с изменением размера вещи или предмета не меняется сама вещь. Дом может быть большим и маленьким, но он от этого не перестает быть домом. Таким образом, ближайшая характеристика количества такова, что оно не затрагивает бытие предмета.

Далее философ анализирует *число*, показывая его роль в истории науки и философии, раскрывает значение категорий *прерывности* и *непрерывности, пространства* и *времени* как важнейших характеристик бытия.

В «Науке логики» Гегель четко отличал чистое количество от определенного количества. В качестве примера чистого количества философ сначала рассматривает пространство и время, пространственно-временные

характеристики предмета. Далее им исследуются такие неотъемлемые определения количества как прерывность и непрерывность. Количество, таким образом, характеризуется как единство пространства и времени, прерывности и непрерывности. Так, например, «12» есть непрерывное число, но оно в тоже время состоит из двенадцати дискретных единиц. В своей логике Гегель показывает несостоятельность абстрактного, рассудочного понимания категории прерывности и непрерывности. Подлинным, истинным знанием обладает, по мнению немецкого философа, только разумное, диалектическое понимание прерывного и непрерывного.

В результате выявления и раскрытия определений количества, оно все больше приобретает качественные оттенки. Если качество в своем развитии постоянно двигалось в сторону количества, то теперь, в свою очередь, количество движется в сторону качества, получая все больше качественных определений.

Первый такой оттенок проявляется, когда рассматривается и исследуется понятие *экстенсивной величины*, отличающееся от множества единиц некоторой устойчивостью. Правда, замечает философ, любая устойчивость в мире по-своему относительна. Затем Гегелем рассматривается категория *интенсивной величины*. В его трактовке экстенсивная и интенсивная величины не только отличаются друг от друга, но и являются тождественными. Это означает, что отношение экстенсивной величины и интенсивной величины представляет собой диалектическое отношение.

Рассмотрев диалектику экстенсивной и интенсивной величины, мыслитель переходит к подробному анализу трех групп количественных отношений: *прямое количественное отношение, обратное отношение и степенное отношение*. Анализируя количественные отношения, философ все больше и больше удаляется от количества. В своей философии, таким образом, великий диалектик реализует двойной переход – качества в количество и, наоборот, количества в качество. «Для того чтобы была положена целокупность как таковая, - пишет Гегель, - требуется двойной переход, не только переход одной определенности в другую, но также переход этой другой, возвращение ее в первую»¹.

В этом разделе представляют также интерес гегелевские мысли, посвященные критике механистического представления о количестве, не потерявшие своего значения и в сегодняшней науке, в особенности в условиях роста процесса математизации знания. Сегодня, когда математика все более решительно проникает в различные области современного знания, на этой почве возникают теоретически односторонние концепции, преувеличивающие и универсализирующие значение количественных методов познания действительности.

Таким образом, согласно гегелевской логике, категория количества в своих предельных моментах может перейти в категорию качества, а,

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.-Л., 1929-1959. Т.V. С.432-433.

категория качества, в свою очередь, в своих предельных определениях может перейти в категорию количества. Следовательно, эти категории не только параллельно существуют, но и взаимно переходят друг в друга. Рассмотрев этот двойной переход качества в количество, количества в качество Гегель переходит к следующей категории.

Следующей анализируемой мыслителем категорией является категория *меры*. Прежде всего, философ характеризует категорию «мера» как качественно определенное количество, взятое непосредственно. Другими словами, мера рассматривается им как «*единство качества и количества*». Теперь, по мнению Гегеля, можно абсолютное определить как меру, сказать: «Бог есть мера всех вещей». Если логика, логическое учение начинается с категории бытия, с абсолютно непосредственной, абстрактной определенности мысли, то мера представляет собой уже содержательное, конкретное определение бытия и потому выступает завершением раздела бытия.

Поскольку теперь абсолют, истину можно определить как меру, постольку философ тщательно и глубоко анализирует эту категорию, раскрывая ее всеобщность и универсальность в мышлении. Понимание меры Гегель находит уже в древнееврейских гимнах и в религиозном сознании древних греков в образе Немезиды. Если в древнееврейских гимнах Бог изображается как тот, кто положил всему границу, то древние греки понимали уже, что богатство, честь, могущество, печаль, радость и т.д. имеют свою меру.

По мнению философа, мера имеет место не только в сфере духовного, но существует и присутствует в физическом мире. «Различные виды животных и растений имеют как в своем целом, так и в своих отдельных частях известную меру», замечает Гегель. Правда, философ полагал, что в неорганической природе обнаруживается неопределенность, существование качества и количества обнаруживает безразличие. Однако, гегелевское замечание, не подтверждается данными современной науки, выявившей большое значение меры в анализе и познании неорганической природы.

Первоначально в мере тождество количества и качества существует непосредственно, в себе, а в дальнейшем эти определения также выступают для себя, фигурируют как положение. При этом, по Гегелю, необходимо обратить внимание на два обстоятельства: «С одной стороны, количественные определения наличного бытия могут изменяться без изменения качества, а с другой – это безразличное возрастание и уменьшение имеет, однако, свою границу, переход которой изменяет качество»¹.

Гегель иллюстрирует это положение известными примерами, когда происходит переход количественных изменений в качественные. Непрерывное накопление в предметах количественных изменений *скачкообразно* переводит предмет в другое качество. Например, количество как «безразличная бытию определенность», безразличным может быть

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М., 1974. С.259.

только до определенной степени. Так, вода может оставаться водой только до температуры 100° по Цельсию, при дальнейшем нагревании она превращается в пар, также при охлаждении воды ниже 0 градусов, она превращается в лед. Таким образом, единство качества и количества, их переходы связаны с категорией меры.

Далее философ показывает, что переход количественных изменений в качественные имеет значение как в теоретической, так и в практической, нравственной областях. Важно то, замечает Гегель, что эту антиномию меры, переход количественных определений в качество уже понимали греки, анализирувавшие такие понятия как «куча», «лысый». Мыслитель приводит древний софизм «Лысый». Если выдернуть один волос из головы, два, три - станет ли человек лысым? Разумеется, нет. Но если продолжать выдергивать из головы по волосу, то рано или поздно наступит момент, когда появится лысина. Изменение чисто количественное переходит в качественное.

В этой связи также представляет интерес гегелевский пример с государством. Действительно, небольшое изменение территории не влияет на государственное устройство. «Но столь же мало отрицать, - пишет философ, - что при непрерывном увеличении или уменьшении государства наступает наконец такой момент, когда независимо от других обстоятельств и только вследствие этого количественного изменения, государственный строй качественно уже больше не может оставаться неизменным. Конституция маленького швейцарского кантона не годится для великой империи, и точно так оказалось непригодным государственное устройство Римской республики, когда оно было перенесено на небольшие имперские города»¹.

Далее Гегель показывает, что количество есть не только увеличение и уменьшение, но также выхождение за свои пределы, которое сопровождается качественным изменением. «Но так как наличное в мере количество переступает известную границу, то благодаря этому снимается также и соответствующее ему качество. Но этим, однако, отрицается не качество вообще, а лишь определенное качество, место которого тотчас же занимает другое качество. Этот процесс меры, который попеременно, то оказывается только изменением количества, то переходом количества в качество, можно сделать наглядным, представляя его себе в образе узловой линии. Такого рода узловую линию мы прежде всего находим разнообразных формах в природе»².

В идее об *узловых линиях меры* Гегель развивал свое учение о «скачках» при переходе от количественных изменений к коренным, качественным. Философ критиковал и высказывался против распространенной в то время мысли, что природа не делает скачков.

Первоначально мера выступает как нечто непосредственное, то есть в мере качество и количество сначала непосредственные, мера – их относительное тождество. В дальнейшем мера снимается в безмерном; в

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. С.260.

² Там же. С.261.

безмерном мера возвращается к себе, ибо безмерное, хотя есть отрицание, также выступает единством количества и качества.

Касаясь гегелевской «узловой линии меры», В.И. Ленин в «Философских тетрадах» отмечал, что «...постепенность ничего не объясняет без скачков»¹.

По мнению Гегеля, те, кто отрицает скачки, признают развитие только эволюционно, как постепенное возникновение или исчезание. «Но было уже показано, - отмечает философ, - что вообще изменения бытия суть не только переход одной величины в другую, но переход качественного в количественное и, наоборот, становление другим, которое представляет собой перерыв постепенности и качественно иное, в противоположность предшествующему существованию». Например, вода не постепенно затвердевает, а достигнув температуры замерзания, сразу становится твердой.

Гегель в «Науке логики» рассматривает основания теории постепенности. При этом предполагается, что возникающее и уничтожающее наперед уже имеется в готовом виде, и изменение превращается в простую перемену внешнего различия. Касаясь этой стороны вопроса, философ пишет: «Делать понятным возникновение и уничтожение предположением о постепенности изменения значит впасть в скуку, свойственную тавтологии».

Мыслитель не ограничивался подобными замечаниями, но подверг критике рассудок, рассудочное понимание, не постигающее превращение одного в другое, количественного в качественное и, наоборот, не понимающее категорию меры. «Трудность для такого, стремящегося к пониманию рассудка, - писал Гегель, - заключается в качественном переходе какого-нибудь нечто в другое вообще и в свою противоположность; чтобы избежать этой трудности, рассудок представляет себе тождество и изменение как безразличные внешние изменения качественности»².

Обосновав необходимость скачка в переходе от одного качества в другое качество, философ подчеркивал, что это характерно и присуще не только ко всему органическому и неорганическому, но и имеет место в сфере духовного, нравственности. «Достаточно какого-то "больше" и "меньше" и мера легкомыслия оказывается превзойденной, и получается нечто совсем иное, преступление, причем право переходит в несправедливость, добродетель в порок»³.

В разделе мера, скачок как перерыв постепенности, мыслитель вел борьбу как против проформизма, плоско эволюционистского понимания, так и против теории катаклизмов (Кювье). В своей концепции скачков Гегель пытался проследить превращение одного качества в другое, проследить диалектическое превращение количественных изменений в качественные.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.112.

² Гегель Г.В.Ф. Наука логики. С.263.

³ Там же.

Анализ категорий качества, количества и меры проводится философом в разделе «Бытие», в сфере непосредственного. После чего гегелевский анализ переходит к следующей ступени – ступени *сущности*.

Бытие образует внешний слой действительности, ее поверхность, то, что непосредственно дано в восприятии; на уровне бытия мир дискретен, то есть состоит из хотя и связанных между собой, но все же отдельных предметов. Сущность - это внутренний мир, глубинные связи, лежащие в основе бытия. Если в разделе «Бытие» понятия переходят друг в друга, то здесь, на ступени сущности, они слиты друг с другом и лишь «светятся», то есть отражены в другом. Там нечто становится другим, здесь нечто есть другое.

Сущность Гегель рассматривает трояким образом: как отраженную в себе самой; как проецированную на бытие, то есть как явление; как единство первого и второго, то есть как действительность.

Мысль, пытающаяся прорваться к сущности, наталкивается сначала на *видимость* (кажимость). С анализа категории видимости начинается вторая книга «Учение о сущности». Многие явления на поверхности, подчеркивает философ, могут проявлять себя так, что в сущности они есть нечто совершенно другое, хотя при этом сущности проявляются в видимости, в явлении, и Гегель это показывает и глубоко раскрывает.

Бытие предстает как иллюзия. Карандаш, опущенный в воду, кажется сломанным; мы видим, как солнце движется по небосводу. На самом же деле это не так. Наличие видимости - почва, на которой вырастает скептицизм, согласно которому человек имеет дело только с видимостью, сущность же вещей самих по себе познанию недоступна. Другая крайность - отрицание реального характера видимости, рассмотрение ее в качестве фантома, мнимой величины. На самом деле видимость столь же реальна, как и сущность, хотя и включает в себя «момент неимения наличного бытия».

Центральной идеей учения о сущности является исследование закона тождества противоположностей. Гегель глубоко прослеживает различные ступени этого закона: такие как *тождество, разность, различие, противоположность, противоречие и разрешение противоречия*.

Свой анализ Гегель начинает с понятия *тождества*. Абстрактному тождеству он противопоставляет тождество конкретное, включающее в себя момент *различия*. В реальной действительности ни один предмет не совпадает с другим и даже с самим собой. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Различие, доведенное до предела, есть противоположность. Белое и серое различны, белое и черное противоположны. Единство противоположностей образует *противоречие*.

Противоречие - центральная категория логики и вообще всей философии Гегеля. Противоречие, говорил философ, движет миром; все, что развивается - противоречиво.

«Нечто, следовательно, жизненно лишь постольку, поскольку оно содержит в себе противоречие...»¹. Если же нечто существующее не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не есть живое единство, не есть основание и в противоречии идет к гибели. В противоречии вещи либо гибнут, либо «уходят в основание».

Философ внес большой вклад в анализ категории противоречия. Он показал, что противоречие является источником движения, без него не может быть никакого самодвижения, развития; категория противоречия является ядром, сердцевиной всякого живого, развивающегося явления. Только метафизический рассудок, формальная логика не допускают противоречия, на самом же деле, противоречие является важнейшей категорией диалектической логики.

Противоречие трактуется философом как стержень всей логической системы. Согласно Гегелю, только благодаря этому понятию осуществляется универсальное развитие форм мышления, переход их с одной теоретической ступени на другую; во-вторых, ученый рассматривает и анализирует категорию «противоречия» соответственно тому, какое оно место занимает в системе логических категорий, раскрывает его сущность, содержание и выявляет его отношение к другим философским категориям.; в-третьих, в гегелевской логике это понятие рассматривается самостоятельно, оно берется в плане целостности, конкретности в то же время такое разумное понимание противопоставляется абстрактному рассудочному пониманию этого понятия.

Далее Гегель рассматривает категорию *основание*, глубоко анализирует категории *форма и материя*, *форма и содержание* как различные формы основания. Следует отметить, что в «Науке логики» этой проблеме отведено сравнительно немного места. Развернутое ее рассмотрение содержится в соответствующем разделе «Малой логики». Мыслитель отмечает неразрывную связь содержания и формы: нет бесформенного содержания, как не существует бессодержательной формы. Вместе с тем форма имеет двойственное отношение к содержанию. Внешняя форма к содержанию равнодушна; для содержания книги, например, безразлично, написана ли она от руки или напечатана, переплетена в картон или в сафьян.

Но есть другая форма, слитая с содержанием и в этом смысле тождественная ему. Для художника «служит плохим оправданием, если говорят, что по своему содержанию его произведения хороши (или даже превосходны), но им недостает надлежащей формы. Только те произведения искусства, в которых содержание и форма тождественны, представляют собой истинные произведения искусства. Можно сказать об Илиаде, что ее содержанием является Троянская война или, еще определеннее, гнев Ахилла; это дает нам все, и одновременно еще очень мало, ибо то, что делает Илиаду Илиадой, есть та поэтическая форма, в которой выражено содержание»².

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.VI. С.521.

² Там же. Т.I. С.225.

После чего Гегель переходит к анализу категории *условие*. Рассматривая категорию условия, философ указывает: если налицо все условия некоторой вещи, она вступает в существование. Условие, таким образом, есть совокупность обстоятельств; при наличии совокупности обстоятельств можно говорить о том, что вещь, явление существует. Последнее отличается от бытия своей опосредствованностью. Существование - это бытие, которое обрело основание.

В категории существования мысль, погрузившаяся было в результате рефлексии в глубины реальности, в ее сущность, теперь снова вырывается на поверхность. Сущность в своем существовании есть явление. Это значит, что сущность не может быть в «чистом виде», она наличествует только в явлениях. Но последние также не существуют сами по себе, а служат выражением определенной сущности. Сущность является, а явление существенно. Сущность глубже, но явление богаче.

Дальнейший гегелевский анализ охватывает целую галерею философских категорий: *закон, внутреннее и внешнее, возможное и действительное, случайное и необходимое, причинность и следствие, свобода и необходимость*.

Повторяющееся, тождественное в явлениях образует *закон*. Как и сущность, закон не потусторонен явлению, но непосредственно ему присущ. «Царство законов» есть спокойное отображение являющегося мира.

Единство сущности и явления составляет *действительность*. От непосредственного существования действительность отличается двумя признаками, делающими ее более конкретной, более содержательной категорией: действительность включает в себя, во-первых, *возможность* и, во-вторых, *необходимость*. Действительность - это не только осуществленная возможность, но и реальные возможности дальнейшего развития. *Реальную возможность* следует отличать от возможности *абстрактной*. Если рассуждать абстрактно, пишет Гегель, то возможно, что сегодня вечером Луна упадет на Землю, а турецкий султан сделается папой, ибо он как человек может принять христианскую веру и т. д. Строгого отличия между двумя видами возможности не существует. Любая абстрактная возможность при определенных условиях может стать реальной возможностью.

То, что реально возможно, по Гегелю, необходимо. Действительно только то, что вызвано существенными, закономерными факторами. Но, как и сущность, *необходимость* не предстает перед нами непосредственно, она всегда облачена в форму своей противоположности - *случайности*. Случайное есть то, что может быть, а может и не быть, может быть таким, а также иным; его бытие или небытие имеет основание не в нем самом, а в другом. Задача науки, и в особенности философии, состоит в том, чтобы познать необходимость, скрытую под видимостью случайности.

Гегелевское учение о сущности завершается анализом *причинности*. Причина порождает равное себе действие, в этом смысле причинное отношение непосредственно. Гегель выступает против отыскания

отдаленных причин. Согласно философу, причина лишь то, что ему предшествует и генетически с ним связано. Причинная связь лишь момент универсальной зависимости явлений.

Отношение причинности расширяется при переходе к понятию *взаимодействия*, когда в действии видят не просто пассивный результат, но активное начало, влияющее в свою очередь на причину. Взаимодействуя, причина и действие постоянно меняются местами: действие становится причиной и, наоборот.

Но и взаимодействие не исчерпывает всех определяющих факторов. Свою мысль Гегель пояснил следующим примером из древней истории: если мы будем считать нравы спартанского народа действием его общественного строя и, наоборот, общественный строй действием нравов, то мы будем иметь правильный взгляд на историю этого народа, но это понимание не даст все же никакого окончательного удовлетворения, потому что с помощью такого объяснения мы не поймем ни общественного строя, ни нравов этого народа. «Удовлетворение получается лишь тогда, когда мы познаем, что эти две стороны, а также и все остальные стороны, которые обнаруживают нам жизнь и история спартанского народа, имеют своим основанием понятие»¹. В основе взаимодействия для Гегеля лежит *«понятие»* как духовная основа, определяющая течение любого процесса. Так совершается переход к третьему разделу «Науки логики» - учению о понятии.

Третья книга «Учение о понятии» начинается с анализа *понятия* как такового. Немецкий философ разработал принципиально новое учение о понятии, категорически отличающееся от формально-логического учения. Ученый понимает понятие как целостность, не как абстрактно общее, а как всеобщее.

Идея гегелевской логики рассмотреть понятие в развитии, противоречивости является очень продуктивной. В понимании Гегеля в ходе саморазвития понятием приобретаются такие его внутренние определенности как синтетичность, конкретность. Представляет громадный интерес гегелевская трактовка понятия как единства многообразного. Действительно, если понятие рассматривается как конкретное, как единство многообразного, то его сущность возможно понять не на пути отвлечения от общих, одинаковых признаков предмета, а лишь в результате глубокого раскрытия содержания, внутренней связи и зависимости различных определенностей.

Понятие рассматривается философом как содержательная форма мысли. Такое понимание является непосредственным следствием гегелевской трактовки понятия как единства, «конкретной тотальности» многочисленных определений.

В этом разделе Гегелем дается также глубокий анализ диалектики таких категорий как *всеобщее, особенное и единичное*. Понятие рассматривается ученым не просто как нечто общее, противостоящее единичному и особенному, а как такое общее, которое в самом себе, в своем

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.I. С.260.

развитии содержит свое другое, то есть единичное и особенное. Конкретным является такое понятие, которое находит всеобщее не вне особенного, но в нем же самом. Мыслитель отмечает, что конкретное всеобщее понятие есть целостность моментов общего, особенного и единичного. По мнению философа, отрыв всеобщего от особенного и единичного несостоятелен, ибо такая абстрактная всеобщность, находящаяся вне особенного, сама представляла бы новое особенное.

Гегель в этом разделе утверждает, что истина постигается разумом. Потому, конкретное - это такое понятие, которое не отвергает своей противоположности, а соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и вместе с ним к синтезу. Разум не фиксирует и не отрицает противоположности, он познает их в разрешении.

Раздел о понятии не исчерпывается общей характеристикой учения о понятии, анализом диалектики общего, особенного и единичного, в нем тщательно разработано гегелевское учение о суждении, умозаключении и т.п.

В отличие от традиционной формальной логики, которая рассматривает эти формы мысли в их координации, Гегель в своей логике раскрывает их внутренние связи, выводит одну форму из другой, устанавливает между ними отношения субординации, развивает более сложные формы из простых. Такой метод рассмотрения форм мышления по существу являлся новым и продуктивным в истории логики.

В «Науке логики» мыслитель не просто классифицирует формы суждений, а рассматривает их в развитии от абстрактного к конкретному. Наиболее простейшей и первичной формой суждения, по Гегелю, является *суждение наличного бытия*, где о какой-нибудь единичной вещи высказывается, утверждается или отрицается, какое-нибудь всеобщее свойство (положительное суждение: «роза красна», отрицательное суждение: «роза не голубая»; бесконечное суждение: «роза не верблюд»).

Следующей формой суждения является *суждение рефлексии*, где о субъекте высказывается некоторое относительное определение (сингулярное суждение: «этот человек смертен», партикулярное суждение: «некоторые, многие люди смертны», универсальное суждение: «все люди смертны»).

Более высокой формой суждения является *суждение необходимости*, где о субъекте высказывается его субстанциональная определенность (категорическое суждение: «роза есть растение»; гипотетическое суждение: «если солнце поднимается над горизонтом, то наступает день»; разделительное суждение: «чешуйчатник есть либо рыба, либо амфибия»). Наконец, высшей, наиболее конкретной формой суждения является *суждение понятия*, где о субъекте высказывается, в какой мере он соответствует своему понятию (ассерторическое суждение: «этот дом плох»; проблематическое суждение: «если дом построен так-то и так-то, то он хорош»; аподиктическое: «дом, устроенный так-то и так-то хорош»).

При всем значении гегелевского понимания суждения, следует заметить, что философ трактует суждения не как отражение объективных, предметных связей действительности, а изображает их как формы развития

абсолютной идеи, духа. Поэтому гегелевская классификация форм суждения имеет действительное познавательное значение только в результате преодоления его идеалистической трактовки.

Рассмотрев подробно учение о суждении, Гегель переходит к анализу *умозаключения*. По его мнению, умозаключение теперь выступает как основание истинного, оно есть единство понятия и суждения. Поэтому, утверждает мыслитель, определение абсолютного принимает формы: оно есть умозаключение. В отличие от традиционной формальной логики философ раскрывает содержание умозаключений на основе принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Сначала Гегель анализирует *качественное умозаключение*, потом *умозаключение рефлексии* и раздел завершается исследованием *умозаключения необходимости*, которое является кануном перехода к понятию объекта.

На высшей ступени умозаключения происходит переход к категории *объект*. Всякий предмет определяется сначала в своей общности (понятие), затем различается на множественность своих моментов (суждение) и, наконец, через это саморазличение замыкается в себе как целое (заключение).

На следующих, более конкретных ступенях своего осуществления, в сферах объекта, происходит дальнейшее развитие объекта, эти три момента выражаются как «*механизм*», «*химизм*» и «*телеология*». А затем происходит переход к *идее*.

Таким образом, Гегель переходит к заключительному этапу своей грандиозной логики, то есть учению об идее. Из этой своей относительной объективации понятие, возвращаясь к своей внутренней, обогащенной теперь содержанием действительности, определяется как *идея* на трех ступенях *жизни, познания и абсолютной идеи*.

Гегель анализирует *теоретическую и практическую идею* и переходит к разделу «Абсолютная идея». По мнению философа, *абсолютная идея* есть абсолютно конкретное, она есть единство многочисленных определений, многочисленных категорий; абсолютная идея есть целостность, поскольку содержит в себе все предшествующие ступени развития логической мысли от бытия к сущности, понятию и абсолютной идее.

Развитие идеи от бытия до абсолютной идеи – это процесс, в котором категории становятся все содержательнее; если бытие – первая, самая абстрактная категория, равная по своему содержанию ничто, то категория идея является самым содержательным, богатым и целостным понятием. Категория *идеи* является самым *конкретным понятием*, потому что она в себе в снятом виде содержит все предшествующее развитие, все содержание предшествующих ступеней. Только в абсолютной идее, идея становится в-себе и для-себя-бытием. Идея как логическая система, как система чистых сущностей, доходит до своей вершины и поэтому она является конкретным понятием.

В разделе «Абсолютная идея» Гегелем подробно рассматриваются такие вопросы как *анализ и синтез*, показывается односторонность,

абстрактность как односторонне аналитического, так и односторонне синтетического, односторонней индукции и односторонней дедукции, дается глубокий анализ *принципа восхождения от абстрактного к конкретному*. Этот метод, по Гегелю, есть внутренний смысл и стержень абсолютной идеи. В анализе идеи философом особенно подчеркивается роль *принципа саморазвития*, где особое значение принадлежит противоречию, тождеству противоположностей, являющемуся внутренним ритмом, живой душой всей логической системы.

Разделом «Абсолютная идея» завершается гегелевская логика. Следует подчеркнуть, что при всем идеализме и спекулятивной конструкции Гегелем высказаны в этой части много плодотворных мыслей и диалектических идей. Касаясь именно этой стороны данного раздела гегелевской логики, В.И. Ленин писал: «Замечательно, что вся глава об "абсолютной идее" почти ни словечка не говорит о боге... Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть диалектический метод - это крайне замечательно. И еще одно: в этом самом идеалистическом произведении Гегеля всего меньше идеализма, всего больше материализма. "Противоречиво", но факт!».

Таким образом, обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть следующее: первая часть гегелевской философской системы – Логика – есть рассмотрение духа как такового, в чистом виде. Термины логика, система чистых сущностей или идея немецким философом употребляются как синонимы. Логика Гегеля есть система логических категорий, система чистых сущностей; идея, понимается им также как единство всех логических понятий, начиная с бытия и кончая абсолютной идеей. *Логика изучает в-себе-бытие духа, когда он еще не стал для-себя-бытием*. Таким образом, гегелевское понимание логики коренным образом отличается от традиционной логики: если традиционная логика изучает субъективные формы мышления, то гегелевская диалектическая логика изучает *содержательное мышление*, мышление как единство объективного и субъективного, содержания и формы.

Именно идея есть тождество бытия и мышления, она является началом гегелевской философской системы; именно идея, дух выступают у Гегеля как субъект всего; именно идею, дух философ рассматривает как некое саморазвивающееся целое.

§2. Философия природы

Дойдя до абсолютной идеи, Гегель показывает, что абсолютная идея дальше не развивается, она становится целостной, она только лишь может перейти к *философии природы*. Она не может развиваться дальше, так как вобрала в себя все содержание предшествующего пути развития абсолютной идеи. Следовательно, идея может перейти только в свою противоположность, в свое инобытие - природу. Здесь начинается вторая часть гегелевской системы - «Философия природы».

Природа - есть инобытие абсолютной идеи. Природа – такое состояние абсолютной идеи, мысли, которое не адекватно соответствует духу. Внутренняя диалектика, присущая разделу логики, не может продолжаться в философии природы, так как категории, понятия, принципы природы не текучи, не переходят друг в друга, в них нет внутренней диалектики.

Таким образом, в отличие от логики, где все категории мышления постоянно саморазвивались путем разрешения противоречия, отрицания отрицания, в философии природы, по мнению Гегеля, развития не происходит. Природу философ трактует как «дикий окаменевший дух». Поэтому в природе продолжают повторяться почти те же структуры, которые развивались в логике.

Гегелевское понимание «природы как окаменевшего духа» Энгельс связывает с метафизическим характером естествознания того времени, которое еще не рассматривало природные явления в их развитии, противоречии, в их переходе от одной ступени к другой. Однако, возможно, есть еще другое основание для такой трактовки, поскольку «природу» в свое время также трактовал и Кант. По мнению кенигсбергского мыслителя, для того, чтобы определить возможность естествознания, необходим «рассудок». Когда у Канта речь идет о создании синтетических суждений *a priori*, возможности научного знания, в качестве основы опыта он рассматривает рассудок, категории рассудка. Рассудок является основой естествознания, поэтому логические категории априорно применяются к формированию синтетических суждений *a priori* в естествознании.

В отличие от Канта, Гегель рассудок трактовал по-своему. По его мнению, рассудок и разум являются различными ступенями развития мышления. Рассудок, согласно Гегелю, синоним метафизического рассмотрения предмета, предмета в его окостенелости, постоянстве, в его непонимании развития, противоречия и т.д. Поэтому, возможно, мыслитель и определял природу как нечто неразвивающееся, как «окаменевший дух».

Далее, рассматривая гегелевскую философию природы, следует забыть современное понимание природы и ее трактовку в материалистической философии прошлого. Еще Кант показал, что «природа есть совокупность опыта», тогда как вещи-в-себе являются объективно реальными. В отношении объективно реального, независимого от человека неприменимы логические категории, природа же, представляя собой совокупность опыта,

через «первоначальное единство самосознания» вовлечена в орбиту человеческого сознания и потому не является объективно реальной. Природа, таким образом, обусловлена человеческим сознанием, и в связи с этим Кант утверждает, что «разум диктует свои законы природе», в то время как по отношению к объективной реальности, вещам-в-себе он диктовать свои законы не может.

Когда Гегель говорит о природе, то природа понимается им как «*момент духа*». В отличие от материалистической философии, трактующей природу как объективно, реально существующее, в гегелевском понимании природа - это то, что дано естествознанию - механике, физике, биологии и т.д. Поэтому он природу рассматривает не как абсолютно чужое по отношению к мышлению, духу, а, напротив, это переход идеи «в свое другое». Таким образом, по Гегелю, чистое мышление, идея являются духом, рассмотренным в его чистом виде, это дух, как таковой, природа же есть «первое воплощение абсолютной идеи», «момент духа».

В основе природы, по Гегелю, лежит идея. Она прокладывает себе путь к человеческому духу сквозь многообразные материальные формы, начиная от самых низших, неорганических форм и кончая высокими, такими как формы органического мира, уже вплотную подводящие к человеку. Под этим углом зрения ученый рассматривает в своей «Философии природы» физические, химические и биологические явления. Биологические явления - высшая и последняя ступень природы. В них совершается уже переход от природы на ступень выше.

По мнению мыслителя, когда абсолютная идея переходит к своему инобытию - природе, то дух как бы умирает в материальной вещи, чтобы потом, пройдя круг природных вещей и возвысившись до человека, как завершения этого круга, прорвав форму материальности, выступить в новом виде и познать, что материальность, природа есть лишь внешняя оболочка, сущностью же вещи является идея, дух.

Отсюда закономерно, что в природе продолжается тоже развитие логических мыслей, но как первое воплощение абсолютной идеи, которое соответствует ей неадекватно, ибо природа является неподвижной, неразвивающейся. Таким образом, логика переходит в *философию природы*, состоящую из трех наук: *механики*, *физики* и *органики*, из которых каждая разделяется на три, соответственно общей гегелевской трихотомии.

В механике *математической* речь идет о пространстве, времени, движении и материи; *конечная* механика, или учение о тяжести, рассматривает инерцию, удар и падение тел, а механика *абсолютная* (или астрономия) имеет своим предметом всемирное тяготение, законы движения небесных тел и солнечную систему как целое. В механике вообще преобладает материальная сторона природы; в физике выступает на первый план формирующее начало природных явлений.

Физика всеобщей индивидуальности имеет своим предметом свет, четыре стихии и «метеорологический процесс»; *физика особенной индивидуальности* рассматривает удельный вес, звук и теплоту, а *физика*

цельной индивидуальности занимается, во-первых, магнетизмом и кристаллизацией, во-вторых, такими свойствами тел, как электричество, и, в-третьих, *химическим процессом*. В изменчивости вещества и превращении тела окончательно обнаруживается относительный и неустойчивый характер природных сущностей и безусловное значение формы, которое и реализуется в органическом процессе, составляющим предмет третьей главной естественной науки - *органики*.

В этой высшей, самой конкретной и содержательной области природы форма и материя совершенно друг в друга проникают и внутренне уравниваются; цельный и устойчивый образ не есть здесь случайность или произведение внешних сил как это происходит в механике, а есть адекватное воплощение самоосновательной и самоподдерживающейся жизни. Следуя своей логике, Гегель относит к органике и минеральное царство, он называет его *геологический организм*, наряду с *организмом растительным и животным*; хотя, в конкретной природе нет безусловной границы между неорганическим и органическим. В настоящих организмах - растительном и животном - разум природы или живущая в ней идея проявляется в образовании множества органических видов, по общим типам и степеням совершенства; далее - в способности каждого организма непрерывно воспроизводить форму своих частей и своего целого через уподобление внешних веществ; затем - в способности бесконечного воспроизведения рода через ряды поколений, пребывающих в той же форме, и, наконец (у животных), - в субъективном, психическом единстве, делающем из членов органического тела одно самочувствующее и самодвижущееся существо.

Но и на этой высшей ступени органического мира и всей природы разум или идея не достигают своего действительно адекватного выражения. Отношение родового к индивидуальному, общего к единичному остается здесь внешним и односторонним. Род, как целое, воплощается лишь в инобытии принадлежащих к нему множественных особей, отдельных в пространстве и времени; и особь имеет родовое вне себя, полагая его как потомство. Эта несостоятельность природы выражается в смерти.

Развитие органической жизни ведет к возникновению учения о человеке – *антропологии*. Только в разумном мышлении индивидуальное существо имеет в себе самом родовое или всеобщее. Такое внутренне обладающее своим смыслом индивидуальное существо есть человеческий дух. В нем абсолютная идея из своего инобытия, представляемого природой, возвращается в себя, обогащенная всей полнотой приобретенных конкретных определений. Таким образом, *дух, преодолев природу, возвращается к самому себе*. Только на ступени антропологии, по мнению Гегеля, в недрах природы просыпается дух, когда речь заходит о человеке. Следовательно, *«дух есть единство логики и природы»*, единство идеи и природы, единство системы чистых сущностей и природы. Поэтому дух рассматривается философом как нечто конкретное, где моментами духа выступает как логика, так и философия природы.

§3. Философия духа

По мнению Гегеля, все есть дух. *Логика - дух в чистом виде. Природа – инобытие идеи*, несоответствующее духу воплощение. *Дух – возвращение через природу идеи к самой себе*. Дух – есть единство идеи и природы, есть целостность. Если идея в-себе-бытие, то дух – для-себя-бытие. В третьей части своей системы «Философии духа» дух приходит к самому себе, он содержит в себе логику, философию природы как свои моменты и с этого момента вступает в новый этап своего развития.

Таким образом, Гегель в своей философской системе развернул учение о духе, где *дух выступает субъектом развития всей человеческой истории, культуры, религии и т.д.* В «Философии духа» повторяются в преобразованном развитом виде многие мысли, которые были уже высказаны мыслителем ранее, здесь гегелевское учение предстает как грандиозная попытка осмыслить культурно-исторический процесс.

Третья главная часть гегелевской системы «Философия духа» сама строится соответственно различению духа в его субъективности, в его объективации и в его абсолютности.

Дух, по Гегелю, есть «самое себя знающая действительная идея». Поэтому философию духа мыслитель делит на три раздела: *учение о субъективном, объективном и абсолютном духе*.

Разум, субъективный дух объединяет у Гегеля такие науки, как антропология, феноменология и психология. *Субъективный дух*, во-первых, рассматривается в своем непосредственном определении, как существенно зависящий от природы в характере, темпераменте, различиях пола, возраста, сна и бдения и т. п.; всем этим занимается *антропология*. Здесь философ анализирует учение о человеке как антропологическом существе, обращает внимание на учение о душе Аристотеля.

Предметом антропологии, по Гегелю, является не столько расселение человека на земле, не различие людей по расовым, возрастным, половым признакам, не вопрос о происхождении человека, а вопрос о духовном складе человека в связи с указанными обстоятельствами. Антропология, по Гегелю, изучает дух в его телесности. Мыслитель рассуждает о природной детерминации психики и в качестве примера приводит расовые и национальные различия. В своей философии ученый не разделял мнение тех, кто считал, что одна раса обладает духовным превосходством над другой и поэтому-де «над некоторыми из них позволительно господствовать как над животными». «Человек, - считал Гегель, - сам по себе разумен; в этом заключается возможность равноправия всех людей, отсюда вытекает никчемность упорно отстаиваемого различия человеческих пород на привилегированные и бесправные». В своей антропологии философ рассмотрел «кавказские расы», а также греков, итальянцев, испанцев, французозов, немцев и англичан.

Во-вторых, субъективный дух представляется в своем постепенном восхождении от чувственной достоверности через восприятие, рассудок и самосознание к разуму. Этот внутренний процесс человеческого сознания уже рассматривался философом в «Феноменологии духа» и в энциклопедии философских наук изложен в сжатом виде. Здесь мыслитель снова рассматривает проблему сознания, самосознания и разум, расширяет и уточняет некоторые моменты из «Феноменологии».

Последняя из трех наук субъективного духа, *психология*, по своему содержанию приблизительно совпадает с главными частями обыкновенной психологии, но только это содержание располагается не в эмпирических частностях, а в своем общем смысле, как внутренний процесс самораскрывающегося духа. Гегель анализирует индивидуальные психические качества, темпераменты и характеры людей. Он также останавливается на возрастных и половых различиях людей. Представляет определенный интерес гегелевское учение об ощущении. Здесь ученый анализирует *теоретический, практический и свободный дух*.

Достигнув в теоретическом мышлении и в свободе воли настоящего самоопределения в своей внутренней сущности, дух возвышается над своей субъективностью; он может и должен проявить свою сущность предметно-действительным образом, стать духом *объективным*.

В разделе «Объективный дух» представлены социально-исторические воззрения философа.

Первое объективное проявление свободного духа есть *право*. Оно есть осуществление свободной личной воли, во-первых, по отношению к внешним вещам - право *собственности*, во-вторых, по отношению к другой воле - право *договора*, и, наконец, по отношению к своему собственному, отрицательному действию через отрицание этого отрицания - в праве *наказания*. Нарушение права, лишь формально и абстрактно восстанавливаемого наказанием, вызывает в духе *моральное* требование реальной правды и добра, которые противоплагаются несправедливой и злой воле как *долг*, говорящий в ее *совести*. Моральная воля обнаруживается не в мыслях и намерениях, а в делах.

Из этой раздвоенности между долгом и недолжной действительностью дух освобождается в действительной *нравственности*. Гегель ставит нравственность выше морали. Для него это разные понятия. Мораль характеризует личную позицию индивида, в нравственности же субъект сознает себя как одно с *нравственной субстанцией* на трех ступенях ее проявления: в *семье, гражданском обществе и государстве*. В этих социальных институтах дух обнаруживает себя как нечто объективное и как подлинная свобода. «Существует ли индивидуум, это безразлично для объективной нравственности, которая одна только и есть пребывающее и сила, управляющая жизнью индивидуумов»¹. Нравственность - вечная

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VII. С.182.

справедливость, по сравнению с которой «суежные действия индивидов остаются лишь игрою волн».

Как отмечал Энгельс, в отличие от Фейербаха, высказавшего отдельные идеи о морали и нравственности, Гегелем была разработана целая система вопросов, связанных с анализом проблемы семьи, гражданского общества, государства.

Наиболее содержательный раздел главы о нравственности и вообще всей «Философии права» - «Гражданское общество». Этим термином Гегель обозначает социальный строй, покоящийся на личном экономическом интересе. «В гражданском обществе каждый для себя - цель, все другие суть для него ничто»¹, отмечает философ. Подобное общество мыслитель рассматривает как продукт Нового времени, то есть речь идет о буржуазном обществе. В основе гражданского общества лежит система потребностей. Однако человек находит вокруг себя очень мало непосредственно пригодного для своей жизнедеятельности. Лишь путем труда он создает средства для удовлетворения своих потребностей. Так возникает экономическая система, законы которой изучает политическая экономия.

Гегель исследует *труд как социальное отношение*. Он подчеркивает, что всеобщее содержание труда заключается в орудиях труда и навыках. Он показывает, как разделение труда приводит к упрощению операций, что открывает возможность для применения машин, потому в мануфактурном и машинном производстве скрыта одна из основных причин духовного оскудения и морального вырождения современного общества. Мыслитель отмечает, что экономические отношения лежат в основе социальной дифференциации. Здесь Гегель приближается к осознанию существования в обществе классов. По мнению философа, неравенство людей установлено природой и усугублено гражданским обществом: «...Требование равенства есть черта пустого рассудка...»².

На страже собственности находится суд и закон, который применим лишь к внешним проявлениям деятельности человека. Внутренний мир человека расположен вне сферы права. Право отражает состояние общества: когда устои общества прочны, оно снисходительно относится к правонарушениям, если же положение общества шатко, суровые наказания призваны укрепить его положение. Поэтому один и тот же уголовный кодекс не может годиться для всех времен. Судопроизводство должно носить публичный характер, только тогда граждане будут уверены, что совершается действительно справедливый суд.

Рост промышленности и народонаселения ведет к обострению социальных противоречий, что заставляет гражданское общество выйти за свои пределы. Так нравственность достигает своей высшей ступени - *государства*.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VII. С.211.

² Там же. С.224.

Государство, по Гегелю, - высшее проявление объективного духа, совершенное воплощение разума в жизни человечества, философ даже называет его Богом: «это шествие Бога в мире»¹, только в государстве осуществляется подлинная свобода. Как осуществление свободы каждого в единстве всех, государство, вообще, есть абсолютная самоцель. Национальные же государства, как и те народные духи, которые в этих государствах воплощаются, суть особые проявления всемирного духа, и в их исторических судьбах действует все та же диалектическая мощь этого духа, который через их смену избавляется постепенно от своих ограниченностей и односторонностей и достигает своей безусловной самосознательной свободы.

В разделе «Всемирная история» Гегель приступает к анализу реальных конкретных проявлений абсолютного духа как истинного субъекта развития человеческой истории. Субъектом человеческой истории, исторического процесса, по мнению философа, является дух - абсолютный дух, который саморазвивается, имеет определенные цели, является смыслом всего исторического процесса, субъектом исторического процесса.

В своей философии истории ученый выдвинул принцип мыслящего рассмотрения истории. По мнению Гегеля, история не хаотична, в ней господствует разум, необходимость. История - это развитие понятия *свободы*; субстанцией исторического процесса является дух. При этом он в истории усматривает не только непрерывный процесс, но понимает историю как поступательное движение.

По сравнению со своими предшественниками Гегель в понимании исторического процесса сделал шаг вперед. Он ввел в понимание общественного явления *принцип историзма*. Философ отбросил отвлеченные рассуждения вроде того, разумно или неразумно рабство, и выдвинул свой знаменитый принцип: «Все действительное разумно, все разумное действительно». Это диалектическое положение в основном не было понято его современниками. Например, реакционное правительство Фридриха-Вильгельма полагало, что оно является оправданием всего сущего.

Но у Гегеля атрибут действительности принадлежит лишь тому, что в то же время необходимо. Однако действительность, по мнению философа, вовсе не представляет такого атрибута, который присущ данному общественному порядку при всех обстоятельствах. Напротив, римская республика была действительна, но действительна была и вытеснившая ее римская империя. И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Конечно, все это не говорит о том, что Гегель не совершал насилия над фактами. Случалось, что он использовал факты в интересах теории. Так, признавая необходимость буржуазной модернизации отсталых феодальных отношений Германии, он, однако, не говорил о коренном их изменении, а превозносил конституционную монархию. Но в этом случае диалектика не причем.

¹ Там же. С.268.

По Гегелю, главный смысл движения абсолютного духа, как уже указывалось выше, – есть *реализация свободы*, соответствие самой идеи, сформулированной духом.

Смысл истории, согласно философу, есть *прогресс в сознании свободы*. Ученый показывает, что *на Востоке* свободным сознает себя только *один*; все объективные проявления разумной человеческой воли – собственность, договор, наказание, семья, гражданские союзы, здесь существуют, но исключительно в своей общей субстанции, частный же человек здесь является лишь акциденцией; единственный субъект свободы – властитель имеет общепризнанное право наказывать и награждать, всегда может по праву отнять у любого из своих подданных его жизнь, жену и детей.

В классическом мире субстанциальный характер нравственности еще остается в силе, но свобода признается уже не за одним, а за *несколькими* (аристократия) или за *многими* (демократия).

Только в *германо-христианском мире*, считает Гегель, субстанция нравственности всецело и неразрывно соединяется с субъектом, и свобода сознается как неотъемлемое достояние *всех*. Европейское государство, есть осуществление свободы всех и включает в себе, в качестве своих моментов, исключительные формы прежних государств. Это государство есть *монархия*; в особе государя единство целого является и действует как живая и личная сила; эта центральная власть *одного* не ограничивается, а восполняется участием *некоторых* в управлении и представительством всех в сословных собраниях и в судах присяжных. *В совершенном государстве дух объективируется как действительность*. По мнению философа, вершиной объективации абсолютного духа, является прусская конституционная монархия.

Мировой дух, согласно мыслителю, осуществляет свои цели в истории так, что он заставляет человеческие страсти работать на себя. Люди стремятся к тому, чтобы осуществить свои собственные цели, но, вместе с тем, они осуществляют цели всемирного духа, которые они совсем не имели в виду: «Во всемирной истории, благодаря действиям людей, вообще получают еще и несколько другие результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают»¹.

Абсолютный дух *использует* народы, государства, личности, в своих реальных общественно-исторических интересах. В этом, согласно Гегелю, состоит «хитрость» мирового разума. Свободные действия выдающихся личностей, считает немецкий философ, продиктованы целями, гораздо более близкими целям всемирного духа – в этом и состоит, по его мнению, особенность выдающихся личностей. Они вернее угадывают «дух эпохи», то есть потребности общества, и видят дальше, чем обычные люди. Выдающиеся личности, согласно Гегелю, это мыслящие люди, понимавшие то, что нужно и что своевременно: «великие люди и являлись теми, которые

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения: В 14 т. М.-Л., 1935. Т.VIII. С.27.

всего лучше понимали суть дела и от которых затем усваивали себе это их понимание»¹.

Великие исторические личности мыслитель трактует как «дубины в руках абсолютного духа», называет их «доверенными лицами» мирового духа. И именно поэтому великие люди действуют свободно, доказывает ученый, а не потому, что творят историю совершенно произвольно. Таким образом, у Гегеля выходит, что свобода есть осознанная и реализованная человеком необходимость.

Абсолютный дух в своем развитии, в своем движении посещает те народы, которые, согласно философу, становятся *историческими народами*. Эти народы вносят неоценимый вклад в историю развития человечества. Те же народы, которые дух в своем развитии не посетил, не удостоил своим вниманием, являются *неисторическими*. Поэтому историческими народами Гегель считает греков, римлян, французов, англичан, немцев и рассматривает в своей философии историю именно этих народов. Смысл исторического процесса, убежден философ, полностью определяется объективным саморазвитием, самопознанием духа. Дух себя реализует в историческом процессе, используя в качестве материала народы, государства и великие исторические личности.

Затем дух из исторической объективации возвращается к себе и проявляется как «абсолютный дух» на трех ступенях: *искусства, религии и философии*.

Гегель обосновал учение об эстетике, состоящее из идеи прекрасного вообще, учения об особых видах искусства и учения об отдельных видах искусства. Прекрасное, по Гегелю, это форма выражения абсолютной идеи, которая предшествует природе. Красота есть непосредственное проявление идеи в *единичном конкретном*; это - абсолютное в сфере чувственного созерцания. Чувственное в искусстве одухотворяется; с другой стороны, духовное получает в нем чувственную форму.

В природе красота есть лишь бессознательное отражение идеи; в искусстве, она проходит через сознательное воображение субъекта - художника, прежде чем получить непосредственную видимость. «Вещи, являющиеся продуктами природы, - размышляет философ, - существуют лишь непосредственно и однажды, но человек как дух удваивает себя: существуя как предмет природы, он существует также и для себя, он созерцает себя, представляет себе себя... Этой цели он достигает посредством изменения внешних предметов, запечатлевая в них свою внутреннюю жизнь и снова находя в них свои собственные определения. Человек делает это для того, чтобы в качестве свободного субъекта лишиться внешнего мир его неподатливой чуждости и в предметной форме наслаждаться лишь внешней реальностью самого себя»².

¹ Там же. Т. VIII. С. 30.

² Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. М., 1968. Т.1. С.8.

Поэтому истинную красоту, убежден ученый, дает искусство. При этом философ развивал диалектическое учение о взаимосвязи формы и содержания. Согласно Гегелю, цель искусства – единство объективного и субъективного, содержания и формы – достигается в единстве характера и ситуации. Важной заслугой философа в эстетике является применение диалектики, диалектического принципа развития к искусству.

Все понятия теории искусства представляют собой конкретизацию исходной категории – *прекрасного*. А расположены они в той последовательности, в какой, по мнению Гегеля, происходила смена различных художественных форм. Основная триада состоит здесь из трех форм искусства – *символической, классической и романтической*, где критерий оценки – соотношение между художественным содержанием и его воплощением.

На *Востоке* искусство (господствующий вид искусства – архитектура) еще близко к природе; как сама природа есть символ абсолютной идеи, это искусство имеет символический характер: материальный объект связан идеей, но не проникнут ею вполне, содержание не нашло еще своей адекватной формы.

Полное проникновение идеи и идеализация чувственной формы, когда содержание и форма находятся в гармоническом единстве, достигается в классическом искусстве – *античное* искусство. Основой классического искусства служит абсолютная гармония содержания и формы: «Здесь искусство в такой мере достигло своего собственного понятия, здесь оно приводит идею как духовную индивидуальность в такую непосредственную и совершенную гармонию с ее телесной реальностью, что теперь впервые внешнее существование уже не сохраняет больше никакой самостоятельности по отношению к смыслу, который оно должно выражать. И наоборот, внутреннее содержание в своем образе, выработанном для созерцания, показывает лишь само себя и утвердительно соотносится в нем с собою»¹.

Абсолютная гармония объективной красоты нарушается в искусстве *романтическом*, здесь единство содержания и формы снова распадается: содержание перерастает форму, идея в форме духовности или субъективности перевешивает природную чувственную форму и стремится вывести искусство из собственных пределов в область религии – искусство христианской Европы.

Только классика, с точки зрения Гегеля, является подлинным искусством. То, что ей предшествует, по мнению философа, всего лишь предыскусство, а романтическое искусство знаменует собой распад и его гибель: мысль и рефлексия обгоняют художественное творчество, которое закономерно уступает место другим видам духовной деятельности. Искусство исчерпывает свое содержание. Мыслитель, однако, не спешит с ним распрощаться. Историческую схему развития искусства философ

¹ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М., 1969. Т.2. С.9.

дополняет схемой логической - анализом системы отдельных видов и жанров: философ анализирует искусство слова, художественное произведение, рассматривает трагическое и комическое, возвышенное и т.д.

В системе Гегеля одно из почетных мест отведено *религии*, которая наряду с философией венчает грандиозное здание человеческого познания. В религии, отмечает философ, абсолютное имеет более общий объективный и вместе с тем более глубокий субъективный характер, чем в искусстве. Религия, по мнению мыслителя, является не просто ложным сознанием, как утверждали французские просветители, а есть закономерная ступень развития человеческого духа и сознания. Религия связана с *представлением*, и все достоинства и недостатки религии связаны с ним.

Гегель рационализирует веру в Бога. Он полемизирует с теми, кто ограничивает религию сферой чувства, в частности чувства зависимости. По этому поводу философ, иронизирует, что самым лучшим христианином является собака, которая вся живет этим чувством, более того ей ведомо даже чувство благодати, когда хозяин бросает ей кость. Религиозное переживание – это, по Гегелю, необходимое, но недостаточное условие веры, поскольку чувство всегда случайно, субъективно и индивидуально, Божественное познается в его всеобщности, формой же всеобщности является разум.

Для немецкого мыслителя характерен исторический подход к религии, в связи с чем он подробно рассматривает смену верований, являющихся необходимыми ступенями все более глубокого постижения Бога. Гегелевские лекции по философии религии содержат грандиозную для своего времени попытку осмыслить историю религиозных верований как единый закономерный процесс. Философ показывает, что в ходе развития религии образ Бога все больше очеловечивается, Бог приближается к человеку. Этот процесс идет параллельно с углублением сознания свободы, что составляет, по Гегелю, содержание всемирной истории.

В восточных языческих религиях Бог представляется как *субстанция* природного мира (например, свет в иранской и как загадка жизни в египетской); на дальнейшей ступени религиозного сознания Бог открывается как *субъект* (в форме «возвышенного» монизма у евреев, в форме прекрасной телесности у греков и в форме целесообразного отношения или практического разума у римлян).

Поскольку религия связана с представлением, она не является высшей формой, проявлением абсолютного духа, но в ней много положительных достижений, в частности, великое значение христианской религии Гегель связывает с пониманием свободной сущности человека, с отрицанием рабства.

Самые образованные греки, подчеркивает философ, еще не знали человека как такового, на варваров они смотрели как на абсолютно чуждое, считали рабство нормальным явлением. Даже великий греческий ум Аристотель рассматривал раба как говорящее животное. По мнению немецкого философа, заслуга христианской религии заключается в открытии человека как такового, она есть основание для понимания всех людей, вне

зависимости от цвета кожи, разреза глаз и т.д. Поэтому со времени христианской религии была заложена основа идеи того, что все люди близки друг другу, они - братья.

Гегель называет *христианство* абсолютной и бесконечной религией, которая уже не может быть превзойдена. В христианстве, полагает он, произошло наконец примирение Бога и человека, религия достигла самосознания.

Но, несмотря на безусловную истинность своего содержания, христианство, в силу общей формы религиозного представления, являлось для мыслителя неадекватным выражением абсолютной истины; адекватное выражение истина получает только в *философии*.

Философия - завершающая ступень гегелевской системы, здесь находится «абсолютный конечный пункт» саморазвития духа, в котором учение Гегеля - конец пути. В своей философии ученый видел последний, завершающий этап длинного пути самопознания духа.

«История философии» трактуется философом как самопознание абсолютного духа, как историческое развитие истины. *Философия, как воплощение абсолютного в абсолютной форме*, принимается Гегелем не в виде совокупности различных систем, а как постепенное осуществление единой истинной системы.

Немецкий ученый подверг резкой критике тех, кто рассматривал предшествующую историю как сплошное заблуждение, «галерею бессмыслиц». Подобный подход к истории философии он оценивал как рассудочный. Философ считал, что каждая последующая философская система не просто отрицает предшествующую, а снимает ее, то есть включает в себя все положительное предшествующей философии и развивает ее дальше. Гегель отбросил точку зрения отвлеченного «или-или» в истории философии, показав, что развитие истории философии есть процесс. Философ критиковал и других авторов, перечислявших все существовавшие на свете мнения, сравнивал их с животными, прослушавшими все звуки музыкального произведения, но не уловившими главного - их гармонии.

История философии, по Гегелю, - это внутренне необходимое, последовательное, поступательное движение мысли. История философии знакомит нас не с «галереей бессмыслиц», а с «галереей героев мыслящего разума»¹, которые проникали все глубже в сущность вещей, природы и духа добывали для последующих поколений величайшее сокровище - знания.

История философии - это путь к истине. В основе исторического движения философского знания, по Гегелю, лежит тот же принцип, что и при построении системы категорий, - *восхождение от абстрактного к конкретному*. Чем древнее философское учение, тем оно абстрактнее, чем ближе к нам - тем содержательнее, конкретнее. Мы не должны надеяться, что найдем у древних ответы на вопросы, поставленные современностью.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IX. С.9.

Более того, Гегель представил историю философии в логической форме. Согласно ученому, *философские учения соответствуют логическому развитию категорий* - в этом состоит существенное превосходство гегелевского способа рассмотрения истории философии. В истории философии ученый пытается последовательно провести принцип исторического и логического, самое историческое и логическое он понимает как отношение ставшего знания к истории этого знания. Этой идеей философ последовательно руководствовался в изложении истории философии.

В отличие от своих предшественников, рассматривавших историю философии в хронологическом порядке, Гегель анализирует историю философии в соответствии со своей логикой. Например, Гераклит исторически жил раньше, чем Парменид, но немецкий философ начинает свою историю философии именно с Парменида, поскольку категория бытия, открытая Парменидом, по своему содержанию является более бедной и абстрактной, чем категория становления, открытая Гераклитом.

Элейцы, по мнению немецкого философа, открыли диалектику с негативной стороны, поставили проблему, решить которую не смогли. Положительная разработка диалектических идей принадлежит Гераклиту: «...Нет ни одного положения Гераклита, - пишет Гегель, - которого я не принял в свою "Логику"»¹. Противоположности совпадают: бытие и небытие есть одно и то же. Догераклитовские учения, считает философ, находятся на уровне этой первой пары диалектических категорий, которые Гераклит отождествил и перешел к становлению.

С софистов начинается новый этап в развитии античной философии. Они повернули философию лицом к человеку, к мирским делам, но при этом не нашли в мышлении никакого твердого основания, в связи с чем их учение выродилось в субъективизм.

По словам Гегеля, одну из самых интересных фигур в древней философии представляет Сократ, который непосредственно примыкает к софистам в своем стремлении «очеловечить» философию. Но в отличие от них он утвердил наличие неких абсолютных начал, находящихся выше частных интересов, - это истина, добро, красота и закон. Таким образом, Сократу принадлежит открытие морали. Афиняне до Сократа были нравственными; они жили, руководствуясь обычаями и традициями, разумно приспособиваясь к обстоятельствам. Сократ же показал, что существует добро как таковое. Как мы помним, немецкий мыслитель ставил нравственность выше морали, но в данном случае, он отмечает, что в условиях, когда афинское государство находилось в состоянии упадка, мораль являлась незаменимой. Сократический способ отыскания истины ученый определяет как субъективный образ диалектики.

Особое внимание Гегель уделяет ученику Сократа – великому Платону. Платон открыл, что окружающий нас мир чувственно воспринимаемых, изменчивых вещей есть лишь отражение действительного мира идей. Каждая

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IX. С.246.

вещь имеет свою идею, существующую независимо от вещи и являющуюся ее истинным бытием, ее сущностью. Платон высказал глубокие мысли о диалектической природе знания: истина, согласно греческому философу, есть тождество противоположностей. Платон в отличие от своего учителя апеллировал не к отдельной личности, а к общности людей, излагая свою систему нравственности. Он высоко оценивал значение государства как основы нравственного мира, что было совершенно созвучно гегелевским мыслям.

Ученик Платона Аристотель в своей философии охватил все существовавшие в его время области знания. Его несогласие с учителем заключается в том, что невозможно отделить сущность от самих вещей.

Далее Гегель подробно анализирует различные философские школы - стоиков, эпикурейцев, скептиков, неоплатоников и очень кратко останавливается на средневековой философии, поскольку она по своей сути не вписывалась в его схему прогрессивного развития логического мышления.

Согласно мыслителю, решительный поворот европейской философии Нового времени к диалектике является всецелой заслугой немецкого духа. Философ подробно анализирует кантовскую философию, учения Фихте, романтиков, Шеллинга. И, наконец, определяет значение своей философии: «теперешняя стадия философии характеризуется тем, что идея познана в ее необходимости»¹.

Таким образом, вся история философии рассматривается Гегелем в соответствии с логическими категориями. Немецкий ученый историю философии показал не просто хронологически, он увидел в ней *логический смысл* и изобразил ее в соответствии с логикой. Логику философ рассматривает как сущность развития истории философии.

Все когда-либо существовавшие значимые философские начала и воззрения представляют в конкретно-исторической форме последовательные моменты и категории гегелевской логики и философии духа. Так, понятие бытия всецело определяет философию элеатов; Гераклит представляет становление; Демокрит – для-себя-бытие; философия Платона находится в сфере категорий сущности; Аристотеля - в области понятия; неоплатонизм, резюмирующий всю древнюю философию, представляет последний отдел логики - цельную идею. Новая философия - философия духа - у Декарта на ступени сознания (рассудочного) и субстанции, у Канта и Фихте - на ступени самосознания или субъективности, у Шеллинга и Гегеля - на ступени разума или абсолютного тождества субстанции и субъекта.

Выраженное Шеллингом в неадекватной форме интеллектуальной интуиции тождество субстанции и субъекта, составляющее абсолютную истину, получает в философии Гегеля совершенную форму диалектического мышления или абсолютного знания. И таким образом замыкается круг этой всеобъемлющей и самодовлеющей системы, единственной по своему

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.ХI. С.512.

формальному совершенству во всей интеллектуальной истории человечества. Вершину истории философии немецкий мыслитель видит в своей философской системе, так как в ней реализовано высшее понимание абсолютного, понимание абсолютного как тождества бытия и мышления. Философия, по мнению Гегеля, есть самопознание духом самого себя. История философии представляет как дух самопознает самого себя через философов, творивших в истории.

Истинность последней философии - гегелевской философии, таким образом, доказывается тем, что она является синтезом, вобравшим все богатство предшествующих ступеней. Здесь очевидно наличие противоречия с диалектикой. Причину этого вскрыл Ф. Энгельс, отмечавший, что по установившемуся обычаю философская система должна была завершиться абсолютной истиной, поэтому Гегель был вынужден положить конец этому процессу, для того чтобы закончить свою систему.

Немецкий философ создал свою философскую систему абсолютного идеализма, исходным пунктом которой является саморазвивающаяся идея, на определенной ступени своего развития переходящая в природу. В природе идея повторяет весь свой прошлый путь, поскольку она является «окаменевшим духом». Природа является первым неадекватным воплощением идеи, поскольку природный материал является грубым, чтобы адекватно соответствовать пластичности идеи.

Только лишь в человеческом обществе, в человеке, в истории просыпается дух, и абсолютный дух выступает смыслом исторического процесса. Вся философия, вся человеческая культура развиваются в соответствии с целями духа. История философии – это история, где воплощается, по мнению Гегеля, смысл человеческой свободы, который соответствует своему понятию. И история философии, и эстетика, и философия религии есть формы постижения идеи, духом самого себя, своего пройденного пути при помощи образов, представлений и понятий.

Достоинство гегелевской философии, как системы, не подлежит сомнению так же, как и важность идей, внесенных ею в науку и общее сознание и культуру. Однако притязание гегелевской философской системы на значение абсолютной и окончательной философии привело к тому, что эта философская система была в дальнейшем подвергнута самой беспощадной критике.

Раздел II. Разработка Гегелем основных идей диалектической логики

Глава I. Гегелевское учение о мышлении. Критика формальной логики

Логика есть учение о мышлении. В отличие от формальной субъективной логики, подлинным учением о мышлении, которое можно назвать философской логикой, является диалектическая логика.

Огромный вклад в научное понимание человеческого мышления внес Гегель, великий немецкий философ широко раздвинул рамки предмета логической науки и, тем самым, основательно подорвал авторитет и престиж формально-логического понимания мышления.

Сам ученый определил предмет логики как «Божественное мышление», а логику – как «изображение Бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа»¹.

Разумеется, гегелевские фразы о «Боге» не следует понимать буквально, они, по собственному разъяснению мыслителя, играли роль аллегорий, с помощью которых философ пытался донести свои мысли до современников.

Под «Богом» в гегелевской логике следует понимать реальную власть коллективных, общественных сил или деятельных способностей человека, разумеемого не как изолированный индивид, а как индивид в сплетении социальных связей его с другими индивидами, как «совокупность всех общественных отношений».

«Что предмет логики есть *мышление*, – с этим все согласны», – подчеркивал ученый в своей «Малой логике»². Далее он совершенно логично задает вопрос: *что же такое мышление?*

Речь в данном случае идет не о дефиниции, не о предварительном определении, Гегель дает свой ответ на этот вопрос в форме критического анализа представлений, существовавших в данной науке, не отбрасывая их как «ложные», а объясняя как резонные, но недостаточные.

Так, в частности, философ критикует широко распространенное представление о мышлении как об одной из многих психических способностей человеческого индивида, как о способности, стоящей в ряду с такими, как, например, память, воля и т.д.

Подобное понимание мышления как нечто вроде внутренней речи, выражающейся в виде речи внешней – устной или письменной форме, - с точки зрения ученого, является недопустимо узким и потому ложным, как только его переносят без корректив в логику. Исторически оно первоначально появилось у софистов, а свою законченную форму обрело в формально-логической традиции.

Создание формальной логики, открытие и обоснование ее законов в свое время имели громадное значение для развития философии, в

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.-Л., 1929-1959. Т.V. С.28.

² Там же. Т.I. С.41.

особенности для борьбы с софистикой и устранения субъективных противоречий в мышлении. Основатели формальной логики, прежде всего, Аристотель, выработали основные формально-логические законы (тождества, противоречия, исключенного третьего) в результате анализа рассуждения, размышления, то есть процесса языкового развития мышления. И потому формальная логика, математическая логика занимают достойное место в культуре как средство исследования процессов мышления.

Формальная логика понимает мышление как некую *субъективную* деятельность, совершаемую в голове человека посредством слов, терминов, суждений и умозаключений. Она, следовательно, концентрирует свое внимание на *языковом* бытии мышления. Согласно этой логике, мыслить - значит рассуждать, размышлять и выражать мысль в правильной словесной форме. Отсюда - преувеличенное внимание к законам языкового рассуждения, к превращенным формам мышления, каковыми являются суждение, умозаключение, доказательство и др. Поэтому названная логика почти не занимается универсальными определениями мышления, ее не интересуют категории, идеи и т. п.

По мнению немецкого философа, в результате такой трактовки мышления, оно, как таковое, в формальной логике вообще исчезает; вместо него исследуется «язык». Логика при таком понимании уже не может быть наукой о действительных законах действительного человеческого мышления, она тем самым превращается в раздел науки о языке, о слове, в лучшем случае превращается в систему правил, которым надлежит следовать.

Против такого поверхностного и убогого представления о мышлении Гегель выдвигает свои соображения.

Философ убежден, что изучение проблемы мышления никак не может быть исчерпано формально-логическим исследованием. Согласно Гегелю, сведение мышления только к его языковому бытию, ограничение содержания понятия «мышление» тем, что зафиксировано посредством слова, является совершенно неправомерным.

Гегель выступил с иной философской программой, иным пониманием проблемы мышления, а, следовательно, и логики. И, прежде всего, он задался совершенно справедливыми вопросами: «Почему мыслящим существом, «субъектом мышления» человек может выступать только в акте говорения? Разве человек в своих поступках, в реальных действиях не выступает как мыслящее существо?».

Традиционная логика, как было сказано выше, отвечала на эти вопросы всегда однозначно. Она полностью отождествляет мышление со словесным размышлением и потому не признает другой логики, кроме формальной, и других законов мышления, кроме формально-логических.

Не отрицая того факта, что мышление может существовать и в словесном выражении, Гегель решительно отверг как неправомерные попытки отождествлять мышление с его языковым бытием. Немецкий философ утверждал, что языковое бытие мышления: рассуждение,

размышление, сочинение книг и ведение споров - является только стороной мышления, одним из способов его реализации.

Согласно Гегелю, в реальных своих делах, в формировании вещей внешнего мира человек обнаруживает свою способность мыслить гораздо более адекватно, нежели в своих повествованиях об этих делах. «Человека в гораздо меньшей степени можно узнать по его внешнему облику, чем по его поступкам. Даже язык подвержен судьбе одинаково служить как сокрытию, так и обнаружению человеческих мыслей»¹, - подчеркивает философ.

Согласно Гегелю, *мышление* - это саморазвивающийся творческий процесс, основа всякого созидания и творчества. Оно реально существует и проявляется не в одних лишь размышлениях и книгах, а во всех результатах человеческой духовно-практической деятельности. Ибо человек мыслит не только тогда, когда размышляет, либо излагает устно или письменно свои мысли, но и тогда, когда созидает предметное тело культуры. Более того, о реальном мышлении человека и человечества можно правильно судить не столько по его словесным размышлениям, по книгам, сколько по реальным делам.

Гегель в такой трактовке мышления вовсе не выходит за пределы «понятия мышления», он требует лишь, чтобы наука о мышлении имела в виду не только форму внешнего обнаружения способности мыслить, а учитывала бы в своих обобщениях и другие, не менее (а может быть, и более) важные формы его проявления.

Мышление и его законы, по Гегелю, проявляются, прежде всего, в уровне развития промышленности и транспортных средств, в строительстве величественных пирамид и удобных для жизни городов, в симфониях и скульптурах и т.п. Следовательно, рассуждал великий философ, законы мышления, всеобщие условия его существования надо искать не посредством анализа лишь языковых проявлений мышления, как это делала традиционная формальная логика; процесс исторического развития коллективного мышления можно проследить лишь путем изучения всей совокупности материальной и духовной культуры человечества.

Гегель был убежден, что достаточно перевести трактовку мышления в другую плоскость и рассмотреть мышление широко - как объективно творческий процесс, как единство объективного и субъективного, чтобы легко обнаружилась ограниченность формальной логики и ее законов.

И в самом деле: формальная логика, ее законы имеют смысл и значение лишь в том случае, если под мышлением понимается только субъективная деятельность, языковой аспект, языковое бытие мышления. Иными словами, когда рассматриваются словесные споры, словесные размышления людей, то на основании формально-логических законов (тождества, противоречия, исключенного третьего) можно анализировать процесс размышления, рассуждения и выявлять логические ошибки, возникающие в нашем

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.III. С.199.

мышлении в результате нечеткого и неточного употребления терминов и словесных представлений.

Однако если мышление понимается как единство объективного и субъективного, как всеобщее условие творческого созидания предметов материальной и духовной культуры, то для такого понимания мышления, для постижения его содержания законы формальной логики мало что дают. Впрочем, от них и требовать этого нельзя, ибо они не являются законами творческой и созидательной деятельности.

Кант в своем стремлении осмыслить процесс формирования научно-теоретического всеобщего и творческого знания первым обратил внимание на ограниченность традиционной логики, способной только регулировать процесс формирования аналитических суждений. Для обоснования же возможности научно-теоретического знания (синтетического априорного суждения), по мнению кенигсбергского мыслителя, необходима более высокая, трансцендентальная логика. Что же касается природы мышления, то Кант традиционно трактовал мышление как субъективную психологическую деятельность.

Гегель в этом вопросе пошел значительно дальше Канта, истолковав мышление как имманентно творческий процесс. Отсюда понятно его несколько пренебрежительное отношение к формальной логике и ее законам, которые и в самом деле совершенно недостаточны при истолковании мышления как всеобщего основания формирования материальной и духовной культуры.

Гегель тем самым вводит в логику *практику* – чувственно-предметную деятельность человека, реализующую человеческие замыслы, планы и идеи. И этим он сделал колоссальной важности вклад в понимание действительного предмета логики как науки.

Именно на этом основании Гегель и обретает полное право рассматривать внутри логики – внутри науки о мышлении – объективные определения вещей, существующие вне сознания, вне психики индивида.

Так, дом, с этой точки зрения, выглядит как воплощенный в строительных материалах замысел архитектора, машина – как реализованная в металле мысль инженера, а все колоссальное тело цивилизации (действительно противостоящее индивиду с его сознанием как нечто вполне объективное) – как «мышление в его инобытии». Соответственно и вся история человечества рассматривается как процесс внешнего обнаружения творческой силы мысли, энергии мышления, как процесс реализации идей, планов, представлений, целей и стремлений человека.

Потому для осмысления такого целостного процесса Гегелю понадобились действительно универсальные законы, принципы мышления и бытия – *логические категории*. Только логические категории в их систематическом единстве дают возможность понять и осмыслить всеобщие условия формирования и развития творческого объективного мышления.

Но не будем забывать, что немецкий философ трактовал мышление как истинную реальность, единство объективного и субъективного, как

тождество мышления и бытия, а категории - как ступени саморазвития абсолютного духа, идеи. Логику, в свою очередь, он понимал как учение о чистом мышлении, как систему чистых сущностей, то есть категорий. В связи с этим в гегелевской логике сначала рассматриваются сами всеобщие определения мышления (категории) и только потом, в разделе субъективной логики, анализируются конечные, превращенные формы (суждение, умозаключение и т. п.). В результате такого анализа Гегель в своей логике смог дать учение о целостном мышлении как живом, конкретном и развивающемся процессе. И это несомненное достоинство гегелевской логики.

Но столь же несомненна и ущербность гегелевского учения в целом и логики в частности, обусловленная тем, что философ трактовал мышление идеалистически, как некую самостоятельную субстанциальную реальность, в своем имманентном и творческом развитии якобы порождающую и природу, и общество. Поскольку мыслитель пренебрег реальным субъектом мышления и созидания, а вернее, не знал его, постольку, будучи объективным идеалистом, он искал источник возникновения категорий, форм мышления не в реальных общественных отношениях, а в движении «чистого разума», в саморазвитии так называемого абсолютного духа.

Проблема заключается в том, что в рассмотрении истории человечества «дело логики» поглощало внимание философа настолько, что Гегель перестает видеть за ним «логику дела» – ту детерминацию человеческой деятельности, которая всецело объективна, предметна и ни от какого мышления не зависит.

На это заблуждение великого диалектика и указал Маркс: «Раз мы упускаем из виду историческое развитие производственных отношений, для которых категории служат лишь теоретическим выражением, раз мы желаем видеть в этих категориях лишь идеи, самопроизвольные мысли, независимые от действительных отношений, то мы волей-неволей должны искать происхождение этих мыслей в движении чистого разума»¹.

Маркс упрекает Гегеля в том, и только в том, что *практика, как таковая*, в его философии вообще не рассматривается, «идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой», – подчеркивает Маркс в «Тезисах о Фейербахе»².

Практика – «действительная, чувственная деятельность» – берется Гегелем не как таковая, а только как внешняя форма обнаружения мышления, только как мышление в его «внешнем» обнаружении, как акт опредмечивания мышления. Практика, потому и предстает в его логике исключительно как фаза теоретического процесса, как критерий истины, как проверочная инстанция для мышления, свершившегося вне, до и совершенно независимо от «практики». Это значит, что практика рассматривается им

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.129.

² Там же. Т.3. С.1.

крайне *абстрактно*, то есть односторонне, лишь в тех ее характеристиках, которыми она и в самом деле обязана мышлению.

Так, например, события Великой французской революции Гегель понимает как процесс реализации идей Просвещения, мыслей Руссо и Вольтера, а результаты революции - как практические последствия духовно-теоретической деятельности этих философов. Робеспьер оказывается здесь «практическим Руссо», гильотина – инструментом осуществления идеи «абсолютного равенства». В результате такого понимания крах политики Робеспьера объясняется как «практическое» обнаружение абстрактности, односторонности идей свободы, равенства и братства в том их виде, в котором эти идеи были провозглашены идеологами революции.

Это принципиально важный пункт для понимания всей философии Гегеля, не только его «философии истории», но и логики. Понимая «практику» исключительно как мышление в его внешнем обнаружении, тот есть как идею (понятие), воплотившуюся в пространстве и времени, философ не в состоянии построить подлинную логику человеческой деятельности, выражающую в своих понятиях подлинную логику событий, логику поступков, логику исторического процесса. Тем самым и само человеческое мышление им мистифицируется, превращается в космическую силу, противостоящую не только индивиду (в этом немецкий философ прав), но и человечеству.

«Гегель велик и революционен там, где он устанавливает, что логическая категория (форма, схема, закон) – это абстракция, выражающая «суть» *всех* способов обнаружения способности мыслить, как словесного, так и непосредственно предметного «воплощения» этой способности в поступках, в деяниях. Он велик там, где определяет «логос» как выражение «сути и речи, и вещей», как схему, одинаково детерминирующую *Sage und Sache* – «вещание и вещь», или, еще точнее, «и былинку» («сказание»), и «быль» (действительное *положение вещей*, сам «подвиг» в его сути). В этом виде логос (логическое) только и понимается действительно как форма мышления, одинаково хорошо выявляющая себя и в словах, и в делах человека, а не только в словах, не только в говорении об этих делах, как то до сих пор думают неопозитивисты... Но он бессилен там, где поворачивает на 180 градусов и объявляет затем слово (*Sage*) первой – и по существу, и по времени – *формой «обнаружения мышления»*, первой и изначальной формой пробуждения духа к самосознанию, той первой и первоизданной «вещью», в виде которой «мыслящий дух» противопоставляет самого себя самому же себе, чтобы рассмотреть самого себя, как в зеркале, в том образе, который он сам же из себя своей изначальной творческой мощью создал»¹.

Мышление как деятельная способность человека рождается, возникает в ходе предметной деятельности человека, преобразующей внешний мир, создающей предметный мир человека (орудия труда, продукты труда, формы

¹ Ильенков Э.В. Гегель и проблема предмета логики // Философия Гегеля и современность. М., 1973. С.131.

отношений между индивидами в актах этого труда и т.п.), а затем уже на этой основе создается и «мир слов», и специфическая способность обращаться со словом как с особым предметом.

Потому диалектика это есть наука о тех всеобщих формах и законах, которым одинаково подчиняется и бытие (природа, общество), и мышление (сознательная жизнедеятельность человека).

Эти идеалистические пороки гегелевского понимания мышления были критически преодолены в диалектико-материалистической логике, которая трактует мышление не как субстанциональную реальность, а как форму предметно-практической деятельности общественного человека. Если в предметной деятельности всеобщие формы развития природы как бы воссоздаются реально во всеобщих формах развития материальных общественных отношений, - то в мышлении они воссоздаются идеально. В этой связи в диалектико-материалистической концепции мышления фундаментальное значение имеет принцип отражения.

Диалектико-материалистическая логика, развивая позитивные моменты гегелевской концепции мышления, также считает неправомерным сведение мышления к его языковому бытию. Однако, в отличие от трактовки немецкого мыслителя, она обосновывает мышление с материалистических позиций как идеальную форму предметного преобразования общественным человеком природы и своих же общественных отношений.

Если Гегель, руководствуясь идеалистическим пониманием принципа тождества бытия и мышления, рассматривал мышление как подлинный субъект деятельности, то в диалектико-материалистической логике оно трактуется как идеальная форма предметной деятельности. Здесь мышление не является самостоятельной реальностью и потому не может иметь особых законов параллельно с законами бытия, но в своем развитии подчиняется всеобщим законам развития природы, общества и человеческой познавательной деятельности.

Диалектико-материалистическая логика, следовательно, исходит из идеи диалектического тождества универсальных законов бытия и мышления, тождества, понимаемого материалистически. А это означает, что мышление, идеальное, являясь формой материального, в своем развитии подчиняется тем же всеобщим законам, которым подчиняется развитие самой материальной действительности. Поскольку в категориях отражаются всеобщие законы бытия, постольку они имеют первостепенное значение и в логике, в исследовании процесса мышления, всеобщих условий формирования теоретического знания.

Таким образом, в диалектико-материалистической концепции мышление понимается не как субъективная деятельность индивидов, не как оперирование представлениями, но как идеальная форма всей практической предметной деятельности общества, общественного человека. Потому мышление как результат общественно-исторического движения выходит за узкие рамки законов формальной логики и руководствуется всеобщими

законами, зафиксированными в логических категориях мышления, и определяющими бытие и природы, и общества.

По этой именно причине диалектическая логика не является учением о внешних, субъективных формах мышления, она есть учение о целостном мышлении, о мышлении как идеальной форме всей природной, общественной действительности. «Логика есть учение не о внешних формах мышления, - писал В.И. Ленин, - а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»¹.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.84.

Глава II. Гегелевское учение о категориях как ступенях абсолютного мышления

Важнейшим моментом гегелевской логики, его философии является учение о категориях, и потому оно может быть глубоко понято только в контексте становления и развития этой грандиозной философской системы, формирования и развития ее фундаментальных идей.

В трактовке мышления, логических категорий гегелевская логика принципиально отличается от всей прежней философии и логики, которые в исследовании этих проблем встречались с серьезными трудностями и допускали теоретические ошибки и промахи. Так, например, ни рационализм, ни эмпиризм не смогли понять природу мышления, удовлетворительно обосновать происхождение и развитие логических категорий, универсальных понятий.

Рационалисты допускали наличие врожденных понятий, из которых пытались вывести всю систему человеческого знания. Однако с позиции этой гносеологии трудно объяснить творческое, расширяющее значение нашего знания. В самом деле: если вся система наличных знаний проистекает из первичных врожденных понятий, то она не должна и не может выходить за пределы, поставленные исходными понятиями. В действительности же научно-теоретическое знание имеет творческий и расширяющий характер, что невозможно объяснить с позиций рационализма.

Не смогли обосновать природу человеческого мышления, универсальных понятий и эмпирики, которые исходили из идеи опытного, чувственного происхождения всех форм знаний, в том числе логических категорий. Правда, с их позиций легко объяснить творческий, синтетический характер наших знаний, теоретических положений, но нельзя обосновать всеобщность и необходимость логических категорий.

Не смог преодолеть односторонность в осмыслении мышления и логических категорий и великий Кант, который, как и его предшественники, трактовал мышление как субъективную деятельность отдельного индивида. Исходя из невозможности обоснования категорий на основе чувственного опыта, кенигсбергский мыслитель рассматривал их как априорные, доопытные формы человеческого рассудка.

В «Критике чистого разума» родоначальник немецкого классического идеализма пытался обосновать возможность научно-теоретического знания, сформулировав необходимое условие возможности такого знания. Кенигсбергский философ полагал, что для формирования научно-теоретического знания (синтетического суждения а priori), с одной стороны, необходим синтез чувственного многообразия с априорными категориями рассудка, а с другой - признание существования непознаваемых «вещей-в-себе», полное разделение объекта теоретического познания, природы как совокупности опыта, по терминологии Канта, от вещей самих по себе. Правда, философия в отличие от математики и теоретического естествознания, имеет дело с разумом, идеями и, следовательно, выходит за

пределы конечного объекта и пытается мыслить и постигать универсальную целостность, бесконечное и безусловное. Однако на этом поприще, продиктованном самой потребностью разума, разум, по мнению Канта, не дает объективного, синтетического знания о предмете, а порождает антиномии, паралогизмы, так как его идеям ничто не соответствует в объекте, природе и чувственной действительности.

Гегель данную проблему поставил принципиально по-новому, он совершенно иначе понял природу мышления, соотношение рассудка и разума, категории и идеи. Он согласен с Кантом, что мышление как познавательная способность состоит из чувственности, рассудка и разума, однако в понимании Гегеля они не являются тремя особыми, обособленными формами познания, а выступают как ступени единого мышления, разума, как высшей формы духовной деятельности и познания. Следовательно, полагал мыслитель, мышление рассудочно не потому, что оно имеет дело с логическими категориями («Рассудок есть способность к понятиям», по Канту), ибо всякое мышление является категориальным. Рассудочность связана прежде всего с абстрактностью, односторонностью мышления, с тем, что оно не способно познать внутренние связи, целостность, противоречивость предмета и потому не способно постигать истину.

Разум, разумность мышления определяется, в свою очередь, по Гегелю, не столько связанностью его с идеями, сколько тем, что предмет, формы мысли рассматриваются в их становлении, развитии, противоречивости, в их объективной и необходимой связи. Если рассудок конечен, имеет дело с конечными категориями, то разум бесконечен, поскольку познает объективную целостность и истину. Поэтому в форме разума как результате всего предшествующего развития культуры и мышления, по Гегелю, сняты и преодолены абстрактность и ограниченность рассудка.

Кант свидетельствовал, что естествознание опирается на категории рассудка. Если это так, то в этом, по Гегелю, проявляется не преимущество естествознания, а его ограниченность и метафизичность. В свою очередь, если философия посредством идеи выходит за пределы конечного объекта (природы) и порождает антиномии, то здесь, по мнению Гегеля, проявляется не недостаток и не порок философского познания, а сила философского постижения предмета, поскольку это есть познание предмета, форм мышления в их органической взаимосвязи, в противоречивости и истине.

Гегель решительно не согласен с Кантом, трактовавшим разум и разумное только как субъективную познавательную способность, которой ничто не соответствует в объективной действительности. В отличие от Канта Гегель понимал разум, мышление и идею совершенно по-другому: он считал, что разуму, идее соответствует не просто эмпирическая, конечная реальность, а соответствует сам разум, идея, которая и является истинной действительностью. О субъективности разума, мышления, по Гегелю, можно говорить лишь постольку, поскольку он еще находится на ступени чувственности и рассудка. Если человеческое мышление в своем развитии достигло ступени разума, то оно перестает быть субъективным, поскольку

оно постигает объективно-всеобщее, разумное в предметах и явлениях. Такое понимание позволило Гегелю разработать совершенно новое учение об абсолютном, о разуме, *о мышлении как единстве объективного и субъективного, бытия и мышления.*

Как видно, в отличие от всей предшествующей философии, трактовавшей мышление, разум как нечто субъективное, как способность познающего субъекта к рассуждениям, размышлениям, Гегель понимал под мышлением, разумом некоторый объективный процесс, деятельность духа, который творчески порождает самого себя и всю систему человеческой, материальной и духовной культуры. Объективное, универсальное мышление, способное порождать весь мир культуры, не может существовать, функционировать на основе таких тощих, абстрактных законов формальной логики, каковы законы тождества, противоречия; оно существует и творчески развивается на основе всей системы категорий, универсальных законов мышления, внутренний стержень которых есть закон тождества противоположностей.

Гегель, таким образом, разработал своеобразное, глубокое учение о *категориях.* В отличие от Канта он понимал категории не как формы субъективного мышления, а как *тождество объективного и субъективного, как ступени, узловые пункты саморазвивающейся идеи,* которая существует до природы, человеческого общества и определяет общий план, контуры реального мира.

Мыслитель реализовал принципиально новое, широкое понимание разума, мышления. Он был убежден и это убеждение последовательно провел в логике, в своей философии, что разум, мышление реально существует не только в языке, в результатах умственной деятельности - понятиях и категориях, но проявляет себя и во всей человеческой культуре. В предмет логики, мышления входит не только словесное выражение, языковая экспликация; в него должно быть включено все то, что называют *миром человеческой культуры,* которая создана работой предшествующих поколений. Если мы хотим понять природу, сущность мышления, то прежде всего мы должны проанализировать весь мир духовной и материальной культуры человечества, историю его формирования и развития. Поэтому философ решительно отвергал традиционное представление о мышлении как субъективно-психологической способности индивида.

Рациональное в гегелевской теории мышления состоит в том, что она придает мышлению статус *родовой способности* человечества вообще, деяния, в котором участвуют более или менее обширные коллективы мыслящих индивидов. Данные индивиды взаимно корректируют друг друга. Мышление как всеобщая способность человечества реализуется через совместную деятельность мыслящих людей, существует благодаря им. В то же время каждый индивид, включенный в социальную среду, в процессе этого кооперированного творчества мыслит в зависимости от уровня собственных сил и способностей. Наиболее выдающиеся представители мыслящего человечества приближаются к действительному мышлению

общества, выражают его, становятся на точку зрения общества, которое осваивает новые области деятельности и опредмечивает духовно-теоретическую способность мышления.

Следовательно, мышление, по Гегелю, есть вся совокупность интеллектуальных действий людей в процессе их кооперированного творчества. Единичный индивид принимает участие в творениях коллективного духа, в работе всеобщего мышления по законам действительного мышления, реализующегося в развитии общественного сознания. Совокупная интеллектуальная деятельность, коллективно творимая людьми деятельная сторона мышления, анализируется Гегелем, таким образом, в первую очередь. Философ ввел в предмет логики результаты деятельности людей вообще, историю науки и техники. Именно поэтому В.И. Ленин писал: «...несомненно, практика стоит у Гегеля, как звено, в анализе процесса познания и именно как переход к объективной («абсолютной», по Гегелю) истине. Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания»¹.

Итак, мышление, по Гегелю, есть реальный процесс, имеющий своим результатом не только слова, язык, но и вещи - орудия труда и статуи, дома и храмы, фабрики и заводы. Они суть результаты логической деятельности по опредмечиванию форм мышления: дом есть итог замысла архитектора, машина - воплощение мысли инженера и т.д. Именно поэтому, вследствие включенности фазы реальной деятельности людей по опредмечиванию своей идеальной деятельности, Гегель смог рассмотреть мышление с точки зрения его формы, анализировать категории как чистые сущности, универсальные определения мышления².

Внутри самого учения о категориях как существенных моментах познания мира Гегель применил принципы развития категорий конкретности и тождества противоположностей. Применение этих принципов дало возможность поднять категории с уровня абстрактно-общих представлений до уровня конкретных понятий. В системе философа все категории выступают в целостном единстве, что является колоссальным достижением гегелевского учения. Он не ограничился простым описанием категорий и их систематизацией, но показал их целостную, тотальную природу. Мыслитель дал определения категорий внутри целостной системы, где каждая категория обладала и абстрактностью, и конкретностью, и являлась ступенькой к последующей.

Но Гегель признавал подлинное развитие лишь в сфере идеального мышления и трактовал объективную реальность внешнего мира как опредмеченное и отчужденное мышление рода. Всю историю человеческой культуры он считал следствием внутренней активности общечеловеческого духа. Вследствие этого высшим видом деятельности он признавал духовный

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.193.

² Этот аспект гегелевской концепции мышления рассмотрен в работе: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974.

труд, чисто теоретическую деятельность. У немецкого философа мышление доминирует над всеми природными образованиями.

Гегелевское учение о разуме, мышлении как тождестве бытия и мышления, субъективного и объективного внутренне связано с его концепцией о субъекте познания, познавательной деятельности. Если Кант к познавательному процессу подходил психологически, так как субъектом познания считал отдельного индивида, его сознание, то Гегель с самого начала под субъектом познания понимал некоторый *коллективный разум*, духовную деятельность, идею. Отдельный человек, его сознание по отношению к этому коллективному разуму, обобщенному субъекту, субъекту-объекту является только модусом, своеобразной формой его проявления.

Гегель в своей философии проследил становление, саморазвитие и самопознание такого абсолютного субъекта, абсолютного мышления, что позволило ему последовательно преодолеть прежде всего кантовский априоризм. Психологизм, положенный Кантом в основу его теоретико-познавательной позиции, не позволил ему объяснить и обосновать возникновение универсальных категорий в составе теоретического мышления, вследствие чего кенигсбергский мыслитель трактовал их как всеобщие и необходимые априорные формы рассудка, при помощи которых рассудок синтезирует опыт, чувственное многообразие и обуславливает возможность научно-теоретического знания.

Гегель исходил из принципиально другого понимания. Субъектом познания он считал некий дух, коллективное мышление, абсолютную идею, которая, хотя существует от века и предшествует природе и обществу, является все же самодеятельной субстанцией, исторически развивающимся субъектом. Иными словами, абсолютная идея становится истиной, соответствует своему понятию только в процессе своего восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому в понимании философа категории мышления вовсе не априорные формы, а ступени, всеобщие определения самой из себя развивающейся идеи, мышления.

В отличие от Канта, который только постулировал, необходимость в мышлении априорных категорий рассудка, Гегель глубоко проанализировал историческое и логическое формирование категорий в составе саморазвивающегося мышления. Он обосновал и содержательную дедукцию категорий, всеобщих определений мышления на основе принципа исторического и логического, что сохраняет определенное теоретическое значение и поныне.

Гегель подверг основательной критике формализм, искусственность кантовской трансцендентальной дедукции категорий, раскрыл формализм его таблицы категорий. Недостаток кантовской дедукции он прежде всего видел в ограниченности и узости той основы, на которую опирался кенигсбергский философ. При обосновании таблицы своих категорий Кант, например, опирался на четыре функции суждений, существовавшие в традиционной логике. Такое обоснование таблицы категорий, по мнению Гегеля, страдает

формализмом, в нем нет даже намека на действительную дедукцию логических категорий.

Гегель стремился дать содержательную дедукцию логических категорий, всеобщих определений мышления. При этом он опирался на историю философии, широко привлекал историю познания, глубоко проанализировал поступательное развитие человеческого сознания. Все это послужило ему более широким фундаментом для обоснования внутренней взаимосвязи и последовательности логических категорий. Эта достаточно широкая историческая и логическая база дала возможность философу рассмотреть более богатую сеть философских понятий, категорий по сравнению со своими предшественниками и глубже обосновать дедукцию, систему всеобщих определений мышления.

Подлинное преимущество подхода Гегеля по сравнению с кантовским состоит, следовательно, в том, что он рассматривает категории, их последовательность и взаимную связь *в контексте развития человеческого сознания*, в составе развития человеческой духовной культуры, правда, мистифицированной философом. Вот почему в гегелевской логике, хотя и в мистифицированной форме, схвачено действительное взаимоотношение логических категорий, всеобщих определений человеческого мышления.

Гегелевская дедукция категорий тесно связана с обоснованием исходного принципа абсолютного идеализма. Философ исходил из убеждения, что становление идеи тождества бытия и мышления, концепции абсолютного знания, понятия науки, рассмотренные им в «Феноменологии духа», есть одновременно процесс становления и формирования категорий, форм мышления в ходе поступательного развития человеческого сознания. При этом мыслитель, в отличие от своих предшественников, рассматривал категории, понятия как ступени, узловые пункты самого из себя развивающегося сознания, духа.

Определяя фундаментальное значение своего труда «Феноменология духа» именно в последовательном выведении и обосновании логических категорий, выявлении их внутренней связи, обосновании понятия науки, Гегель в «Феноменологии духа» писал: «я представил сознание в его последовательном движении от первой непосредственной противоположности между ним и предметом до абсолютного знания. Этот путь проходит через все формы отношения сознания к объекту и имеет своим результатом понятие науки. Это понятие, следовательно (независимо от того, что оно возникает в рамках самой логики), не нуждается здесь в оправдании, так как оно его получило уже там; и оно не может иметь никакого другого оправдания, кроме этого его порождения сознанием, для которого все его собственные образы разрешаются в это понятие, как в истину... Итак, в настоящем произведении понятие чистой науки и его дедукция берется как предпосылка постольку, поскольку феноменология духа есть не что иное, как дедукция его»¹.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. С.101-102.

Гегелевская дедукция категорий, логического строя мышления опирается не только на историческое развитие сознания, историю познания, но также на логику внутренней взаимосвязи понятий коллективного мышления, на логику развития идеи. При этом мыслитель не только сформулировал понятие философских категорий, но и показал место и функцию каждой из них в процессе становления и саморазвития абсолютной идеи.

Понятие «идея» выступает началом философии Гегеля. Идея в гегелевском истолковании по своей природе есть тот же дух, рассмотренный в чистом виде. Особенность гегелевского подхода состоит в том, что природу, последовательное развитие философских категорий, их имманентные определения он рассматривает в контексте идеи, полагая их ступенями ее развития. Следовательно, в гегелевской философии идея выступает не как абстракция, а как целостность, конкретность и система внутренне взаимосвязанных определений. Однако философ постоянно подчеркивал, что идея свою целостность, конкретность проявляет не с самого начала, а в ходе своего развития, самодвижения и потому, этому процессу вначале соответствуют самые абстрактные и бедные определения, в конце же - самые богатые, сложные определения (категории) идеи. В гегелевской философии идея - это единство многообразного, сложно расчлененная система, система чистых сущностей, которая в своем последовательном развитии подчиняется методу восхождения от абстрактного к конкретному.

Гегель разработал, таким образом, свое оригинальное, диалектическое учение о системе, системности идеи. Оно отличается как от представлений Канта, Фихте и Шеллинга о данном предмете, так и от современного его понимания в формализованных системах. Гегель поднял понятие системности логических категорий до научного уровня, разработал конкретное понятие системы, продуктивное содержание которой можно выявить только посредством таких фундаментальных философских принципов, как развитие, противоречие, формообразование, восхождение от абстрактного к конкретному, историческое и логическое и т.п.

Гегелевское понимание системности логических категорий ничего общего не имеет с тем поверхностным представлением, когда видят только внешние связи вещей и явлений и их коррелятивные отношения. В трактовке философа система - это прежде всего результат развития идеи, приводящего к образованию понятия. Последнее, начиная с абстрактных, непосредственных определенностей мышления, благодаря противоречию и его разрешению образует все новые и новые формы, которые также развиваются, при этом обнаруживается, в свою очередь, их противоречие, а его разрешение снова приводит к возникновению все новых формообразований и так далее.

Логику такого развития мысли ярко описал К. Маркс в работе «Нищета философии»: «Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль - их синтез. Эта новая мысль опять раздваивается на две противоречащие друг другу мысли, которые, в свою очередь, сливаются в

новый синтез. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своего антитезиса другую, противоречащую ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей - их синтез. Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает ряд, а диалектическое движение рядов порождает всю систему в целом»¹.

Гегель убежденно и последовательно проводит в своей философии ту мысль, что в процессе развития, перехода от одной ступени к другой идея становится все содержательнее. Внутренним ритмом процесса развития логических категорий является восхождение от абстрактного к конкретному. В результате последовательного движения чистого мышления мы имеем конкретное понятие идеи, конкретное учение о систематически развивающемся мышлении, то есть логику как учение о чистых сущностях. «Логика, стало быть, - писал философ, - следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. Это царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой»².

Мыслитель понимает природу категорий, их развитие и системность идеалистически, ибо чистое мышление, идеи, категории трактуются им как нечто саморазвивающееся, как нечто живущее самостоятельной жизнью. Внутренней пружиной саморазвития идей, логических категорий является, по мнению философа, противоречие, отрицание отрицания. «В чем состоит движение чистого разума? – задает вопрос К. Маркс и разъясняет: - В том, что он полагает себя, противопоставляет себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает - свое отрицание»³.

Особенность гегелевского понимания целостности, системности категорий состоит, как было сказано, в том, что она образуется в процессе развития чистого разума, идеи. Каждая категория получает свое содержание как ступень в развитии абсолютной идеи, чистого разума. В свою очередь, чистый разум приходит к своей целостности, системности и конкретности только в результате диалектического соединения, синтеза всеобщих определений, категорий мышления. Поэтому абсолютная идея выступает как результат, но не абстрактный результат, а как то, что только в конце восхождения от абстрактного к конкретному является в своей истинной форме.

Абсолютная идея, поэтому, выступает как такой субъект, который только в процессе самодвижения, разрешения ряда противоречий и достигает своей истинной конкретности, целостности.

«Результат только потому тождественен началу, - писал Гегель, - что *начало* есть цель; - или: действительное только потому тождественно своему понятию, что непосредственное в нем самом имеет в качестве цели самость

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.132.

² Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. С.103.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.131.

или чистую действительность. Осуществленная цель или налично сущее действительное есть движение и развернутое становление, но именно этот непокой и есть самость, и она равна названной непосредственности и простоте начала потому, что она есть результат, то, что вернулось в себя; но то, что вернулось в себя, есть именно самость, а самость есть относящееся к себе равенство и простота»¹. Согласно философу, только такое движение образует некоторую систему, которая и является формой существования науки, формой реализации истины.

В «Науке логики» Гегель всесторонне и последовательно провел концепцию целостного мышления, идеи, осуществил свою цель - рассмотреть формы мысли, категории в их внутренней взаимосвязи, развитии и системности. Если предметом логики является целостное мышление, система чистых сущностей, полагал философ, то необходимо начать теоретическое познание этого предмета с самой абстрактной, элементарной определенности мышления и проследить его внутреннее самодвижение, проследить восхождение мышления от абстрактного к конкретному.

При анализе целостного мышления, системы чистых сущностей самой абстрактной и непосредственной определенностью данной предметной области, по Гегелю, является *бытие*, которое по содержанию равно *ничто*. В ходе саморазвития абсолютной идеи эти беднейшие определенности не остаются в покое, а переходят друг в друга. Бытие переходит непосредственно в ничто, а ничто в бытие. Переход бытия в ничто есть уничтожение, переход ничто в бытие - возникновение. В результате этого самодвижения возникает первое конкретное понятие гегелевской философии - *становление*. В дальнейшем логическом развитии происходит конкретизация этой первоначальной мысли, возникают все новые и новые категории системы.

Гегель придает большое значение категории становления, так как она является единством возникновения и уничтожения, в понятии становления выражено вечное изменение, движение. Но становление - лишь первое конкретное понятие логики и потому не является самым высоким, самым содержательным понятием. Становление имеет своим результатом другую категорию - определенное бытие.

В гегелевском понимании бытие отличается от определенного, наличного бытия. Если вообще бытие есть только определенность мышления, лишенная всяких определений, и потому такое бытие есть ничто, то наличное бытие - это определенное бытие, обладающее *качеством*. Качественная определенность, следовательно, возникает на ступени наличного бытия. И в логике философ характеризует ее как присущую бытию определенность.

Каждое наличное бытие имеет свое качество. Теряя это качество, оно перестает быть тем, чем было. При переходе от одной вещи к другой изменяется качественная определенность предмета. Поскольку наличное

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М., 1959. Т. IV. С.11.

бытие имеет присущее только ему качество, оно отрицает другое наличное бытие, обладающее иным качеством.

Определение и отрицание суть моменты наличного бытия. Этим порождаются такие новые категории, как *нечто* и *другое*. В дальнейшем философ раскрывает диалектику этих категорий, прослеживает их переход в категории *в-себе-бытие* и *момент - для другого*. В результате дальнейшего движения абсолютной идеи возникают все новые субкатегории, такие, как «качественная граница», «бесконечность», «истинная бесконечность», «конечное», «для-себя-бытие», «притяжение» и «отталкивание».

Диалектическое движение категории качества, по Гегелю, совершается все время в сторону *количества*. Когда качество достигает определенной степени (например, для-себя-бытие, одно, множество, притяжение или отталкивание), оно переходит в количество. И начинается одиссея категории количества.

В понимании Гегеля количество - это безразличная к бытию определенность, то есть количественная определенность (количество) предмета может сколько угодно меняться, а бытие остается тем же. Например, вещь может иметь больший и меньший размер, но природа ее от этого не изменяется. Поэтому ближайшая характеристика количества такова, что она не затрагивает бытие предмета.

Философ отличал чистое количество, количество как таковое от определенного количества. Под чистым количеством он понимал прежде всего пространство и время, пространственно-временные характеристики предмета. Далее следуют такие неотъемлемые определения количества, как прерывность и непрерывность. Количество, таким образом, характеризуется как единство пространства и времени, прерывности и непрерывности.

В результате развития идей, выявления все новых и новых определенностей количество приобретает качественные оттенки. Если качество постоянно двигалось в сторону количества, то количество, в свою очередь, двигается в сторону качества, получая все новые и новые качественные определения. Ученый рассматривают понятие экстенсивной величины, отличающейся от множества единиц некоторой устойчивостью, которая опять-таки относительна. В силу этого возникает новая категория - интенсивной величины. Гегель проанализировал диалектику экстенсивной и интенсивной величины, рассмотрел тождество и различие этих понятий.

Рассмотрев переход качества в количество и наоборот, Гегель взялся за исследование категории *мера*, которая, в его понимании, представляет собой единство качества и количества. Далее, определив абсолютное как меру, идеалист Гегель пришел к выводу, что «Бог есть мера всех вещей».

Итак, свое логическое учение философ начал с категории бытия, которую считал абсолютно непосредственной, абстрактной определенностью мысли, закончил же раздел бытия рассмотрением категории мера, которую считал уже содержательным, конкретным определением бытия. Придав столь большое значение категории меры (посредством которой считал возможным

определять истину, абсолют), философ глубоко и тщательно исследовал ее, раскрывая ее всеобщность, универсальность в мышлении.

В категории мера количество и качество сначала находятся в непосредственном единстве, мера - их относительное тождество. В дальнейшем она снимается в безмерном и возвращается к себе, ибо безмерное, хотя и отрицает меру, в то же время является единством количества и качества.

Завершив категорией мера учение о бытии, Гегель перешел к следующей крупной ступени в развитии мышления - категории *сущности*. Понятие сущности философ осмыслил посредством таких важных категорий мысли, каковыми являются видимость, противоречие, основание, явление, действительность, внутреннее и внешнее, случайное и необходимое, субстанция, причинность, взаимодействие и т.п.

Центральной частью учения о сущности является исследование закона тождества противоположностей, Гегель тщательно проследил движение этого закона, различными ступенями которого являются *тождество, разность, различие, противоположность, противоречие и разрешение противоречия*. Противоречие трактовалось философом как стержень всей логической системы: только благодаря этому понятию осуществляется универсальное развитие форм мышления, переход их с одной теоретической ступени на другую. Эта категория исследовалась также с целью выяснения того, какое место занимает она в системе логических категорий, каковы ее сущность, содержание и отношение к другим философским категориям. Противоречие было рассмотрено и самостоятельно, как некая целостность и конкретность, и это разумное понимание противоречия противопоставлено абстрактному, рассудочному его пониманию.

Конечно, все эти аспекты, их грани весьма условны: речь идет только о диалектическом понимании Гегелем категории противоречия. Философ последовательно противопоставлял конкретное, диалектическое понимание абстрактному. В его трактовке противоречие - это целостное образование, представляющее собой единство многочисленных определений. Но формирование диалектической, конкретной категории противоречия проходит ряд последовательных, внутренне связанных этапов, совокупное содержание которых и складывается в сущность этой категории.

Как видим, мыслитель не ограничился описанием, определением противоречия, рассуждениями об отличии этого философского понятия от других, но попытался исследовать его содержательно, раскрыть во всей конкретности, тотальности, последовательно продвигаясь от всеобщих его определений к наиболее конкретным.

Рассматривая противоречие как сложное внутренне расчлененное понятие, Гегель последовательно раскрывает моменты тождества, разности, различия, противоположности, противоречия и разрешения противоречия. В понятии противоречия все эти моменты, аспекты, определенности находятся в нераздельном единстве. И потому всякая попытка отрывать эти моменты от целого и рассматривать их отдельно неизбежно приведет к исчезновению

самого понятия, и тогда единый целостный принцип станет лишь суммой различных определений. Понятие противоречия в результате подобной операции распадется на различные абстрактные законы мышления («тождество», «различие», «противоположность» и т.п.). В форме же этих разрозненных, внутренне не связанных абстрактных определений вовсе не содержится философское (конкретное) понятие противоречия.

Главным пороком гегелевского учения о противоречии является то, что противоречие здесь не разрешается рационально, а опускается в основание. Понятие же *основание* философ рассматривал через такие пары категорий, как *форма и сущность*, *форма и материя*, *форма и содержание*. Проанализировав отношение формального и реального оснований, Гегель пришел к мысли, что лишь при определенных условиях реальное основание производит следствие. Категория же *условие* есть совокупность ряда обстоятельств. Далее Гегель последовательно рассмотрел такие философские категории, как *закон*, *целое и часть*, *сила и обнаружение*, *внутреннее и внешнее*.

Важное место в логике Гегеля занимает категория *действительность*, которую он понимал как единство внутреннего и внешнего, сущности и существования. Определенный интерес представляет также его учение о случайности и необходимости, причинности, субстанции и взаимодействии как моменте, ступени развития чистого разума, абсолютной идеи.

В последнем разделе гегелевской логики последовательно анализируются такие формы мышления, как *понятие*, *всеобщее*, *особенное и единичное*, *суждение* и *умозаключение* и т.п.

Здесь глубоко разработана проблема *понятия*. Оно рассмотрено как единство многообразного, как конкретная тотальность определений. Такая трактовка понятия выходила за рамки традиционного его истолкования, хотя первоначальная идея подобного понимания содержится в кантовском учении о синтетическом знании. Именно поэтому Гегель, анализируя кантовскую трансцендентальную логику, отметил ее преимущество по сравнению с рассудочной логикой. Согласно рассудочной логике, писал философ, «я обладаю понятиями точно так же, как я обладаю какими-либо внешними свойствами», и всякое многообразие остается вне понятий, которым в таком случае присуща лишь форма абстрактной всеобщности. Напротив, кантовские суждения *a priori* представляют собой форму конкретного, синтетического знания, в котором многообразие выступает в некотором единстве (синтезе).

В понимании Гегеля синтетичность, конкретность являются внутренними определенностями самого понятия, возникшими в ходе его саморазвития. А коли так, то основой понятия является отнюдь не реальность и тем более не эмпирическое многообразие; по Гегелю, само понятие, движение мысли порождает действительность, составляет животворящую душу всего реального мира. Обосновывая правомерность этой идеалистической трактовки, мыслитель пытался разработать теорию таких понятий, которые не упрощали бы, не огрубляли действительность, а

показывали ее как нечто развивающееся, и если уж не в полной гамме красок, то хотя бы в самых существенных ее многообразиях.

Всесторонне рассмотрев развитие форм суждения и умозаключения, Гегель перешел к анализу категории «объективность», которая выступает у него в таких последовательных формах, как механизм, химизм и телеология. Раздел о понятии завершается учением об идее, в котором исследуются понятие жизни, идея познания и идея блага. Вся гегелевская «Наука логики» как идеалистическая система чистых сущностей вполне закономерно оканчивается рассуждениями об абсолютной идее, которая будто бы и является целостностью, конкретностью, единством многообразного, ибо все предшествующее развитие мышления содержит как свой собственный момент.

Сняв с логики Гегеля идеалистические напластования, мы обнаружим ее стержень - *диалектический метод* исследования форм мышления. В «Науке логики» прежде всего на основе принципа развития, принципа противоречия познается конкретность, внутреннее единство парных категорий, каждая сторона которых еще абстрактна, поскольку является лишь моментом конкретного понятия. Опираясь на принцип восхождения от абстрактного к конкретному, философ обосновал также внутреннюю взаимосвязь, целостность, системность всех логических категорий, начиная с категории бытия и кончая сложной философской категорией «идея». Именно потому в гегелевской логике каждая конкретная философская категория выявляет свою сущность, подлинное содержание только во внутренней связи с другими категориями, только в контексте развивающейся системы.

Через всю «Науку логики» красной нитью проходит важная мысль о том, что сущность категорий познается не посредством описания и выявления их отличительных признаков, а путем раскрытия внутренней взаимосвязи категорий, выявления их места в системе развивающегося мышления. Такое диалектическое, конкретное понимание категорий существенно отличается от абстрактно-общего, рассудочного их рассмотрения.

В отличие от метафизической, рассудочной философии, которая одну сторону парной категории отрывает от другой (качество от количества, конечное от бесконечного, случайное от необходимого и т.д.), Гегель на основе диалектического принципа развития и противоречия раскрыл внутренние связи этих категорий, постиг их конкретность и целостность. Вследствие такого рассмотрения парные категории перестают быть абстрактно-общими понятиями, общими терминами, обычными универсалиями, а становятся всеобщими законами мышления, ступенями, узловыми пунктами саморазвития абсолютного субъекта, идеи, духа.

Гегелевское конкретное понимание парных категорий, раскрытие их внутренней связи через принцип тождества противоположностей имеет громадное значение для развития культуры и познания. Если предметы и явления осмысливаются посредством категорий, то разумная, диалектическая их трактовка является эпохой в развитии философии. И действительно: одно

дело, когда предметы и явления осмысливаются и осваиваются посредством абстрактно-общих, рассудочных понятий, и совершенно другое, когда они осмысливаются с помощью конкретно-всеобщих понятий, универсальных законов мышления; тут выявляются два принципиально различных типа мышления - метафизического и диалектического.

Согласно гегелевской логике каждое универсальное понятие, категория содержит в себе свое другое, свою противоположность, равно как и необходимость их дальнейшего движения и перехода друг в друга. Здесь отдельные понятия трактуются лишь как сторона конкретной тотальности, они внутренне связаны и имманентно переходят друг в друга. Основным недостатком метафизического, рассудочного мышления, по Гегелю, в том и состоит, что оно не может познать внутренние связи этих определенностей, а стало быть, не способно схватить и полную истину, привести познающее мышление к субстанциальным, целостным принципам рассматриваемого предмета.

В гегелевской же логике категории, формы мысли конкретны, целостны как в своей парности, так и в системе. Философ открыл внутренние взаимосвязи не только парных, но и вообще всех философских категорий. В результате такого диалектического рассмотрения перед нами предстает сложная саморазвивающаяся система мысли, состоящая из ряда последовательных формообразований, целостностей, которые от наипростейшего формообразования восходят к самым сложным формам.

В гегелевской логике подчеркнута также и то, что тождество противоположностей является не только внутренним ритмом развития парных категорий, но и внутренним законом всей системы категорий, ибо парные категории развиваются от уровня к уровню, восходят от абстрактного к конкретному лишь благодаря существующему в этом формообразовании закону тождества противоположностей, благодаря разрешению противоречия. Развитие чистого мышления, идеи, системы категорий, по остроумному замечанию Э.В. Ильенкова, напоминает художника, который вознамерился создать автопортрет, предельно точно воспроизведя свой облик. Но за время работы над портретом изменились и облик художника, и его представление о себе. Автопортрет не удовлетворил живописца, поскольку уже не соответствовал данному его состоянию, его представлению о себе. Художник снова и снова берется за работу, но каждый новый автопортрет постигает та же неудача: он так же далек от оригинала, как и все предыдущие.

Подобным же образом абсолютная идея в ходе саморазвития формирует множество своих всеобщих определений, которые в отдельности схватывают лишь ту или иную сторону абсолютной идеи, тогда как только в своем единстве они способны дать конкретное понятие абсолютного.

Действительно, каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно, оно нуждается в дополнении своей противоположностью и в соединении с ней образует более высокое понятие, которое стоит ближе к истине, но опять-таки не дает ее. Даже последнее и самое богатое понятие -

абсолютная идея - само по себе еще не есть полная истина; окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое это понятие прошло. Только благодаря такой диалектике понятий философия соответствует живой действительности.

Мыслительный процесс - это не произвольная игра понятиями, а объективный процесс. Так как мир и его основа есть развитие, то и познать его можно только через развитие. Закон, которому следует развитие понятия как в общих чертах, так и в деталях, есть движение от положения к противоположению и от него - к соединению. Логика развития всей системы подчиняется закону отрицания отрицания. Так создается система категорий, ибо их диалектическая обработка есть не только раскрытие внутренних противоречий в изолированных категориях, но и установление их взаимосвязи, перехода одной категории в другую. Такое развитие понятий - это объективная, а не субъективная необходимость, поскольку для Гегеля понятие и есть сама объективность абсолютной идеи.

Важной особенностью гегелевской логики как системы чистых сущностей является и то, что философ не ограничивался исследованием отдельной стороны мышления, что было характерно для традиционной формальной логики, а изучал человеческое мышление в его целостности. Гегель сначала исследовал универсальные, всеобщие определенности мышления, рассмотрел саморазвитие категорий независимо от конечных, превращенных форм и только на следующем этапе он специально исследовал такие формы мышления, как суждение, умозаключение и раскрыл их связь с универсальными определениями мышления - категориями.

Гегелевское целостное исследование мышления - это крупный этап в изучении проблемы мышления. Традиционная логика, как было сказано, ограничивалась изучением лишь форм мышления, описывала их, классифицировала, анализировала формы выводного знания. В отличие от такой логики Гегель исследовал всю целостную природу саморазвивающегося мышления. В его логике центральное место занимает учение о категориях, всеобщих определениях человеческого мышления. В связи с этим, философ по-новому, на основе принципа развития исследовал и формы мышления (суждение, умозаключение), являющиеся, по существу, конечными, превращенными, языковыми формами мышления.

Несомненным достижением Гегеля следует считать также то, что он сделал попытку рассмотреть мышление теоретически, на его собственной основе, изучить мышление, понять его сущность, исходя из всеобщих определений, проследить поступательное развитие этих категорий, рассмотреть глубокую связь универсальных понятий с превращенными формами и тем самым постичь мышление в его целостности. Доказывая необходимость именно такого исследования, Гегель писал, что философия должна познать предметы «не в их частности, а в их всеобщности, в их роде, в их в-себе и для-себя бытии»¹.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.ХII. С.23.

По сравнению со всей предшествующей философией, таким образом, Гегель разработал глубокое учение о категориях, об их внутренней связи и содержательной субординации, начиная с категории бытия и кончая абсолютной идеей. При этом возникают вопросы: «на чем основана гегелевская систематизация категорий?», «каковы преимущества и недостатки гегелевского учения о категориях?».

Внимательный анализ гегелевской логики, систематизации категорий свидетельствует о том, что Гегель не брал категории из головы, чтобы формально свести их в систему и, в отличие от Канта, не заимствовал их таблицу из существующих функций суждений. Для исследования категорий Гегель прямо обратился к *истории познания*, истории духовной культуры и истории философии. Правда, являясь идеалистом, он не понимал внутреннего закона реальной истории, общественно-исторического движения народов. Вследствие этого философ мистифицировал и извратил как реальный исторический процесс, действительную историю живых общественных индивидов, так и духовную историю - историю познания, культуры и философии.

Все это внутренне связано с тем, что Гегель, по выражению Маркса, знал и признавал только один вид труда, «именно - *абстрактно-духовный труд*»¹.

Иными словами, Гегель был убежден, что реальная, эмпирическая история, смена эпох и событий, изменение образа жизни народов, борьба конкретных личностей и народов имеют своим всеобщим основанием, движущей силой не самих себя, а выступают лишь внешним проявлением саморазвития мистического субъекта - идеи, духа, деятельность которого определяет смысл исторических событий, характер и содержание конкретно-исторического движения.

В «Феноменологии духа» мыслитель, анализируя крупные исторические события, пытается найти ключ к пониманию этапов человеческой истории с помощью существовавших в то время образов и форм сознания. Так, причиной возникновения рабства, например, он считал существование рабского и господского сознания. Великая французская революция, по его мнению, есть следствие борьбы просвещения и религии, «превосходство» же истории своего народа Гегель выводил лишь из теоретических преимуществ немецкой классической философии.

Основной порок такого взгляда на историю человечества и познания состоит в том, что мышление, сознание, категории исследуются не в связи с обществом, реальной историей личностей, а как самостоятельные, субстанциальные, саморазвивающиеся сущности, от деятельности которых якобы зависит содержание всего другого. По этой причине источник возникновения категорий, форм сознания философ видел не в реальных общественных отношениях, а в движении чистого разума, в саморазвитии абсолютного духа. «Но раз мы упускаем из виду историческое развитие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. С.159.

производственных отношений, - писал по этому поводу Маркс, - для которых категории служат лишь теоретическим выражением, раз мы желаем видеть в этих категориях лишь идеи, самопроизвольные мысли, независимые от действительных отношений, то мы волей-неволей должны искать происхождение этих мыслей в движении чистого разума»¹.

И все-таки при всем этом необходимо понимать, что гегелевский анализ категорий, понятий является крупным этапом в развитии философии. Это обусловлено, прежде всего, тем, что мыслитель обратился к истории познания, к истории культуры и философии, и потому ему удалось рассмотреть формы мышления на более широкой основе по сравнению со всей предшествующей ему философией.

Маркс рассматривал «Феноменологию духа» как истинный исток и тайну гегелевской философии. Этот фундаментальный труд Гегеля по отношению к его логике, принципу систематизации категорий имеет двойное значение. С одной стороны, в процессе развития, формообразования сознания происходит отчуждение, снятие отчуждения и выявляется, обосновывается, по Гегелю, понятие науки, абсолютное знание, идея как тождество бытия и мышления. Этот процесс можно рассматривать, во-первых, как восхождение от абстрактного к конкретному, так как происходит развитие, движение от чувственной достоверности, являющейся наиболее непосредственной формой сознания, до наиболее сложных форм общественного сознания - искусства, религии и философии; во-вторых, его же можно трактовать как движение от конкретного к абстрактному. Внимательный анализ показывает, что последовательная эволюция форм сознания, движение общественно-исторического процесса, развитие философии привело к выявлению понятия науки, исходного пункта чистого мышления, всеобщего основания всего существующего, то есть к обоснованию понятия идеи как тождества бытия и мышления.

С другой стороны, «Феноменология духа», анализ истории познания, истории философии имеет огромное значение для дедукции категорий и для их конкретной систематизации. Как известно, раздел «Абсолютный дух» заканчивается анализом философии как высшей формы развития сознания, историческим результатом которой является абсолютное знание. При этом философ, во-первых, трактовал абсолютное не как внезапную находку творческого гения, а как результат сложного и трудного развития сознания, самосознания; во-вторых, абсолютное, идея - это, по Гегелю, не тощая абстракция, а всецело конкретное, сложно расчлененное понятие, единство многочисленных определений.

В «Науке логики» на основе восхождения от абстрактного к конкретному Гегель выявил внутреннюю взаимосвязь логических категорий, их конкретную систему. При этом философ, однако, впал в иллюзию, полагая, что в логике, являющейся системой чистых сущностей, он только прослеживает сугубо логическое развитие идеи, мышления, которые сами по

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.129.

себе якобы изначальноны и предшествуют природе и обществу. На самом же деле гегелевская логика, система категорий имеет вполне земную основу, она отчуждена, абстрагирована от реальной человеческой истории, истории познания и можно даже сказать, что она заимствована из развития мистифицированной мыслителем истории философии.

Иными словами, при обосновании своей системы категорий Гегель опирался на разработанный им же принцип исторического и логического. Внутреннюю взаимосвязь, систему логических категорий он заимствовал из реальной истории философского знания, но, будучи идеалистом, тут же извратил и мистифицировал этот процесс, ибо идеи, категории, абстрагированные от реальной истории познания, отчуждаются и отрываются от реальной почвы и выдаются как такие, которые якобы существуют изначально, имеют самостоятельную жизнь и проявляются-де через природу и реальную историю. Особенность гегелевской объективно-идеалистической трактовки состоит в том, что истинно субстанциальное рассматривается как форма проявления идеи, а то, что действительно является формой, объявляется сущностью, субстанцией всего существующего.

Как избавиться от подобных идеалистических заблуждений, популярно объяснили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»: «Философам достаточно было бы свести свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира и понять, что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они - только *проявления* действительной жизни»¹.

В своей логике Гегель пытался доказать, что речь идет о саморазвитии чистого мышления, идеи по методу восхождения от абстрактного к конкретному. Но это лишь иллюзия объективного идеализма, результат некритического, непосредственного обобщения отчужденного мира, в котором идеи, мысли отрываются от действительности, от реальных общественных отношений и выдают себя за нечто самостоятельное, существующее изначально.

«Мы уже показали, - писали Маркс и Энгельс, - что обособление мыслей и идей в качестве самостоятельных сил есть следствие обособления личных отношений и связей между индивидами. Мы показали, что исключительное систематическое занятие этими мыслями, практикуемое идеологами и философами, а значит и систематизирование этих мыслей есть следствие разделения труда и что в частности немецкая философия есть следствие немецких мелкобуржуазных отношений»².

Таким образом, «тайна» гегелевской системы категорий в том и состоит, что философ абстрагировал их (или воспользовался результатом прежней абстракции) от реального мира и человеческой истории. Иными словами, богатая сеть гегелевских категорий, всеобщих определений мысли -

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.449.

² Там же.

это теоретические абстракции, абсолютизированные образы конкретного развития материальной и духовной культуры, функционирующие в философии Гегеля как самостоятельные сущности. Они возникли в логике, в философии в результате абстракций от индивидуальных особенностей, от конкретных элементов, форм и границ реально развивающегося общественно-исторического процесса, от истории философии и познания.

«Абстрагируя таким образом от всякого предмета все его так называемые акциденции, одушевленные или неодушевленные, человеческие или вещественные, - писал Маркс, - мы имеем основание сказать, что в последней степени абстракции у нас получаются в качестве субстанции логические категории... Удивительно ли после этого, - продолжает он, - что все существующее, все живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к логической категории, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире логических категорий?»¹.

Таким образом, Маркс всесторонне раскрыл «тайну» гегелевской спекулятивной конструкции, своеобразие которой состояло в том, что философ создавал всеобщие понятия и категории, абстрагируясь от конкретных особенностей реальной жизни и познания, что является вполне закономерным актом. Однако тут же этот процесс мистифицировался и идеалистически интерпретировался так, что этот процесс абстракции от реальной действительности рассматривался не как отвлечение, а как анализ, в результате которого выявляются истинные, субстанциальные определения эмпирической реальности. Философ по-своему, был убежден, что категории и понятия - вовсе не субъективные формы объективного, а подлинная сущность, субстанциальные определения действительной жизни.

Говоря о гегелевском методе спекулятивной конструкции, мы, конечно, не забываем о том, что не все категории, взятые Гегелем для исследования, абстрагированы от действительности им самим. Многие логические категории, как известно, были разработаны, исследованы задолго до Гегеля. Но мы помним и о том, что немецкий мыслитель проанализировал категории на более широкой основе, привлек к рассмотрению в логике более широкую сеть философских категорий, по-новому интерпретировал и переосмыслил проблему мышления, разработал понятие категорий, раскрыл их внутреннюю взаимосвязь и последовательность на основе объективного идеализма. В отличие от своих предшественников он рассмотрел категории не как абстрактно-общее, а как *конкретно-всеобщее*, содержательное определение мысли.

Как уже отмечалось, категории, их внутренние взаимосвязи и последовательность взяты Гегелем из истории философии. Этот факт научной деятельности философа содержит одновременно положительную и отрицательную характеристики. Безусловно, положительным является обращение Гегеля к истории познания: приняв эстафету исследования форм мышления у тех, кто до него трудился над разрешением этой проблемы,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.130-131.

философ и сам многое прояснил и продвинул в учении о логическом строе мышления, и, что особенно важно - с диалектических позиций. Но то, что Гегель некритически относился как к существующей действительности, так и к отчужденной от нее духовной культуре, ее истории, истории философии, неопровержимо свидетельствует об односторонности, ограниченности собственной его философии. Ведь отождествив отчуждение с опредмечиванием вообще, он истолковал систему искаженных, отчужденных отношений как истинные отношения людей, поскольку некритически относился к существующему миру, разделял иллюзию этого мира о самом себе, о своей истории, о ее духовных отражениях.

Гегелевская логика, его система категорий, по существу, является не только результатом этой отчужденной действительности, но и своеобразной теорией этого мира. Поскольку философ некритически вывел свою систему категорий из существующего мира, постольку в ней необходимо отразилась и логика этих перевернутых, отчужденных отношений.

Гегель не ограничивался обоснованием логики, системы внутренне взаимосвязанных категорий, а пытался создать свою грандиозную философскую систему, в которой логика, система чистых сущностей является только началом его философской системы. Гегель - диалектик, и поэтому его не могла удовлетворить такая философия, в которой все элементы связаны друг с другом только внешне. В силу этого он пытался обосновать такую целостную систему о духе, в которой логика, природа и общество были бы внутренне связанными между собой. Для реализации этого замысла Гегель применил диалектический метод, разработанный в его «Феноменологии духа», согласно которому саморазвитие идеи на определенной ступени отчуждает себя вовне, в природу и снимает свое же отчуждение, возвращается к самой себе, обогащенной всей логикой предшествующего своего развития.

Правда, приступая к созданию «Феноменологии духа», Гегель, видимо, еще не думал о такой системе, исходил, как и Шеллинг, из того, что в кантовской философии даны все основные результаты, и задача, стало быть, состоит в обосновании исходного пункта и предпосылки философии. Поэтому Гегель первоначально был занят главным образом обоснованием природы абсолютного знания, идеи тождества бытия и мышления, являющейся исходным пунктом, началом философии.

В процессе реализации феноменологической задачи возникли, однако, новые мысли, идеи и задачи, которых, возможно, и не было в начале создания этого фундаментального труда. (Здесь еще раз убеждаешься в справедливости той диалектической мысли, согласно которой цель является функцией средства.) Видимо, у Гегеля возникла важная мысль о том, что необходимо не только обосновать исходный пункт готовой системы, но и создать самостоятельную, оригинальную систему объективного идеализма. Поэтому он переосмыслил свое первоначальное понятие о сознании, духе, открыл и обосновал сложное, конкретное понятие духа, для которого

абсолютное знание, идея, явившаяся как результат развития сознания и самосознания, есть всеобщее условие его (духа) существования.

Иными словами, Гегель разработал сложное учение о духе, абсолютном духе, важнейшей ступенью которого является понятие идеи, системы логических категорий, которые в их взаимосвязи выступают контуром, началом творческого самодвижения, самопознания абсолютного духа.

В понимании мыслителя идея, система категорий и дух не разные духовные образования, а ступени одной и той же духовной субстанции. Если идея есть непосредственный, абстрактный и еще неразвитый дух, то дух - это та же идея, но возвратившаяся к себе через снятие своих конечных форм. В своем развитии дух первоначально выступает в форме простой логической идеи, в виде возможности, в-себе-бытия, так как не осознает самого себя, своей сущности. В силу этого дух должен отчуждать себя в объективность, в природу, в которой, правда, он превращается не во что-то абсолютно другое, а в свое другое. Такая природа идеи особенно ясно обнаруживается на ступени конкретного духа, который развился, снял свое инобытие, познал свою противоположность как свой момент и пришел к своему самосознанию.

И хотя Гегель считал, что все есть дух, он ясно понимал также, что идея, природа и дух имеют свои специфические определенности. Так, если логическая идея характеризуется непосредственностью, простым внутри-себя-бытием, то природа характеризуется пространственно-временным существованием, то есть все в природе существует рядом друг с другом. Специфическая же особенность духа, по Гегелю, состоит в том, что в нем снято инобытие идеи, он выступает как синтез, возвращение и возвращенность к себе из своего другого. Поэтому только в духе происходит принципиальное преодоление природы, ее пространственно-временного бытия, ее идеализация. «Впервые это происходит в духе, - писал философ, - который именно благодаря этому, осуществляющемуся в нем преодолению, отличает себя от природы»¹.

Важнейшая характеристика идеи состоит также в том, что в ней обозначено не конечное, а всеобщее определение духа, всеобщая схема его творческого саморазвития и самопознания. «Если желаем кратко указать, что такое абсолютная идея в ее истинной действительности, то мы должны сказать, что она есть дух, и притом не дух в его конечности и ограниченности, а всеобщий, бесконечный и абсолютный дух, определяющий из самого себя, что поистине есть истина»².

В понятии идеи мыслителем, следовательно, схвачены контуры, всеобщий план и образ целостного развития духа. Поэтому действительное постижение духа прежде всего сводится к познанию его идеи, всеобщего условия его бытия. Без идеи нет и самого духа и нет реального условия его самопознания. «Все, что есть истинного, великого и божественного в жизни,

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.III. С.34.

² Там же. Т.XII. С.96.

становится таковым через *идею*, и цель философии состоит в том, чтобы постигнуть идею в ее истинном образе и всеобщности»¹, - сказал Гегель в своей речи при открытии чтений в Берлинском университете.

Чтобы проследить процесс порождения идеи категориями своего другого (природы и общества) и снятие последнего, возвращение к самому себе в качестве конкретного духа, философ наделил идею и логические категории деятельной сущностью, трактовал их как деятельное и саморазвивающееся начало. Только внутренне противоречивая, деятельная и саморазвивающаяся мысль образует конкретную систему категорий и способна отчуждать, порождать многообразие форм, которые существуют в чувственной действительности, и снять эту последнюю.

Только в таком понимании сущности чистого мышления удастся Гегелю рассмотреть идею, систему категорий, логику как всеобщее условие, начало и контур природы и духа. Философ был по-своему логичен, когда утверждал, что если чувственный, эмпирический мир, история последовательно сменяющих друг друга поколений, их динамика является сложным процессом, выражающимся в многочисленных формах и оттенках, то логические определения, категории, лежащие в основе этого мира, тоже должны быть сложными, расчлененными и конкретными.

Только конкретная, внутренне саморазвивающаяся идея, система внутренне взаимосвязанных логических категорий способна породить свое другое - природу и историю. В изображении мыслителя категории и их система являются как бы каркасом, логическим стержнем всей системы природы, всего общественно-исторического процесса и культуры. Иными словами, категории и их система, по Гегелю, порождают, отчуждают себя в природу, которая есть, по мнению философа, конечное воплощение духа; природа не соответствует адекватно идее, ее понятию, ибо ее определения еще не знают саморазвития, самодвижения, являющегося содержанием и сущностью идеи. Лишь на определенном историческом этапе в развитии природы просыпается дух - возникает человек, человеческая история, и тогда-то дух осознает самого себя, совершает свое всемирно-историческое творчество. С этого момента истинной, саморазвивающейся реальностью, субстанцией-субъектом становится только абсолютный дух.

Природа, общество, исторически развивающаяся духовная культура народов, образ жизни и нравы людей, деятельность исторических личностей - все это, по Гегелю, есть проявление и обнаружение всемирно-исторической деятельности абсолютного духа, который является их подлинным творцом и истиной.

Мыслитель, как видим, снова обратился к истории, истории познания, истории философии. Но если в «Феноменологии духа» анализ духовной культуры, форм сознания, истории философии и познания как бы предшествовал систематическому обоснованию логики и являлся основой редукции логических категорий, то в «Энциклопедии философских наук»

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. С.83.

обращение к истории, истории философии необходимо ему для того, чтобы проследить воплощение, проявление идеи.

В гегелевской философии эти два аспекта одинаково важны, хотя и не равноценны. В одном случае обращение к истории познания, истории философии выступает как *обоснование идеи*, логики, как источник обоснования системы логических категорий, их последовательности, которая бесконечно превосходит все предшествующие попытки в этом направлении. В другом же случае обращение к истории духовной культуры выступает как *самообоснование идеи*, логики, как форма ее проявления, как своеобразное доказательство истинности данной формы систематизации логических категорий.

В результате такой сложной теоретической деятельности обосновывается целостное учение о духе. «Философский дух есть не что иное, - писал Маркс, - как отчужденный дух мира, мысленно, т.е. абстрактно, постигающий себя внутри своего отчуждения»¹. Логика, философия природы, философия духа являются тремя философскими науками, которые изображают развитие, саморазвитие духа от всеобщего к особенному и единичному. Все эти философские науки отличаются от частных наук прежде всего тем, что в них постигается и познается понятие абсолютного духа. Что касается частных наук, то они, по Гегелю, познают только отдельные стороны, аспекты духа и его проявления.

Гегелевское учение о логическом (категориальном) строе мышления, таким образом, явилось крупным этапом в исследовании категорий, всеобщих определений мысли. Философ обосновал много плодотворных идей, имевших важное значение для философии и культуры. Он по-новому трактовал проблему мышления, категории, разработал целостное учение о формах мышления, исследовал их внутренние связи и субординацию. Однако в силу своего идеализма и не критического отношения к отчужденному миру, отчужденной духовной культуре Гегель извратил сущность категорий, рассматривая их как систему чистых сущностей, которые лежат в основании чувственно-конкретной действительности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. С.156.

Глава III. Гегель о противоречии в мышлении

Гегелем была всесторонне проанализирована диалектическая противоречивость объективной, духовной деятельности, философ не просто постулировал тождество бытия и мышления, субъекта и объекта, а рассматривал его как результат творческого развития абсолютной идеи, абсолютного духа. Поэтому противоречивое, диалектическое саморазвитие абсолютного духа, по Гегелю, не схватывается творческой интуицией, а постигается систематическим знанием, наукой, разумом.

В отличие от Фихте и Канта Гегель исходит не из субъективного Я, а из объективного субъекта, абсолютной идеи, абсолютного духа, который в процессе своего саморазвития порождает действительность, составляет животворную душу действительного мира. По мнению философа, абсолютная идея по своей природе активна, деятельна, постоянно находится в процессе изменения и развития, то есть постоянно полагает свой объект, познает его, снимает его и тем самым постоянно совершенствуется.

Диалектика, принцип противоречия есть внутренний ритм духа, форма его развития и деятельности, правда, его деятельность и активность могут выражаться лишь в мышлении, в самопознании. Сначала абсолютная идея совершает чисто логическое развитие, которое изображено в «Логике», а затем «отчуждает» себя, переходит к своему инобытию, природе, где продолжает свое развитие, правда, не сознавая самое себя. Только в человеческом обществе абсолютная идея выбивается из «грубого естественного состояния» и приходит к самопознанию. Она в своем первоначальном развитии не была еще абсолютно конкретной, а полагала это лишь в возможности. Абсолютно конкретным является лишь абсолютный дух, поскольку он есть результат длительного развития, вобравший в себя все богатства предшествующих ступеней развития.

Таковы контуры гегелевской идеалистической философской системы, которая трактует идеи, понятия не как логические формы отражения объективной материальной действительности, а как нечто самостоятельно существующее, как чистое мышление, предшествующее объективной действительности и созидающее ее. «Для Гегеля процесс мышления, - писал Маркс, - который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

Подлинное величие Гегеля состоит в разработке диалектики, диалектического способа мышления, ядром которого является *принцип противоречия*. Без противоречия, полагает философ, не было бы никакого движения, никакой жизни. Поэтому все действительное противоречиво и, тем не менее, разумно. Философия есть движение мысли, система понятий, из

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.21.

которых каждое переходит в следующее, развивает его из себя точно так же, как и само оно явилось из предыдущего. Каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно, оно нуждается в дополнении своей противоположностью и в соединении с ней образует высшее понятие, которое более приближается к истине, но точно так же не достигает ее. Даже последнее и самое богатое понятие - абсолютная идея - сама по себе еще не есть полная истина; окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое оно прошло.

Таким образом, в логико-теоретическом плане наиболее глубокое понимание понятия противоречия было разработано в философии Гегеля, которому удалось оттенить следующие важнейшие характеристики этой сложной категории. Во-первых, противоречие трактуется им как *внутренний стержень* всей логической системы. Действительно, только благодаря этому понятию осуществляется и реализуется универсальное развитие форм мышления, переход их от одной теоретической ступени к другой. Во-вторых, философ анализирует категорию «противоречие» соответственно тому, какое место оно занимает в системе логических категорий, раскрывает его сущность, содержание и выявляет его отношение к другим философским категориям. В-третьих, в гегелевской философии это понятие рассматривается самостоятельно, берется в плане целостности и конкретности и такое разумное понимание противопоставляется его абстрактному, рассудочному пониманию.

Гегель постоянно противопоставляет абстрактному пониманию противоречия конкретное, диалектическое. В его трактовке противоречие - это понятие, целостное образование, которое состоит из единства многочисленных определений. Процесс формирования сущности противоречия - диалектического, конкретного понятия противоречия - проходит ряд последовательных, внутренне связанных этапов; их содержание входит (включено) в понятие противоречия.

Как видим, философ не просто описывает, не просто дает дефиницию понятия противоречия, не рассказывает, не рассуждает об отличии его от других философских понятий и категорий, а пытается содержательно исследовать, раскрыть категорию противоречия во всей ее конкретности, тотальности, выявляя сначала ее всеобщие определения, после чего шаг за шагом раскрывая более конкретные определенности.

Рассматривая конкретную природу противоречия как сложное, внутренне расчлененное понятие, Гегель раскрывает и прослеживает моменты тождества, разности, различия, противоположности, противоречия и разрешения противоречия. В понятии противоречия все эти моменты, аспекты, можно даже сказать определенности, содержатся в нераздельном единстве.

В своих теоретических исследованиях мыслитель, несмотря на объективный идеализм, проводит эту мысль довольно последовательно и четко. В его понимании противоречие и конкретно, и целостно потому, что содержит все прежние ступени развития этого знания в качестве своего

момента, в качестве ступеней развития конкретного понятия противоречия. Философ тут же справедливо отмечает, что каждый момент, аспект целостности (конкретности) может быть в историческом развитии выделен в самостоятельный принцип, в самостоятельный закон, о чем свидетельствует сам факт существования формально-логических законов, как-то: противоречие, тождество, закон исключенного третьего и т. д.

В трактовке Гегеля такое рассудочное рассмотрение выступает как нечто абстрактное, не соответствующий истине способ исследования. Истину он понимает как конкретное (понятие), как такую мысль, которая реализуется в форме системы. Когда же моменты противоречия отрываются от целого и рассматриваются самостоятельно, то, по мнению философа, исчезает понятие, являющееся их единством, целостностью. По этой причине единый, целостный принцип опускается до уровня различных определений. В данном случае диалектическое, конкретное понимание противоречия распадается на различные абстрактные законы мышления, как «тождество», «различие», «противоположность» и т. п. В форме этих разрозненных, абстрактных, внутренне не связанных абстрактных определений вовсе не содержится философское (конкретное) понятие противоречия. В лучшем случае здесь мы имеем дело с общим представлением о противоречии, но не с понятием противоречия.

Противоречие, доказывает Гегель, не есть нечто недопустимое, отрицательное, оно является *источником развития* мысли. Отношение диалектической логики к формальной, диалектического закона единства противоположностей к закону противоречия формальной логики решается с общеметодологической гегелевской позиции: формальная логика и ее законы имеют по отношению к законам диалектической логики, в частности к закону единства противоположностей, подчиненное значение.

Если формальная логика в своей абстрактной безжизненности рассматривала противоположности как несовместимые (непримиримые), то диалектическая логика соединяет противоположность в тождестве и познает тождество как результат процесса. Сначала - непосредственное единство, затем различие и, наконец, примирение, синтез противоположностей - таков всеобщий закон всякого развития. По мнению Гегеля, органом философии является не абстрактно размышляющий рассудок, который видит себя замкнутым в границы явления, не мистическое созерцание, которое быстрым скачком хочет достичь вершины познания абсолютного, а *разум* как способность к конкретному понятию. Диалектическое, разумное познание не отвергает упрямо своей противоположности, а соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и вместе с ним к синтезу. Разум не фиксирует и не отрицает противоположности, он заставляет их отождествляться, познает их в разрешении.

Целью познания является не конечное, а конкретное, бесконечное, абсолютное. Абсолютное не как покоящаяся субстанция, а как живой, распадающийся на различия и через них возвращающийся к тождеству

субъект, который развивается через противоположности. Абсолютное есть процесс, все действительное есть изображение этого процесса.

Если бы абсолютное трактовалось только как покоящаяся субстанция, абсолютная неразличимость, тождество, единство, то истина оказалась бы лишь абсолютной неразличимостью, тождеством и единством. «Однако с точки зрения философски абсолютного я определяю истинное как само по себе конкретное, - писал Гегель, - т.е. как единство противоположных определений, но таким образом, что это противопоставление в единстве еще сохранено, или же: я определяю истинность не как нечто застывшее, застойное (т.е. как абстрактную идентичность, как абстрактное бытие), но как движение, как самую жизнь, как неразличимость, понятую только как кажущуюся в себе неразличимость или неразличимость, заключающую в себе некоторое различие, которое как существующее в ней в единстве в то же время не есть различие - как различие снятое, т. е. уничтоженное и вместе с тем сохраненное»¹.

Если наука хочет отвечать действительности, то она должна быть также процессом. Философия есть движение мысли, система понятий, из которых каждое переходит в следующее, развивает его из себя точно так же, как и само оно явилось из предыдущего. Все действительное есть развитие, а побудительной силой, источником этого развития является противоречие. Без противоречия не было бы никакого движения, никакой жизни. Поэтому все действительное полно противоречий и, тем не менее, разумно.

В трактовке Гегеля противоречие разумно, оно есть корень всякой жизненности; противоречие принуждает к дальнейшему мышлению. Его надо не уничтожать, но «снимать», то есть сохранять как отрицательное. Это происходит тогда, когда противоречащие друг другу понятия мыслятся вместе в третьем - высшем или более широком, более богатом понятии так, что они образуют теперь его моменты. Теперь их противоречие преодолено, но этот синтез - не окончательный. Дело начинается снова, находится другая противоположность, которая в свою очередь должна быть преодолена, и т. д.

Каждое отдельное понятие, по Гегелю, односторонне, недостаточно, представляет только часть истины; оно нуждается в дополнении своей противоположностью и в соединении с этим дополнением образует высшее понятие, которое более приближается к истине, но точно так же не достигает ее. Даже последнее и самое богатое понятие - абсолютная идея сама по себе не есть полная истина; окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое она получилась.

Только благодаря такой диалектике понятий философия соответствует живой действительности, развитие понятий есть сама действительность. Мыслительный процесс - это не произвольная игра мыслящего субъекта понятиями, а объективный процесс. Так как мир и его основа есть развитие, то его можно познать только через развитие понятия. Законы, которым следует развитие понятия, как в общих чертах, так и в деталях, есть движение

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1971. Т.2. С.446.

от положения к противоположению и от него к соединению. Самый широкий пример этой триады - идея, природа, дух - дает деление системы; другой широкий пример - субъективный, объективный, абсолютный дух - определяет подразделения в развитии сознания.

Таким образом, в понимании Гегеля внутренний ритм всякого развивающегося целого, идеи, конкретности представляет собой противоречие, единство противоположности. Поскольку конкретность, целостность, идея развиваются от простого к сложному, постольку противоречия выступают в различных формах, начиная с абстрактной бедной формы и кончая наиболее сложными формами противоречия. Поэтому мыслитель решительно возражал против тех, кто пытался свести его понимание идеи к одной форме противоречия, например к становлению как единству бытия и ничто. Касаясь такого понимания, он писал: «Во-первых, бытие и ничто есть наиабстрактнейшие, наибеднейшие, а потому первоначальные формы противоречия; другие такие формы, из которых ни одной нельзя, однако, придерживаться в отдельности, - бытие и сущность, бытие и мышление, идеальность и реальность, понятие и объективность... Напротив, научным способом представления идеи я считаю такое, при котором раскрывается процесс, причем начиная с абстрактного, ибо всякое начало абстрактно, и кончая конкретным, как процесс движущийся сам по себе и саморазвивающийся»¹.

При этом Гегель подчеркивал еще одну важную мысль: при анализе идеи, предмета, противоречия недостаточно уловить только единство, необходимо оттенить и их различие. Касаясь этой стороны проблемы, он писал: «Замечу, что следует выставлять такие определения, как: *идея есть единство* бытия и ничто, понятия и объективности, изменчивого и неизменного и т. д. - и такие тезисы, как: бытие есть ничто, понятие есть объективность, идеальное есть реальное, и, наоборот. Но одновременно нужно знать, что все подобные определения и тезисы односторонни, а посему оппозиция им правомерна. Присущий им недостаток и состоит как раз в том, что они выражают по преимуществу только *одну* сторону, *единство* существования (*das ist*) и, следовательно, не выражают наличного различия... и того негативного, что заключено в сопряжении таких определенностей»².

Дело в том, что, по Гегелю, истинное есть не что-то просто тождественное, покоящееся, сущее, а нечто самодвижущееся и живое, «вечное различие и существующее в Едином сведение всякого различия к тому, чтобы оно уже не было различием; что также, будучи понято как некий способ восприятия, может быть названо вечной любовью. Идея, жизнь, дух - они существуют только как движение в самом себе, как такое движение, которое равным образом есть абсолютный покой»³.

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.2. С.416.

² Там же. С.416-417.

³ Там же. С.417.

Мыслитель не ограничивается доказательством конечности, неистинности категорий рассудочной логики, а подвергает конкретной критике ее формы мышления, законы. Он не просто критикует абстрактные понятия рассудочной логики, а разрабатывает, противопоставляет ей конкретное понятие диалектической логики. По его мнению, законы формальной логики не лежат в основе всякого мышления, и в мире нет ни одной вещи, которая бы существовала согласно этим законам.

Так как всякая определенность бытия есть, по существу, переход в противоположное, отрицательное всякой определенности столь же необходимо, как и она сама. Поэтому если эти категории облачаются в такие абстрактные предложения, как $A=A$, то появляются также и противоположные положения; и те и другие положения выступают с одинаковой необходимостью и, как непосредственные утверждения, по меньшей мере одинаково правомерны. Одно положение требует доказательства своей истинности вопреки другому, и потому указанным утверждениям не присущ характер неопровержимых законов мышления. Кроме абстрактного тождества, исключаящего различия, существует конкретное тождество, которое внутри себя имеет различие; только последнее является истинным понятием.

Абстрактное тождество и конкретное тождество имеют разные ценности, подобно тому, как абстрактные и конкретные понятия имеют различные познавательные значения. Относительно абстрактного рассудочного тождества философ отмечает, что оно не более, как выражение пустой тавтологии: «Таково то пустое тождество, за которое продолжают крепко держаться те, кто принимает его, как таковое, за нечто истинное и всегда утверждает: тождество не есть разность, тождество и разность разны»¹.

Гегель неоднократно подчеркивает ту мысль, что истина достигает полноты лишь в *единстве тождества с разностью* и тем самым состоит только в этом единстве. Абстрактное тождество и абстрактное различие - односторонние определения.

Истинное, конкретное тождество есть единство тождества и различия. Конкретное тождество характеризуется следующим образом: «Оно в своем равенстве с собой неравно себе и противоречиво, а в своей разности, в своем противоречии тождественно с собой и что в нем самом совершается это движение перехода одного из этих определений в другое; и это именно потому, что каждое из них есть в самом себе противоположность самому себе»².

Для абстрактного тождества нет перехода к различию, потому что у них отсутствует необходимая связь. Отмечая эту сторону вопроса, мыслитель писал: «Если тождество рассматривается как нечто отличное от различия, то у нас, таким образом, имеется единственно лишь различие. Благодаря этому

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.2. С.34.

² Там же. С.33.

нельзя доказать перехода к различию, так как для того, кто спрашивает, каким образом совершается этот переход, нет исходного пункта»¹.

Все категории диалектической логики связаны между собой, каждая внутри себя есть возможность перехода в последующую.

С позиции диалектической логики Гегеля абстрактное различие, отвлекающееся от тождества, также несостоятельно. Он резко критикует закон различия формальной логики, который в своей односторонности, отвлеченности не соответствует истине. Такие определения, как сходство и несходство, имеют значение только в их единстве, каждое из них не мыслится без другого. Сравнение имеет смысл лишь при предположении наличного сходства.

Отметив необходимость единства тождества и различия, мыслитель сетует на естествознание своего времени: оно из-за тождества забывает о различии и наоборот. По его мнению, единственно правильной точки зрения придерживается спекулятивная логика, которая «показывает ничтожность абстрагирующего от различия, чисто рассудочного тождества; правда, она столь же энергично настаивает на том, что мы не должны успокаиваться на одной лишь голой разности, а должны познавать внутреннее единство всего сущего»².

Далее Гегель подвергает критике закон исключенного третьего. Этот закон им характеризуется как закон абстрактного рассудка, который, желая избежать противоречия, как раз впадает в него. Согласно этому закону должно быть либо +А, либо -А; но этим уже положено третье А, которое не есть ни +, ни -, которое в то же время полагается и как +А и как -А. Стремление избежать противоречия является не истинным, так как все вещи противоречивы в самих себе. Если обратить внимание на рассудочную логику, то она принимает противоречие за нечто неистинное, будто противоречие не есть такое же существенное и внутреннее определение, как тождество. Если сравнить эти точки зрения, то «противоречие следовало бы признать более глубоким и более существенным»³ определением мысли. Согласно Гегелю, абстрактное тождество - *поверхностное* определение, «противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно»⁴. В действительности противоречия являются основным определением понятия. Противоречие - подлинно всеобщая категория, *принцип всякого самодвижения*.

При всем своем значении гегелевское понимание противоречия имеет тем не менее существенные недостатки. Противоположность марксовского диалектического метода гегелевскому особенно ярко проявляется в учении о противоречии. У Гегеля речь идет не о противоречии объективного материального мира, а о саморазвитии абсолютной идеи. Содержанием

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т.1. С.272.

² Там же. Т.1. С.276.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.2. С.65.

⁴ Там же.

логического процесса, развивающегося от бытия к сущности и от нее к понятию, здесь является абсолютная идея, развивающаяся в направлении к самой себе. В своем развитии абсолютная идея продолжает нечто особенное, которое также не является абсолютной определенностью, а разрешается в более высоком синтезе. Касаясь этого вопроса, К. Маркс отмечал: «Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувиркаться, ставя самого себя, противоположая себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание»¹

В гегелевской логике, таким образом, речь идет о чисто *логическом* процессе, о мысли, полагающей себя и противоположающей себя себе же; борьба этих противоположных элементов образует диалектическое движение и переходит в их синтез. Основной порок гегелевского учения о противоречиях заключается в том, что противоречие здесь не разрешается рационально, а примиряется, снимается. «Таким путем, - отмечал Маркс, - противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль - их синтез»². В этой связи следует отметить, что идеалистические пороки учения Гегеля о противоречии, несомненно, явились теоретической основой его консерватизма, некритического отношения к прусской абсолютной монархии.

Диалектико-материалистическое мировоззрение, в отличие от гегелевского объективного идеализма рассматривает противоречие теоретического мышления как *отражение объективного противоречия* самих вещей и явлений. По своей сути движение является разрешением противоречий, противоречие же представляет собой источник движения. Раскрытие противоречия объекта и путей его рационального разрешения - главное в диалектико-материалистической логике.

Касаясь вопроса о противоречащих и исключаящих друг друга отношениях процесса обмена товаров, К. Маркс в «Капитале» писал: «Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия»³. То же самое отметил Ф. Энгельс: «Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.130.

² Там же. С.132.

³ Там же. Т.23. С.113-114.

⁴ Там же. Т.13. С.498.

Таким образом, научное понимание противоречия исходит из признания противоречия *в действительности*, в человеческой деятельности, которые отражаются в человеческом познании. Логическое противоречие имеет смысл лишь тогда, когда в нем отмечается противоречие самого предмета. Реальное противоречие в теоретическом познании, в логическом существует в виде отрицания. Противоречие, имеющееся в предмете, должно быть выражено диалектическим, противоречивым образом. Закон единства противоположностей отражает сущность как объективного, реального, так и мышления. В этом именно заключается тождество, совпадение объективной и субъективной диалектики. «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга... в более высокие формы»¹.

Закон единства противоположностей имеет всеобщее значение в действительности и мышлении. В.И. Ленин характеризовал этот закон как *суть, ядро диалектики*. В связи с этим он писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»².

Противоречивость объективной реальности отражается в форме противоречивости теоретического мышления. Истина не есть нечто неизменное, раз навсегда данное, истина есть процесс, что подчеркивает Гегель, в противовес известным положениям французских материалистов, рассуждавших по формуле абстрактного или - или.

Раскрывая содержание гегелевского понимания истины, Ф. Энгельс говорил: «Истина, которую должна познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на все более высокие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя некоторую так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как, сложа руки, с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину. И так обстоит дело не только в философском, но и во всяком другом познании, а равно и в области практического действия»³.

Эта же мысль, что человеческое познание истины по своей природе процесс, подчеркивалась в ленинских «Философских тетрадах»: «Совпадение мысли с объектом есть **процесс**: мысль (= человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа),

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.526.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.316.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.275.

бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль»¹.

Однако в ходе своего непрерывного движения, постижения объекта человеческое познание все полнее и полнее воспроизводит объект, его внутренние закономерности. По своей природе человеческое познание противоречиво, оно есть единство относительных и абсолютных истин. В познании абсолютное знание слагается как сумма относительных истин. Говоря о противоречивости человеческого познания действительности, Ленин писал: «Идея имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его»². Эта мысль подтверждается всей историей человеческого познания.

В своих теоретических исследованиях В.И. Ленин к этой мысли возвращается неоднократно, оттеняя важную роль понятия противоречия в адекватном воспроизведении объективной реальности. «Идея есть *познание* и стремление (хотение) [человека]... Процесс (преходящего, конечного, ограниченного) познания и **действия** превращает абстрактные понятия в *законченную объективность*».³ Следует подчеркнуть, что раскрытие природы и значения принципа противоречия у Ленина внутренне связано с его пониманием сущности, конкретного, истины. Для него сущность, истина не есть нечто абстрактно общее, а своеобразно связанное конкретное. «*Совокупность всех* сторон явления, действительности и их (взаимо) *отношения*, - писал он, - вот из чего складывается истина. Отношения (=переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, причем эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира. Диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот»⁴.

В действительном процессе логического воспроизведения реальности мыслью возникает противоречие - это несомненный факт. И это, как мы отмечали, открыли вовсе не Маркс, Ленин и Гегель, а было известно еще в глубокой древности. И сколько формальная логика ни пыталась освободить наши мысли от противоречия, из ее усилий ничего не выходило: изгнанное в одном месте, оно еще глубже, еще в большей степени появлялось в другом.

В этом отношении небезынтересна история политической экономии. Вопрос о противоречии не мог возникнуть в политической экономии, пока она была просто описательной. Когда Д. Рикардо стремился понять всю политэкономиию на основе закона стоимости, тогда и возникла проблема противоречий, которую он выразил, но не смог теоретически разрешить. Противоречие в теории Рикардо имелось, что отмечали все его противники. Но в этом была не только слабость, но и сила его теории. Когда впоследствии ученики Рикардо попытались освободить его теорию от противоречия

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29 С.176-177.

² Там же. С.177.

³ Там же. С.177.

⁴ Там же. С.178.

посредством простого «исправления терминов», теоретического рассмотрения проблемы уже не получилось, возникла так называемая вульгарная политическая экономия.

Заслугой К. Маркса является то, что он не пошел по линии формального «исправления» теории, а на основе глубокого рассмотрения вопроса разрешил противоречия и тем самым дал теоретическое, рациональное объяснение всем экономическим явлениям. Если после опубликования третьего тома «Капитала» буржуазные экономисты шумели, утверждая будто Маркс не выполнил своего обещания, то это говорит лишь о том, что они не имели понятия о теоретическом воспроизведении объекта. В теоретическом воспроизведении объекта всегда возникает противоречие, которое можно разрешить лишь раскрытием опосредствующих звеньев.

Действительно, норма прибавочной стоимости непосредственно не совпадает с нормой прибыли, но это не является основанием для вульгарно-экономического способа «исправления» понятия прибавочной стоимости. Содержание непосредственно не совпадает с формой, поэтому нужно не вносить поправки в исходный пункт теории, а понять и рационально разрешить противоречия, как это делал Маркс.

Но отсюда вовсе не следует, что закон противоречия формальной логики не имеет никакого реального содержания. Чтобы понять соотношение диалектического закона единства и борьбы противоположностей с формально-логическим законом запрета противоречия, требуется раскрыть, в чем состоит определенность, содержание закона запрета противоречия. Согласно диалектической методологии, при исследовании какого-либо явления необходимо его рассматривать в возникновении, развитии, дальнейшей тенденции. Вспомним, что закон противоречия формальной логики был сформулирован в борьбе с софистикой, которая, указывая на гибкость понятий, отрицала их определенности.

По своему содержанию закон запрета противоречия не является всеобщим законом природы, общества и человеческого мышления, а относится лишь к *формам мыслей*, предстает как закон языкового выражения мышления. Закон запрета противоречия имел огромное значение в борьбе с софистикой, с субъективными противоречиями как следствием нелогичности рассуждения. Действительно, такие субъективные противоречия недопустимы в истинном мышлении. Но, как было отмечено, диалектическое противоречие в мысли отражает *реальное*, объективное противоречие в самой сущности вещей. Когда хотят «исправить» диалектическое противоречие и привести его в соответствие с законом невозможности противоречия, то, как бы по иронии, возникают такие противоречия, которые действительно недопустимы в истинном мышлении. К подобным противоречиям относятся противоречия в теории Рикардо.

Таким образом, чтобы научно разрешить отношение закона невозможности противоречия к закону единства и борьбы противоположностей, нужно прежде всего выяснить их сферу применения. Противоречие между законом единства противоположностей и формально-

логическим законом запрета противоречия выступает как противоречие диалектической и формальной логики.

Диалектико-материалистическая логика стремится раскрыть внутренние связи, сущность объективной действительности. Сущность же вещей и явлений не является абстрактно-тождественной, она *противоречива*. Закон единства противоположностей и выражает эту суть объективной реальности. Отсюда естественно возникает вопрос: «как отражается сущность реального мира в нашем мышлении?». Научный ответ на этот вопрос дает диалектическая логика.

Формальная логика не исследует сущность, закономерные связи объективной действительности, а изучает формы мысли в отрыве от содержания, поэтому она и есть логика непротиворечивого мышления. Формальная логика изучает формы мышления в их застывшем и неподвижном виде; она не в состоянии рассматривать формы мышления, понятия в их органической связи, в их переходе из одной в другую, в диалектическом единстве противоположностей. Если формальная логика является логикой *непротиворечивого* мышления, то диалектическая логика по праву считается логикой *противоречивого* мышления. Иначе не может быть, ибо сущность объективной действительности исследуется категориями диалектической логики.

Все в мире находится в постоянном развитии. Развитие является, по существу, разрешением, порождением и еще раз разрешением противоречий. Разумеется, разрешение противоречий не является «ликвидацией» противоречий, а есть лишь разрешение данного противоречия. Например, буржуазная революция не разрешает противоречия вообще, а разрешает лишь противоречие между производительными силами и производственными отношениями при феодализме. Воображаемое разрешение всякого противоречия равносильно отрицанию движения.

Гегель полагал окончательным разрешение противоречия в виде абсолютной идеи, абсолютного конкретного, в том смысле, что она вобрала в себя все богатство прежней ступени развития идеи и разрешила все ее противоречия. Поэтому абсолютной идеей, согласно философу, заканчивается всякое развитие. Она может лишь перейти в свое инобытие, в природу, но не в состоянии развиваться дальше, если не желает снова повторить то, что уже пройдено.

В абсолютной идее, по представлению мыслителя, разрешены все противоречия, она - венец его философской системы. Поэтому здесь разрешение и примирение всех противоречий вполне понятно и закономерно.

Глава IV. Гегель об активности сознания

Проблема активности субъекта на принципиально новом уровне была разработана Гегелем. Если Кант и Фихте трактовали познающий субъект психологически, то есть рассматривали активность субъекта как отношение отдельно взятого субъекта к объекту, который в свою очередь обусловлен сознанием, самосознанием, не понимая при этом идею развития в познании, историчности человеческого сознания, то Гегель не только критически осмыслил все основные недостатки их философских учений, но и сумел в значительной мере преодолеть эти недостатки.

В гегелевской философии познавательный процесс - это уже не отношение абстрактного самосознания к объекту (опыту), а более широкое и фундаментальное отношение, субъектом которого является *абсолютная идея*, мировой дух, развивающийся в направлении к самому себе и в процессе саморазвития порождая природу, человека и т.п. Философ отделил и другую сторону проблемы: познающий субъект в его понимании - это *исторический субъект*, и, следовательно, его отношение к объекту (предмету) не зафиксировано раз и навсегда, а формировалось в процессе исторического развития сознания, духа. Потому и познавательный процесс, по Гегелю, истинно познается только в том случае, когда он рассматривается не как абстрактное отношение первоначального единства апперцепции к объекту, как это понимал Кант, а как отношение духа, системы духовно-теоретических отношений, формировавшихся в результате развития человеческого сознания и культуры. Иными словами, предметом гносеологии, по Гегелю, является не абстрактное отношение сознания к объекту, а сложное, диалектическое отношение самосознания, духа, системы духовно-теоретической деятельности к самому себе и к предмету.

В гегелевской философии познающий субъект, дух рассматривается как активное, деятельное, творческое начало, являющееся в то же время конкретным единством многообразного. Гегелевский принцип «субстанции - субъекта» глубоко выражает сущность духа, самосознания, его подлинное диалектическое развитие и самодвижение.

Будучи идеалистом, идею развития, самодвижения мыслитель видел главным образом в сфере сознания, мышления, духовного. «Лишь духовное, - писал он, - есть то, что *действительно*, оно есть сущность или *в-себе-сущее*, оно есть то, что вступает в *отношения*, и то, что *определено*; оно есть *инобытие* и *для-себя-бытие*»¹. Духовное, по Гегелю, обнимает собой все, что было, есть и будет. Дух - это сущность и субстанция мира, но не безжизненная и покоящаяся, а творящая начало мира, субъект всех его изменений².

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М., 1959. Т.IV. С.12.

² Там же. С.9.

Гегелевское понимание природы абсолютного, безусловного субъекта и его активности также существенно отличается от трактовки проблемы Шеллингом.

Если принцип тождества бытия и мышления Шеллингом прямо постулируется, предлагается как «выстрел из пистолета» (Гегель), и все надежды познания абсолютного как единства бытия и мышления, объекта и субъекта Шеллинг возлагал на интеллектуальную интуицию, то Гегель, отвергая такой способ рассмотрения, обосновывает возможность и необходимость познания абсолютного, его активности, свободы в форме теоретического понятия, философского мышления.

Философ считал, что тождество мышления и бытия, объективного и субъективного - это не открытие творческого гения, одним скачком схватившего и постигшего великую истину, а результат развития сознания, культуры, продукт усилия многих поколений людей, которые в процессе сложного развития истории, познания приходят к мысли, что предметом философии является абсолютное. Сформулировав, таким образом, исходный принцип философии, Гегель тут же подчеркивал, что постижение абсолютного является предметом всякой философии, а не только его собственной или шеллинговской. «Когда речь идет о философии вообще, - писал он, - речь не может идти (лишь) о моей философии, всякая философия есть постижение абсолютного, а тем самым не чего-то чужого, и, стало быть, постижение абсолютного есть его самопостижение...»¹

Вместе с тем мыслитель искренне полагал, что истинное понимание абсолютного достигнуто и осуществлено только в его системе, в которой абсолютное рассматривается как конкретное тождество бытия и мышления, как деятельное, развивающее начало, то есть как субстанция - субъект. Такое понимание проблемы содержит в себе, по Гегелю, все предшествующие попытки познания абсолютного (духа) как снятые моменты в своем поступательном развитии.

В «Феноменологии духа» философ тщательно прослеживает движение, развитие человеческого сознания, культуры, начиная от абстрактного, непосредственного сознания (чувственной достоверности), и кончая абсолютным знанием, в форме которого истинно познается природа абсолютного как единство бытия и мышления, объекта и субъекта. При этом развитие сознания мыслителем изображается как активный, деятельный процесс, ряд формообразований, внутренним источником самодвижения которых является противоречие, тождество противоположностей.

В трактовке Гегеля, таким образом, абсолютное, абсолютный дух есть результат противоречивого развития сознания, самосознания, духа. Поступательное же развитие сознания он раскрывает в диалектическом отношении сознания к предмету. По мнению философа, внутренним источником развития сознания является противоречие сознания и предмета. Первоначально сознание предполагает, что имеет дело с чуждым предметом,

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М., 1962. Т.2. С.378.

существующим независимо от сознания, но в последующем своем развитии оно постигает как сущности самое себя и сущность предмета. В абсолютном же знании, к которому поднимается сознание в результате своего саморазвития, различие субъекта и объекта, сознания и предмета исчезает и возникает понятие науки.

В «Феноменологии духа» анализ поступательного развития сознания начинается с абстрактного, непосредственного образа сознания, с чувственной достоверности, которая имеет предметный характер. Своеобразие этой ступени сознания, по Гегелю, в том, что оно видит истину в предмете, относится к нему пассивно, созерцательно. Следовательно, в форме этого сознания постигаются не глубокие определения предмета, а только то, что он существует, и оно способно сообщить о предмете только такие определения, как «здесь», «теперь», содержание которых меняется в зависимости от формы рассмотрения¹.

В целом аналогичные недостатки присущи и другим формам эмпирического сознания. Хотя в них намечается прогресс по сравнению с чувственной достоверностью, но все они остаются в рамках, пассивной, *созерцательной* теоретико-познавательной концепции. Сознание на этой ступени не осознает еще свою сущность, свое содержание. Только достигнув ступени самосознания, которую Гегель определяет как истину сознания, последнее осознает себя, свое содержание, свою творческую способность и свое формирующее значение по отношению к предмету.

Важность такого анализа самосознания состоит в том, что автор «Феноменологии» проводит идею *активности*, деятельности сознания, прослеживает его творческие способности. В трактовке Гегеля самосознание, в отличие от сознания, рассматривает предмет не как нечто независимое от сознания, а как свой предмет, порожденный сознанием, его деятельностью и творческой активностью; своеобразие самосознания состоит в том, что оно не проводит принципиального различия между собой и предметом, а рассматривает каждый предмет, объект как звено в системе самосознания, которое содержит в себе и Я, и мир.

С самосознанием, заявляет мыслитель, мы вступаем теперь в царство истины. Самосознание есть новая форма знания - «знание о себе самом», пришедшее на смену знанию о некотором ином. «Последнее знание... исчезло, но его моменты в то же время также сохранились; и потеря состоит в том, что они здесь такие, какие они суть *в себе*». Изменился предмет прежнего значения, он превратился в абстракцию *или понятие* (бытие, единичность, всеобщность, внутреннее и т.д.). В нем утерян «...сам главный момент, т.е. *простое самостоятельное существование для сознания*»².

Самосознание, по Гегелю, также формируется: оно претерпевает изменения в процессе развития. Путь к самосознанию - это путь восхождения сознания к самому себе через анализ различных форм своей деятельности и

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.51.

² Там же. С.94.

ее результатов. Самосознание философ определяет как рефлексию в самого себя из бытия чувственного и воспринимаемого мира, как «возвращение из инобытия»¹. Под «инобытием» сознания, мышления, идеи мыслитель понимает весь предметный мир, якобы порожденный мировым духом.

На первых порах, будучи еще *абстрактным*, самосознание функционирует как сознание и для него сохраняется весь простор чувственного мира, которым оно обременено. Противоречие между сознанием и предметом, имевшее место раньше, воспроизводится здесь заново, но в другой форме - как противоречие между самосознанием и сознанием. Речь идет об удвоении самосознания, о том, что «самосознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании»². Сначала они предстают как различные явления и, как таковые, сосуществуют одновременно. Но впоследствии, в ходе взаимодействия самосознания со своим предметом, который оказывается им же самим (самосознанием), происходит их слияние. Это означает, что сознание возвышает себя до уровня самосознания.

В гегелевской диалектико-идеалистической философии самосознание рассматривается как развивающаяся, историческая категория. Первоначально в самосознании единство сознания и объекта, Я и мира схватывается только абстрактно. В этой своей непосредственной форме оно еще полностью не постигло самого себя, своего понятия и не стало действительно свободным, творческим самосознанием. В этой исторической форме оно является только первым отрицанием сознания, обременено объектом и в какой-то мере противоречит себе в качестве самосознания. Правда, в дальнейшем развитии самосознания, по Гегелю, это противоречие необходимо снимается, то есть преодолевается зависимость сознания от внешней реальности.

Своей истинной свободой и разумности самосознание достигает только в результате поступательного развития, проходя ряд последовательных ступеней, начиная с единичного самосознания и кончая всеобщей формой самосознания. В процессе такого развития самосознание преодолевает свою абстрактность, ограниченность; оно осознает свою мощь, творческую силу и одновременно неистинность внешней реальности, ее ничтожность по сравнению с субъектом, самосознанием. «Предмет не в состоянии оказать этой деятельности никакого противодействия, - пишет Гегель, - как нечто в себе и для самосознания лишенное самостоятельности; диалектика снятия себя, составляющая его природу, существует здесь как упомянутая выше деятельность «я». Данный объект полагается здесь в такой же мере субъективно, в какой субъективность теряет свою односторонность и становится для себя объективной»³.

Рассматривая различные формообразования самосознания, философ раскрыл активность, деятельность самосознания, которая еще более определенно выявляется на следующей ступени - на уровне *признающего*

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.94.

² Там же. Т.IV. С.98.

³ Там же. Т.III. С.218.

самосознания. Особенность этой ступени самосознания проявляется в том, что здесь противостоят друг другу два самостоятельных самосознания, которые полагают и взаимно признают себя за то, что они есть в себе, по своему понятию. Однако это признание совершается не автоматически, полагает ученый, а в борьбе, в деятельности и в активном самоутверждении. «Только посредством борьбы, следовательно, - пишет он, - может быть завоевана свобода; однако заверения в том, что обладаешь свободой, для этого недостаточно; только тем, что человек как себя самого, так и других подвергает *смертельной опасности*, он доказывает на этой стадии свою способность к свободе»¹.

Каждое самосознание, по Гегелю, пытается утвердить свою самостоятельность в борьбе с другим самосознанием. Подлинное признание притом осуществляется не посредством уничтожения, смерти, которая имеет отрицательное значение, а только в результате подчинения одного самосознания воле другого. Признание, по его мнению, необходимо в гражданском обществе и государстве. «В государстве дух народа, нравы, законы, - пишет он, - являются господствующим началом. Здесь человека признают и с ним обращаются как с разумным существом, как со *свободным*, как с *личностью*; и каждый отдельный человек со своей стороны делает себя достойным этого признания тем, что, преодолевая природность своего самосознания, повинует *всеобщему... закону...* признает их за то, чем сам хотел бы быть признанным»².

В результате изменения этой формы самосознания возникает *всеобщее самосознание*; оно характеризуется мыслителем как свободное самосознание, по отношению к которому другие также свободны. Каждая сторона признает другую и, в свою очередь, признается другой. Здесь возникает новое отношение, новая глава всемирной истории, до которой, по мнению философа, не поднялись еще античные народы, в частности греки и римляне, так как они не поднялись до мысли, что разумное самосознание принципиально свободно.

Важным и продуктивным моментом в философии Гегеля является и то, что развитие, формообразование, переход самосознания из одной формы в другую он рассматривает в тесной связи с трудом, предметной деятельностью. В «Феноменологии духа», анализируя отношение господского и рабского сознания, философ связывает прогресс, движение, направление рабского сознания с трудом, предметной деятельностью. Только благодаря тому, что рабское сознание имеет дело непосредственно с вещами, целесообразно изменяет их и приспособливает к человеческой потребности, совершает определенную деятельность, становится возможным его развитие и то, что оно является началом дальнейшего прогресса.

В гегелевском понимании самосознание выступает связующим звеном при переходе от рассудка к разуму, готовит почву для формирования разума

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. III. С.221.

² Там же. С.222.

как высшей формы знания. *Разум* - это теоретическое познание, которое получило в современной Гегелю науке неравномерное развитие. Идея развития, в особенности сознательное руководство ею, еще не стали достоянием частных наук. Единственно лишь в философии теоретическое познание оказалось ее собственной, родной стихией. Поэтому философское познание представляется мыслителю адекватной и высшей формой теоретического познания.

От обыденного и рассудочного сознания разум отличается тем, что имеет своим предметом не только объект, но также и субъект, то есть самого себя. И рассудок «прошел сквозь предметность», то есть в своем предмете начал узнавать собственные черты. Но, не будучи способным понять возникновение различий в единстве противоположностей, рассудок не смог объяснить, как субъективное становится объективным, а объективное - субъективным. Разум же на основе принципа тождества противоположностей объясняет не только раздвоение единого на противоположные моменты (скажем, сознания на знание и предмет знания), но и взаимодействие их, доходящее до единства, тождества.

Разум, по Гегелю, есть достоверность того, что вся реальность есть он сам. Но эту свою достоверность (т.е. истину) он постигает не сразу. Поэтому, изображая разум, необходимо показать его эволюцию, в процессе которой он поднимается от одностороннего, нефилософского знания до конкретного, философского знания, до точки зрения науки логики.

Если предыдущие формы сознания имели дело с отдельными вещами, процессами и явлениями, то разум имеет дело со всей реальностью (с природой и обществом), в которой он постигает не частные, а общие законы движения и развития. Будучи уверенным в том, что «он наличествует в мире», разум рассматривает законы последнего как свои собственные. Вся действительность, по мнению философа, разумна, то есть закономерна и необходима. Понятия «разум» и «закономерность», «разум» и «необходимость», следовательно, совпадают. Гегель онтологизировал разум, превратив его в объективную реальность.

Средствами разумного познания, нацеленного на суть, законы вещей, являются не органы чувств, а понятия, выведенные и выделенные в длительном историческом процессе познания. Они якобы и заключают в себе подлинное знание. Поскольку разум - это единство Я и мира, субъекта и объекта, постольку его понятия одновременно и объективны, и субъективны. Они суть категории, выражающие род и сущность вещей. При этом разум рассматривает категории в их истинном значении. Здесь «категория означает, что самосознание и бытие есть одна и та же сущность, та же не в сравнении, а сама по себе»¹.

Подобно другим формам знания, разум также претерпевает эволюцию и развитие в зависимости от того, что он постигает: природу, дух, соотношение того и другого или же самого себя в качестве действительности.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.434.

В результате такого сложного диалектического движения и развития сознание достигает своей высшей формы - *абсолютного знания*, в котором достигнуто тождество бытия и мышления, объективного и субъективного.

Особенность гегелевского подхода состоит в том, что и абсолютное знание не считается окончательной истиной, с которой прекращается всякое движение и развитие. Абсолютное знание философ понимает только как преодоление, разрешение противоречия между сознанием и предметом, субъектом и объектом, как освобождение духа от всякого внешнего влияния, его уход, углубление в себя. Дух как абсолютное знание тоже развивается, но не в прежней сфере (в сфере отношения сознание - предмет), а в стихии чистого мышления, где он вновь рождает себя, но уже «из знания» как «некоторый новый мир и духовное формообразование». В логике «дух должен столь же не предвзято начинать сызнова, придерживаясь его непосредственности, и заново вырастить себя из него»¹.

Гегелевское истолкование абсолютного, исходного принципа отличается от шеллинговской трактовки не только тем, как и в какой форме постигается абсолютное, но и пониманием природы абсолютного. Гегель соглашается с Шеллингом в том, что подлинным исходным пунктом философии не может быть ни конечное Я, самосознание, ни объект. По этой причине в качестве истинного основания выдвигается некое абсолютное - тождество бытия и мышления, субъекта и объекта. И вот это абсолютное два философа понимают по-разному: если Шеллинг трактует его как некое индифферентное, неразличимое единство субъекта и объекта, то для Гегеля абсолютное - это конкретное единство бытия и мышления. «С точки зрения философски абсолютного я определяю истинное как само по себе *конкретное*, - писал Гегель, - т.е. ...как единство *противоположных* определений, но таким образом, что это противопоставление в единстве еще сохранено, или же: я определяю истинность не как нечто застывшее, застойное (т.е. как абстрактную идентичность, как абстрактное бытие), но как движение, как самую жизнь, как неразличимость, понятую только как *кажущуюся* в себе неразличимость, или неразличимость, заключающую в себе некоторое различие»².

Мыслитель последовательно проводит ту мысль, что в основе всего существующего - природы и человеческого общества - лежит абсолютное мышление, дух и что этот дух является содержанием, сущностью мира. Если в мире мы видим изменение, развитие, смену различных формообразований, то истинным источником этого изменения и развития, его подлинной субстанцией и субъектом следует считать идею, дух. Поэтому мир, бытие не есть нечто существующее за пределом мышления и духа, а есть именно сам дух и его обнаружения.

Философ считал, что *мышление*, деятельность и есть *истинное бытие*, понятие бытия, а бытие - это мышление. Анализируя эту гегелевскую идею,

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.434.

² Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.2. С.446.

Ф. Энгельс писал: «У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия. Абсолютное понятие не только существует - неизвестно где - от века, но и составляет истинную, живую душу всего существующего мира. Оно развивается по направлению к самому себе через все те предварительные ступени, которые подробно рассмотрены в «Логике» и которые все заключены в нем самом. Затем оно «отчуждает» себя, превращаясь в природу, где оно, не сознавая самого себя, приняв вид естественной необходимости, проделывает новое развитие, и в человеке, наконец, снова приходит к самосознанию»¹.

Согласно Гегелю, дух, мышление - не только истинное основание, содержание существующего мира, но также и *субъект* всякого познания. Подлинное познание, гносеология, по разумению философа, не есть познание отдельным индивидом независимого от себя мира, природы, а есть *самосознание*, самосознание духом самого себя, своего всеобщего содержания, сущности, лежащей в основе развития и формирования эмпирического мира. Если Кант в «Критике чистого разума» рассмотрел процесс, механизм формирования всеобщего и синтетического знания у познающего субъекта, психологического индивида, то в понимании Гегеля теория познания - это сложный процесс формирования теоретического знания, понятия в процессе развития духа, общественно-исторического сознания. Причем, как считал мыслитель, объект (природа) не существует независимо от духа, разума, а определен самим духом, разумом. Дух постигает в существующем мире не что-то чуждое ему, а свое собственное содержание, свои всеобщие определения, которые выступают как чистые сущности всего существующего и мышления. Философ глубоко убежден в безграничной способности духа познать свое же понятие, чистые сущности посредством универсальных принципов и категорий разума. Разум и дух способны адекватно постигать свою сущность, универсальное содержание посредством универсальных понятий и принципов диалектики, потому что существует тождество бытия и мышления.

В гегелевском понимании абсолютное есть, таким образом, внутренне расчлененное конкретное целое (предметная область), образующееся в результате самодвижения, саморазвития, которое подчиняется методу восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому познать абсолютное, по Гегелю, значит выявить сначала всеобщее условие, всеобщую форму его бытия и восходить затем к его конкретным формам существования. Первоначально, по мнению философа, мы имеем идею этого внутренне расчлененного целого, которая как единство объективного и субъективного, в свою очередь, выступает систематической целостностью, начиная с категории бытия и кончая абсолютной идеей.

В форме развития идеи как системы чистых сущностей Гегель системно проследил всеобщие определения абсолютного. Поскольку

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.301.

абсолютное есть тождество бытия и мышления, постольку и эти сущности (категории) выступают всеобщей формой как бытия, так и мышления.

Если в философии Канта логические категории, системы чистых сущностей выступают как априорные, доопытные определения мысли, то Гегель трактует их как *формы самоопределения* абсолютного духа, ступени и узловые пункты его деятельности, самопознания. Категории выступают, по его мнению, априорными только по отношению к сознанию отдельного человека; но всякому априоризму приходит конец, когда рассматривается история человеческого духа, процесс его саморазвития, формообразования, которые как раз и являются истинным основанием человеческого бытия, природы, истории и культуры.

В отличие от Шеллинга, не исследовавшего в чистом виде всеобщие определения абсолютного духа, Гегель специально, системно рассматривает эти определения, раскрывает внутренние связи системы чистых сущностей. Это помогло философу дедуцировать из самодеятельности абсолютного духа, абсолютной идеи все другие их определения. Нельзя все богатство природы и духа вывести из абстрактного понимания абсолютного (что пытался сделать Шеллинг), его возможно вывести только из конкретного, саморасчлененного субъекта.

Таким образом, Гегель тщательно раскрыл всеобщие определения абсолюта, абсолютной идеи, трактуя абсолютное не как покоящуюся субстанцию, а как живой, распадающийся на различия и через них возвращающийся к тождеству субъект, который развивается через противоположности. *Абсолютное есть процесс, все действительное - изображение этого процесса.* Если бы абсолютное трактовалось только как покоящаяся субстанция, абсолютная неразличимость, тождество, единство, то истина оказалась бы лишь абсолютной неразличимостью, тождеством и единством.

Таким образом, в гегелевской философии абсолютный субъект, дух рассматривается как активное, творческое начало, приобретающее свое действительное содержание и истину в процессе долгого, противоречивого самодвижения и саморазвития. В отличие от Шеллинга Гегель понимает тождество бытия и мышления конкретно, как единство многообразного, как нечто саморазвивающееся и саморазличающееся. Поэтому шеллинговской концепции погашения противоположностей Гегель противопоставляет свое учение о снятии, в котором как бы реализуется диалектика отрицания отрицания, единство упразднения и сохранения.

Глубоко и подробно мыслитель разработал также учение о субстанции - субъекте, идею историчности духа, абсолютного субъекта, проследил историческое развитие человеческого сознания, его противоречивый процесс формообразования. Гегель решительно настаивал на том, что истина имеет лишь историческую форму: дух имеет конкретную природу потому, что все предшествующее развитие является необходимым этапом, моментом его саморазвития.

Согласно философу, дух есть, таким образом, подлинный субъект, субъекто-объект, субстанциальное всего сущего. Все существующее в мире есть результат саморазвития, самодвижения абсолютной идеи, духа, сознания. Поэтому подлинная задача науки - познать законы духа, его всеобщий способ существования. Постигая содержание духа, его самопознание, мы познаем действительное конкретное содержание мира, действительности. Подлинная, объективная и истинная действительность, по Гегелю, не существует и не может существовать где-то вне духа, вне сознания и идеи, поскольку именно дух является подлинно конкретной действительностью, осуществленной в процессе движения от абстрактной идеи до конкретного духа, истины.

Будучи идеалистом, мыслитель извращенно трактует как природу, так и общественную жизнь. В его философии природа и общество изображаются как формы проявления, как *акциденции* абсолютной идеи, духа. И хотя философ говорит об активности субъекта, человека, но имеет в виду при этом творческую, самодеятельную саморазвивающуюся активность так называемого мирового духа. Гегель не понял ни человека, ни его активной преобразующей практической деятельности, ни подлинной человеческой свободы, которая прежде всего и проявляется в активной, преобразующей мир практической деятельности человека.

Причина заблуждений ученого кроется в том, что он, как показал Маркс, знал только одну форму труда - абстрактно-теоретическую. Ее-то он и абсолютизировал, признал единственным способом человеческой деятельности, якобы составляющим основу человеческого бытия. Ошибочно признав мышление, сознание отличительной особенностью человека, его сущностью, Гегель неизбежно должен был прийти и пришел к ложной мысли о том, что все другие виды человеческой деятельности и даже сам конкретный человек являются формами проявления мышления, духа, сознания.

Не удивительно, что, следуя логике своих рассуждений, философ и в объяснении природы так же далеко уклонился от истины. Только при поверхностном рассмотрении, полагал он, может показаться, что природа и дух есть нечто совершенно разное; на самом же деле все есть дух. Первоначально дух выступает в форме простой логической идеи, в виде возможности в-себе-бытия; на этой ступени он еще не осознает самого себя, своей сущности и потому отчуждает себя в объективность, в природу. Однако в природе дух превращается не во что-то абсолютно другое, а в свое другое. Пытаясь доказать справедливость этой мысли, философ обосновывает ее самым развитием духа, который, по существу, снимает свое отчуждение, познает свою противоположность как свой момент и тем самым необходимо приходит к самопознанию. Познавший себя, свою природу дух реально осознает, что все есть дух, все суть *моменты* его саморазвития и самодвижения.

«Однако духу в этом развитии предшествует не только логическая идея, - пишет Гегель, - но также и внешняя природа. Ибо познание,

содержащееся уже в простой логической идее, есть только мыслимое нами понятие познания, а не познание, существующее само для себя, не действительный дух, а всего только возможность его. Действительный дух, который единственно только в науке о духе составляет наш предмет, имеет внешнюю природу своим ближайшим предположением, подобно тому, как логическую идею он имеет своим первым предположением. Поэтому своим конечным результатом философия природы - а через ее посредство и логика - должна иметь доказательство необходимости понятия духа»¹.

По-своему логично и конкретно Гегель обосновал ту определенность, благодаря которой идея существует как дух. Поскольку каждая определенность проявляется в сравнении с другой определенностью, постольку характеристике духа противостоит определенность природы. Поэтому дух может быть понят в связи с природой. Если логическая идея характеризуется непосредственностью, простым внутри-себя-бытием, а природа - пространственно-временным существованием, то специфическая особенность духа состоит в том, что в нем снята природность и дух выступает как синтез, возвращение к себе из своего другого.

Дух как конкретное и истинное принципиально отличается от природы, которая не имеет сущности в самой себе. Потому-то, как считал Гегель, в природных явлениях и нет свободы, ее нет во всей природе, во всех ее формообразованиях, включая и органический мир. «Различия, в которых развертывается понятие природы, - писал он, - представляет собой одно в отношении другого более или менее самостоятельно существующие образования; правда, вследствие своего первоначального единства они находятся во взаимоотношении между собой, - так что ни одно не может быть понято без другого, но это отношение является для них в большей или меньшей степени внешним. Поэтому мы с полным правом говорим, что в природе господствует не свобода, а необходимость»².

Философ изо всех сил стремился доказать, что внешность и конечность присуща даже наиболее развитым и совершенным формам природы и что они преодолеваются только в духе, в котором снята, идеализирована природа. «Впервые это происходит в духе, - продолжает он, - который именно благодаря этому, осуществляющемуся в нем преодолению, отличает себя от природы, так что это различие является не только актом внешней рефлексии о сущности духа»³.

Особенность и своеобразие духа проявляются во всей его природе и обнаруживаются уже в простейшей его определенности. В целом дух вовсе не есть простое и абстрактное, а является всецело конкретным. «Скорее, наоборот, дух вопреки своей простоте есть нечто саморазличенное; ибо «я» противопоставляется самому себе, делает себя своим собственным предметом и

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.Ш. С.33.

² Там же. С.34.

³ Там же. С.36.

от этого, правда, только абстрактного, еще не конкретного различия, возвращается к единству с самим собой»¹.

Гегель пытается показать, как дух первоначально выступает в форме идеи, а затем превращается в природу, и как только посредством отрицания этого отрицания дух познает себя самого, достигает своего завершеного, наиболее конкретного оформления, возвышается до полностью постигающей себя действительной идеи и тем самым до абсолютного духа.

Философ тщательно выявляет также различия природы и всемирной истории. Если дух отрицает внешность природы, ассимилирует и тем самым как бы идеализирует ее (поскольку здесь деятельности нашей воли, мышления противостоит внешний материал, который, оставаясь равнодушным к изменению, нами производимому, совершенно пассивно воспринимает и его идеализацию, которую мы осуществляем), то принципиально другую картину мы имеем во всемирной истории. «Здесь не противостоят уже друг другу, с одной стороны, внешняя предмету деятельность, а с другой - всецело пассивный по отношению к ней предмет, но духовная деятельность направляется на внутренне в себе самом деятельный предмет, - на такой предмет, который в процессе собственной деятельности сам поднялся до того, что должно быть порождено этой его деятельностью, так что и в деятельности, и в предмете налицо оказывается одно и то же содержание»².

Задача философии, по мнению Гегеля, как раз и состоит в том, чтобы *осознать* процесс саморазвития, самодвижения духа, увидеть, как он превращается в инобытие, как существует во внешней, пространственно-временной форме, затем освобождается от покрова внешности и тем самым преодолевает внешнюю необходимость. Философия должна установить, что самодвижение духа не есть простой переход, а представляет собой ряд формообразований, движение от низшего к высшему, что только в результате такого поступательного движения дух поднимается до самого себя, до постижения своей истинной свободы.

Мыслитель неоднократно подчеркивал, что нельзя рассматривать природу как нечто первое и непосредственное. По его мнению, истинно первым может быть только дух; он есть начало и конец, альфа и омега всего сущего. Согласно философу, *в-себе-и-для-себя-сущий-дух* - не простой результат природы, но поистине *свой собственный результат*; он порождает себя из тех предпосылок, которые сам себе создает, из логической идеи и внешней природы. Следовательно, дух ничем не опосредован, а все опосредовано духом. Поэтому переход природы к духу не есть переход к чему-то безусловно другому, но только возвращение к самому себе того самого духа, который в природе обладает бытием вне себя.

Итак, в отличие от природы, внешней эмпирии, по Гегелю, сущность духа состоит в *свободе*. Причем свобода духа понимается в том смысле, что

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. III. С. 36.

² Там же.

он может абстрагироваться, отвлечься от всего внешнего, даже от своей внешности, наличного бытия, переносить отрицание своей индивидуальности, но в то же время сохраняет себя, остается тождественным самому себе. В отличие от природы, не способной выдержать такую коллизию, противоречие, дух может выдержать все, перенести все, всегда оставаясь тождественным самому себе. Если природа, внешняя эмпирия подчиняются законам необходимости, то дух остается самим собой и свободно подчиняется только собственным законам.

В цепи этих идеалистических рассуждений важна следующая глубокая мысль: свобода духа состоит не в том, что он независим от другого, а в преодолении своего другого, в осуществлении посредством своего другого, в том именно, что «через другое и через снятие этого другого он приходит к тому, чтобы оправдать себя и в действительности быть тем, чем он и должен быть по самому своему понятию»¹.

Рассматривая свободу как субстанцию духа, а сам дух как абсолютно независимое, само для себя сущее творческое начало, Гегель, несомненно, впал в идеалистическую иллюзию, изобразив дух, духовно теоретическую деятельность как нечто самостоятельное, субстанциальное, не понимал, что свобода, прежде всего, проявляется не в теоретической деятельности, а в *чувственно-практическом преобразовании* как природы, так и своих общественных отношений. Поэтому подлинная человеческая свобода - не в мышлении, сознании, а в практической деятельности по преобразованию природы, по приспособлению ее к своим потребностям. Мышление, сознание человека является только формой практической деятельности, действительного субстанциального отношения.

Однако в рамках идеализма философ высказал ряд продуктивных мыслей о свободе духа, духовно-теоретической деятельности. Проблему свободы духа мыслитель связывает с его самодвижением, саморазвитием, преодолением противоречий. В отличие от природного, по Гегелю, дух в развитии переносит противоречие, выдерживает напряжение противоречия и в силу этой особенности проявляет себя как действительно свободный. «Дух обладает силой сохраняться и в противоречии, а, следовательно, и в страдании, возвышаясь как над злом, так и над недугом. Обыкновенная логика ошибается поэтому, думая, что дух есть нечто, всецело исключаящее из себя противоречие»².

Согласно мыслителю, противоречие, самодвижение - истинная сущность духа, так как он в процессе развития не переходит в другое, а во всех своих формообразованиях, воплощениях находится в самом себе, в своем другом. Поэтому дух в своей первоначальной, непосредственной форме еще не достигает подлинной свободы; здесь его свобода существует еще только в возможности. Дух действительно свободен только в развитии, в преодолении своей противоположности. «Противоречие, однако, потому

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.III. С.41.

² Там же.

переносится духом, - пишет Гегель, - что этот последний не имеет внутри себя никакого такого определения, про которое он не знал бы, что оно положено им самим и, следовательно, им же самим может быть снова снято. Эта власть духа над всем имеющимся в нем содержанием составляет основу свободы духа»¹.

Постижение духом своей свободы, по Гегелю, является процессом *самопознания*, самооткровением самого себя через преодоление своего другого. Особенность духа состоит в том, что он ни в коей мере не растворяется, не теряется в своем другом, а *опредмечивает* в нем себя, снимает свое другое в ходе своего саморазвития и приходит к своему действительно свободному существованию. Только на этой ступени достигается истинное самооткровение духа, тождество его формы и содержания. «Дух открывает поэтому в другом только самого себя, свою собственную природу, но эта природа и состоит в самооткровении; самооткровение само есть поэтому содержание духа, а не какая-то только внешне к содержанию духа привходящая форма». «Подлинное содержание включает, следовательно, форму в самом себе, и подлинная форма и есть ее же собственное содержание»².

В гегелевской идеалистической философии, таким образом, действительное развитие человека, его сознания мистифицировано, так как в качестве подлинного субъекта истории и познания рассматривается некий мировой дух, субъекто-объект, который якобы и находится в постоянном развитии и самодвижении. Касаясь этой стороны вопроса, Маркс писал: «Гегель на место действительной связи между человеком и природой ставит абсолютный субъект-объект, представляющий собой зараз всю природу и все человечество, - абсолютный дух»³. «Гегель, - замечает Маркс, - очень часто внутри спекулятивного изложения дает действительное изложение, захватывающее самый предмет. Это действительное развитие внутри спекулятивного развития понятий побуждает читателя принимать спекулятивное развитие за действительное, а действительное развитие за спекулятивное»⁴.

Действительно, в гегелевской философии мистифицируется как природа, так и реальная история и познание. Философ видел, что в реальном обществе люди живут обычной жизнью, изменяют нравы, образ жизни, формы религии и философии. Но, будучи идеалистом, он полагал, что реальное, чувственное существование людей есть не подлинная, субстанциальная жизнь, а только форма проявления, форма обнаружения более глубокого, субстанциального процесса, который он определял как жизнь духа, идеи, самосознания и т.п.

Философ-идеалист все ставил с ног на голову, когда действительную чувственно-предметную активность человека изображал как имманентную

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.Ш. С.42.

² Там же. С.43.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.184.

⁴ Там же. С.66.

активность сознания, самосознания, духа. На этот порок гегелевской философии указывал К. Маркс: «Так как Гегель в «Феноменологии» на место человека ставит самосознание, то самая разнообразная человеческая действительность выступает здесь только как определенная форма самосознания, как определенность самосознания. Но голая определенность самосознания есть «чистая категория», голая «мысль», которую я поэтому могу упразднить в «чистом» мышлении и преодолеть путем чистого мышления»¹. «Человека Гегель делает человеком самосознания, - продолжает он, - вместо того чтобы самосознание сделать самосознанием человека, - действительного человека, т.е. живущего в действительном, предметном мире и им обусловленного»².

В этой связи закономерно возникает вопрос: «как и каким образом удастся философу вывести природу, человека и человечество из абстрактной деятельности идеи, некоего мирового духа?». Очень просто, тайна этой спекулятивной конструкции, как указывал Маркс, состоит в том, что Гегель наделяет идею, абсолютный дух творческой деятельностью, своеобразной способностью воплощаться, отчуждаться в своих предметах. Дух мыслителем изображается не как «мертвая, лишенная различий, покоящаяся сущность, а сущность живая, себя в себе различающая, подвижная»³.

Гегель не ограничивается последовательным выводением действительного мира из саморазвития идеи, духа, а также постоянно превращает реальную вещь, действительное движение в абстрактное понятие, логическое движение. При этом философу на помощь приходит его абсолютный метод (гегелевский способ абстракции), охарактеризованный Марксом как своеобразная тайна спекулятивной конструкции. «Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, - писал Маркс, - точно так же стоит нам только отвлечься от всех отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения. И если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам нетрудно вообразить, что в логической формуле движения мы нашли абсолютный метод, который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи»⁴.

В гегелевской философии человеческое сознание, мышление не только отрывается от материальной основы, но даже изображается как особая, самостоятельная реальность, как действительный субъект, активное порождающее начало всей материальной действительности; природа, органический мир трактуется философом как инобытие субстанциально, творчески развивающейся идеи, абсолютного мышления. В гегелевской философии, таким образом, все поставлено с ног на голову, поскольку

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.209.

² Там же. С.210.

³ Там же. С.64.

⁴ Там же. Т.4. С.131.

подлинное основание изображается в виде продукта, а продукт - в виде единственной субстанциальной реальности.

Понятно, что в ходе объективно-идеалистического обоснования принципа активности, деятельности субъекта Гегеля подстерегали серьезные теоретические трудности, которые он преодолевал свойственными идеализму методами. Так, если невозможно вывести естественно объективный мир, природу и общественную жизнь из абстрактной идеи, то философ мистифицирует последнюю, наделяет ее активным, творческим характером, изображает идею как самодеятельное, саморазвивающееся начало.

Неудивительно, что в историческом плане судьба гегелевской философии была предрешена: рано или поздно она должна была пасть под ударами критики. И первые удары нанесли ей уже младогегельянцы. Правда, сами они не смогли выйти за пределы философии Гегеля и потому в своей критике ограничивались тем, что выхватывали ту или иную сторону его учения и противопоставляли всей системе с тех же идеалистических позиций. Они также не понимали природы действительного субъекта, человека, его общественно-исторической активности, в связи с чем их критика носила отвлеченный, абстрактный характер.

«Спор между *Штраусом* и *Бауэром* о субстанции и самосознании есть спор в пределах гегелевской спекуляции, - писал Маркс. - В системе Гегеля существуют три элемента: спинозовская субстанция, фихтевское самосознание и гегелевское необходимо-противоречивое *единство* обоих элементов - *абсолютный дух*... Первый взял за *точку отправления спинозизма*, второй - *фихтеанство*... В своей критике оба выходят поэтому за пределы философии Гегеля, но вместе с тем оба продолжают оставаться в пределах его спекуляции, и каждый из них оказывается представителем лишь *одной стороны его системы*»¹.

Последовательная и принципиальная критика гегелевской философии была дана материалистом Фейербахом, который, решительно отстаивая материалистическое мировоззрение, рассматривал всякую философию, и гегелевскую тоже, как отчуждение человека, человеческой природы. «Только *Фейербах* завершает и критикует *Гегеля*, отправляясь от гегелевской точки зрения. Сведя метафизический абсолютный дух к *действительному человеку на основе природы*, Фейербах завершил *критику религии* и в то же время мастерски наметил *основные черты критики гегелевской спекуляции* и, тем самым, *всякой метафизики вообще*»².

Действительно, фейербаховская критика гегелевского идеализма, религии имела существенное значение в утверждении материалистического мировоззрения. Фейербах внес большой вклад в разоблачение гегелевской философии, указав, что корни религиозного и философского отчуждения кроются в реальной жизни. Такое рассмотрение, безусловно, являлось теоретическим осмыслением этого феномена. Проблема, однако,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.154.

² Там же.

заклучалась в том что сама земная основа религиозного и философского отчуждения трактовалась Фейербахом абстрактно и односторонне. Кроме того, отстаивая материалистическое мировоззрение, Фейербах в то же время отрицал позитивные достижения немецкой классической философии - *диалектику, принцип активности субъекта в познании*. Он не понимал активности человека, человеческого сознания в отражении объективной действительности, трактовал познавательный процесс абстрактно и созерцательно. По этой причине его критика гегелевской философии оказалась недостаточной.

Всесторонняя теоретическая критика и полное преодоление гегелевской философии, ее понимания активности субъекта были осуществлены только в марксовской философии. Продуктивность подхода Маркса к проблеме состоит в том, что он не удовлетворился сведением философского идеализма к земной основе, а тщательно проанализировал самую общественно-экономическую реальность, ее противоречия и развитие.

В самом деле, когда ограничиваются редуцированием философского отчуждения к земной основе, то остается непонятой сама *причина* отрыва, отчуждения идеологической, духовно-теоретической деятельности от материальной действительности. В отличие от Фейербаха Маркс глубоко обосновал, что причину духовно-теоретического, религиозно-эстетического отчуждения надо искать в *противоречивости*, разорванности самой общественно-материальной действительности. Причина философского, религиозного отчуждения, следовательно, кроется в отчужденности самой общественной жизни человека.

Другими словами, если Фейербах ограничивался утверждением, что философия есть выражение жизни, но не задавался целью анализировать противоречия и отчуждение общественной жизни, не раскрыл содержание того особого разделения труда, которое порождает функцию, выполняемую философией по отношению к другим формам общественного сознания, то Маркс сконцентрировал свое внимание на анализе способа производства, общественно-производственных отношений людей. Поэтому Маркс не ограничился сведением идеологических, философских отношений к материальной основе, а раскрыл закономерности, противоречия самих общественно-материальных отношений, выявил и указал те общественные силы, которые способны революционизировать эти общественные отношения, формировать такие материальные условия, которые могут быть основаниями для ликвидации любой формы как материального, так и духовного отчуждения.

И это не все. Маркс подверг всесторонней теоретической критике гегелевскую концепцию активности субъекта, ее односторонность и абстрактность. Поскольку Гегель знает только единственную форму труда - духовно-теоретическую, постольку проблема активности субъекта трактуется им, как уже отмечалось, лишь как активность сознания, духа. По этой причине он недалеко ушел от созерцательной позиции, его концепция активности по существу является теоретической и абстрактной активностью,

которая, самое большее, может вывести за пределы прежней теории, но ни в коей мере не способна вывести за пределы существующей действительности.

Глава V. Гегель о конкретности понятия

Проблема конкретного понятия получила наиболее полную разработку в гегелевской логике, в которой понятие рассматривается как *единство многообразного*, как конкретная тотальность определений. Определяя природу такого конкретного понятия, философ писал, что «оно не есть в самом себе абстрактное единство в противоположность *различиям, характеризующим реальность*, а уже как понятие оно есть единство различных определенностей и, стало быть, конкретная целостность»¹.

В гегелевской философии конкретность, целостность прежде всего трактуется как то, что имманентно присуще разуму и, обладая идеальной природой, привносится к вещам или лежит в основании вещей в качестве понятия, идеи. Правда такое понятие изображается мыслителем не как мертвая, лишенная различий абстракция, а как живая, внутренне противоречивая мысль, беспокойное движение, себя в себе различающая сущность. Поскольку понятие есть некоторый синтез, отмечает философ, «оно имеет определенность и различие внутри себя самому. Поскольку эта определенность есть определенность понятия и тем самым *абсолютная определенность, единичность*, понятие есть основание и источник всякой конечной определенности и всякого многообразия»².

Гегелевское понимание природы понятия, как известно, принципиально выходило за рамки традиционного представления о понятии. Вместе с тем следует отметить, первоначальная идея, зародыш такого понимания имеет место уже в кантовском учении о синтетическом знании, на это неоднократно указывал и сам Гегель. Если при традиционном представлении под понятием мыслится нечто общее, одинаковые свойства предметов, выделенные путем сравнения, отвлечения и обобщения из массы индивидуальных объектов, то кантовское учение о синтетическом знании, требует, что бы мы пошли дальше этого представления о понятии. Понятия трактуются кенигсбергским философом не как мысленное выражение просто общего в предметах и явлениях, а как некоторый синтез, априорные условия знания, при помощи которых формируются данные созерцания.

Поэтому Гегель в своем анализе кантовской трансцендентальной логики отличает ее от рассудочной логики. Согласно рассудочной логике, отмечал мыслитель, «я обладаю понятиями точно так же, как я обладаю какими-либо внешними свойствами», всякое многообразие находится вне понятий, которым присуща лишь форма абстрактной всеобщности. Синтетические суждения *a priori*, напротив, представляют собой форму конкретного, синтетического знания, в котором предпринята попытка рассмотреть многообразие в некотором единстве (синтезе). «Этот первоначальный синтез апперцепции, - писал Гегель, - представляет собой

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.-Л., 1929-1959. Т. XII. С. 111.

² Там же. Т. VI. С. 20.

один из глубочайших принципов спекулятивного развертывания; он содержит в себе первый шаг к истинному пониманию природы понятия...»¹.

В кантовской трактовке проблемы понятия Гегель вместе с тем усматривает непоследовательность, внутренние противоречия. Будучи объективным идеалистом, мыслитель, например, с раздражением отмечал, что у Канта категории сами по себе не дают синтетического знания, а достигают его лишь в соединении с чувственными данными. Неполнота понятий, по Гегелю, заключается не в отсутствии у них чувственной реальности, а в том, что понятия еще не сообщили себе из них самих порождение реальности.

Таким образом, в понимании Гегеля синтетичность, конкретность являются внутренними определенностями самого понятия, которые приобретены в ходе его саморазвития. Отсюда не реальность и тем более не эмпирическое многообразие является основой понятия, а само понятие, движение мысли порождает действительность, составляет животворную душу всего действительного мира. Абсолютная идея стремится к самосознанию; она сначала совершает чисто логическое развитие, которое изображено в «Логике», а затем «отчуждает» себя, переходит к своему инобытию, природе, где продельывает новое развитие, правда, не сознавая самое себя. Абсолютная идея лишь в человеческом обществе выбивается из «грубого естественного состояния» и приходит к самосознанию. В своем первоначальном развитии она не была еще абсолютно конкретной (обладала конкретностью лишь в возможности).

Гегель - объективный идеалист, и поэтому в его философии отсутствует понимание, во-первых, того, что действительность, конкретная целостность лишь воспроизводится посредством мышления. «Однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне наглядного созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятии»². Во-вторых, философ так же не понимает действительной, чувственной деятельности как таковой, не понимает роли материальной, общественно-производственной практики, а знает лишь абстрактную, теоретическую деятельность абсолютной идеи.

Научное разрешение вопроса о природе понятия возможно лишь тогда, когда понятия рассматриваются как отражение объективной материальной действительности. «Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была перевернута, а лучше сказать - поставлена на ноги, так как прежде она стояла на голове»³.

Все это, несомненно, верно. Однако данный факт не снимает того, что в гегелевской логике было положено начало новому пониманию понятия, оказавшему значительное влияние на понимание природы научно-

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VI С.19

² Маркс К. К критике политической экономии. М., 1952. С.214.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. II. М., 1948. С.367.

теоретического знания. Продуктивной была сама идея рассмотреть понятие в *развитии, противоречивости*.

В этой связи представляет огромный интерес гегелевская трактовка понятия как единства многообразного. Действительно, если понятие рассматривается как конкретное, как единство многообразного, то его сущность возможно понять не на пути отвлечения от общих, одинаковых признаков предмета, а лишь в результате глубокого раскрытия содержания, *внутренней связи* и зависимости различных определенностей. Поэтому нас в «Логике» Гегеля интересует прежде всего эти рациональные моменты его учения о конкретном понятии. Если эта диалектика, отмечал Энгельс, «даже с точки зрения «чистого мышления», привела к таким результатам..., то, значит, в ней было что-то большее, чем просто софистика и схоластические изощрения»¹.

В гегелевском учении о конкретности понятия глубоко прослежено отношение абстрактно-общего к конкретно-всеобщему. Так, если конкретное понятие, по Гегелю, постигает истину, вскрывает сущность, само является сущностью и истиной, то абстрактно-общее в силу своей односторонности, неподвижности и непротиворечивости не в состоянии раскрыть сущность. Отсюда следует глубоко диалектическое положение мыслителя: абстрактной истины нет, *истина всегда конкретна*. Истина адекватно выражается только конкретным понятием, являющимся совокупностью многочисленных внутренне противоречивых определений.

По мнению философа, абстрактный, рассудочный способ рассмотрения характеризуется тем, что одна сторона отрывается от другой, в результате чего искажается действительность, потому что сама действительность противоречива, подвижна, изменчива. Рассудок же упрощает, огрубляет, разделяет, омертвляет живое; он прекращает движение, сводит качественное многообразие к количественному и т.д. «Живая деятельность природы смолкает в тиши мысли. Ее обдающая нас теплом полнота, организующая в тысячах привлекательных и чудесных образований, превращается в сухие формы и бесформенные всеобщности, похожие на мрачный северный туман»².

Опираясь на диалектический метод, мыслитель пытался обосновать теорию таких понятий, которые бы не упрощали, не огрубляли, не омертвляли действительность, а выражали ее как нечто развивающееся, если и не в полной гамме красок, то хотя бы в ее существенных многообразных определениях. В этом Гегель видел задачу диалектической логики, изучающей понятия в их движении.

В гегелевской философии, таким образом, разработаны важные принципы теории понятия: положение о содержательном понятии, о конкретном понятии как единстве всеобщего, особенного и единичного, о

¹ Маркс К. К критике политической экономии. С.235.

² Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.II. С.11.

противоречивости понятий и т.д., которые, несомненно, являются великими завоеваниями философской мысли.

1. Содержательность конкретного понятия. Понятие рассматривается Гегелем прежде всего как *содержательная* форма мысли. Такое понимание является непосредственным следствием гегелевской трактовки понятия как единства, «конкретной тотальности» многочисленных определений. Философ неоднократно подчеркивал мысль, что если бы понятия представляли собой лишь чистые, лишенные содержания формы, то и знать их было бы совершенно не нужно. Но на самом деле, писал мыслитель, формы понятия суть *«живой дух действительного, а в действительном истинно лишь то, что истинно в силу этих форм, через них и в них.* Но истинность этих форм, взятых сами по себе, точно так же, как и их необходимая связь, никогда до сих пор не рассматривалась и не служила предметом исследования»¹.

Требование содержательности понятий – одно из замечательных положений гегелевской логики. Философ прав, когда он выступает против метафизического отрыва формы от содержания. Но тут же проявляется и его идеализм, когда ученый понятия выводит не из жизни, а, напротив, реальный мир считает результатом саморазвития понятий. Для Гегеля понятие выступает как субъект развития, а действительный субъект превращается в предикат. Таким образом, содержанием мысли оказывается сама мысль. Поэтому она, по Гегелю, «столь мало формальна, столь мало лишена содержания для действительного и истинного познания». Она является абсолютной формой. «Логика, - отмечает философ, - следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. Это *царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой*»².

Это положение не выдерживает критики. Здесь отчетливо проявляются непримиримые противоречия в философии Гегеля, когда рациональные моменты гегелевской диалектики сочетаются с идеалистическим, мистическим содержанием. Философ совершенно прав, когда пишет, что бессодержательной, пустой формы не существует и всякая форма содержательна, однако обоснование содержательных познавательных и логических форм опирается у него на объективно-идеалистическую трактовку действительности и мышления.

2. Конкретное понятие как единство всеобщего, особенного и единичного. Конкретное понятие рассматривается мыслителем не просто как нечто общее, противостоящее единичному и особенному, а как такое общее, которое в самом себе, в своем развитии содержит свое другое, то есть единичное и особенное. Конкретным, по Гегелю, является такое понятие, которое находит всеобщее не вне особенного, но в нем же самом. Философ отмечает, что конкретное всеобщее понятие есть *целостность моментов общего, особенного и единичного.* В гегелевском понимании всеобщее есть такое простое, которое вместе с тем есть самое богатое внутри себя самого.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.I. С.267.

² Там же. Т.V. С.28.

Понятие не есть абстрактная, внутри себя тождественная всеобщность. Всеобщее конкретно потому, что оно внутри себя многообразно, но не всякое многообразие есть истинно-конкретное.

Гегель различает «чувственно-конкретное» и «истинно-конкретное». Чувственно-конкретное только по форме конкретно, а по содержанию абстрактно. Оно многообразно и внутри себя различно, но не доходит до истинной конкретности именно потому, что не достигает существенных определений вещи. В этой связи мыслитель подвергает критике эмпиризм Локка. Если Спиноза и Мальбранш начинают свою философию с лишнего различия всеобщего, то Локк выступает против этого лишнего различий тождества спинозовской субстанции. Он утверждает, что единичное, чувственное, ограниченное, непосредственно существующее является основой познания. По мнению Гегеля, Локк оставил путь голых дефиниций и сделал попытку вывести всеобщие понятия и в этом, по его мнению, несомненная заслуга локковской философии.

Однако, справедливо возражая против абстрактного всеобщего Спинозы и Мальбранша, Локк сам впадает в односторонность, в субъективизм, когда вовсе отрицает существование всеобщего. По мнению Локка, если бы существовали всеобщее, род, то отклонения от них были бы невозможны. Гегель опровергает субъективизм Локка, отрицающего объективность всеобщего. Касаясь этого вопроса, он замечает, что «роды представляют собою не только совокупность сходных признаков, созданную нами абстракцию, что они обладают не только общими признаками, а являются подлинной внутренней сущностью самих предметов; и точно так же порядки служат не только для облегчения нам обзора животных, но представляют собою ступени лестницы самой природы»¹. Это - одно из глубочайших положений гегелевской логики. Философ подчеркивает, что всеобщее не относится безразлично к особенному; оно представляет собой самое себя наполняющую всеобщность, которая содержит в себе особенное. Главное для мыслителя – *единство* единичного и особенного. «Если роды и силы составляют внутреннюю сторону природы и по сравнению с этим всеобщим внешнее и единичное является преходящим и ничтожным, то все же мы требуем как третьей ступени чего-то еще более внутреннего, того, что представляет собой внутреннее внутреннего, а это согласно предыдущему и есть единство всеобщего и единичного»².

По мнению Гегеля, отрыв всеобщего от особенного и единичного несостоятелен, ибо такая абстрактная всеобщность, находящаяся вне особенного, сама представляла бы новое особенное. Несостоятельность рассудка заключается в том, что он упраздняет как раз то определение, которое сам устанавливает. Рассудок в своем рассмотрении желает отделить особенное от всеобщего, а на поверку выходит, что особенное благодаря этому возведено во всеобщее.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. II. С.15.

² Там же. Т. II. С.17-18.

Истинное всеобщее, рассматриваемое в единстве с особенным и единичным, является *результатом истории познания*. Между абстрактно-общим и истинно-всеобщим существует громадная разница: всеобщее понятие не абстрактно, а конкретно. Здесь Гегель нащупал подлинную диалектическую категорию. Если всеобщее имеет конкретный характер, то оно едино с особенным и единичным. Конкретное всеобщее, по мнению философа, есть результат развития, нечто ставшее. О конкретном понятии можно сказать, что оно является простым определением, но оно есть такое простое, которое содержит внутри себя наивысшую степень различия и определенности. Поэтому простота понятий коренным образом отличается от простоты бытия, лишенного всякого определения и поэтому представляющего собой такое простое, которое исчезает в своей противоположности, его понятием служит становление.

Кроме того, при характеристике понятия конкретного всеобщего Гегель часто сравнивает его с бытием, которое вследствие своей бедности исчезает в своем другом, имеет своей истиной некоторое отличное от него самого определение. Всеобщее как конкретное понятие не исчезает в своем другом, сохраняет себя в нем, проявляется сквозь и через него. Вот что писал мыслитель об этом: «...Всеобщее, даже когда оно влагает себя в некоторое определение, *остается* в нем тем же, что оно есть. Оно есть *душа* того конкретного, в котором оно обитает, не стесненное и равное самому себе в его многообразии и разности»¹.

Хотя гегелевское представление о понятии как единстве общего, особенного и единичного является великим завоеванием диалектической логики, но все же научного решения данного вопроса философ дать не смог. Сам по себе величайший принцип у объективного идеалиста приводит к ложному пониманию явлений. Сравнивая гегелевскую идеалистическую диалектику с материалистической диалектикой Маркса, Ф. Энгельс писал: «Сравните хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к сущности, и у Вас будет прекрасная параллель: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как например, качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие одного понятия из другого»².

Так обстоит дело с понятием «конкретное всеобщее». Как уже было сказано, гегелевская логика исходит из «саморазвития мысли», понятие в своем развитии переходит в особенное и единичное. Совершенно по-иному рассматривает это понятие материалистическая диалектика. Понятие для нее «не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Здесь все богатство особенного и единичного содержится не в понятии, как это казалось Гегелю, а в тех реальных

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VI. С.34.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948. С.443.

отношениях, которые объективно являются всеобщими отношениями объекта, откуда и вытекает природа конкретного.

В «Капитале» К. Маркс подвергает глубокому анализу не понятие товара, а анализирует «самое массовидное», «миллиарды раз встречающееся, отношение реального буржуазного общества». Таким отношением является обмен товаров. Товарное отношение – это не понятие, а объективное реальное отношение, всеобщее условие капитализма. Товар исторически существовал раньше капитализма, но он становится всеобщим отношением лишь при капитализме, когда и рабочая сила становится товаром. Вот почему Маркс начинает анализ капитализма с анализа товара, который является «клеточкой» капитализма, и обнаруживает, раскрывает в этой простейшей конкретности противоречия капитализма. «Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (respective зародыш всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост, и движение) этих противоречий и этого общества в сумме его отдельных частей, от его начала до его конца»¹.

Диалектическое всеобщее понятие является мысленным воспроизведением, логическим усвоением объективного взаимоотношения вещей и явлений. В объективной действительности сущность, закономерность явлений реализуется в особенном и единичном. Так, например, биологический вид как общность реализуется в составляющих его индивидах; человеческое общество проявляется в образующих его людях. Общее проявляется в единичном и особенном, а вне их не существует. В свою очередь, особенное и единичное в их совокупности и взаимосвязи образуют «истинную всеобщность», отличную от других видов всеобщего. Поэтому сущность, закономерные связи явлений раскрываются не в отвлечении от особенного и единичного, а посредством глубокого анализа особенного и единичного. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное, - писал В.И. Ленин. - Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное не полно входит в общее и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными...»².

Диалектико-материалистическое понимание конкретного понятия в самой объективной реальности прослеживает, раскрывает переход всеобщего в особенное и, наоборот.

3. Противоречивость конкретного понятия. По мнению Гегеля, истина постигается не абстрактно размышляющим рассудком и не мистическим созерцанием, а разумом, проявляясь как способность к конкретному понятию. Конкретное - это такое понятие, которое не отвергает своей противоположности, а соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.318.

² Там же.

вместе с ним к синтезу. Разум не фиксирует и не отрицает противоположности, он познает их в разрешении.

Противоречие не есть нечто алогичное. Оно есть то, что способствует развитию познания. Его надо не уничтожать, но «снимать», то есть сохранять как отрицательное. Это происходит в том случае, когда противоречащие друг другу понятия мыслятся вместе в третьем - более широком, более богатом понятии, моментами которого они становятся. Тогда их противоречие преодолено. Но этот синтез не является окончательным. Находится новая противоположность, которая, в свою очередь, должна быть преодолена, и т.д.

Каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно; оно нуждается в дополнении своей противоположностью и в соединении с ним образует высшее понятие, которое в большей мере приближается к истине, но точно так же еще не достигает ее. Даже самое последнее и самое богатое понятие - абсолютная идея - само по себе еще не есть полная истина; окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое оно прошло. Только благодаря такой диалектике понятий философия соответствует живой действительности.

Согласно Гегелю, мыслительный процесс не произвольная игра понятиями мыслящего субъекта, а объективный процесс. Закон, которому следует развитие понятия, как в общих чертах, так и в деталях, есть движение от положения к противоположению и от него к соединению. Логика развития всей системы подчиняется закону отрицания отрицания. Таким образом создается система понятий, так как их диалектическая обработка является не только раскрытием внутренних диалектических противоречий в отдельных изолированных понятиях, но и установлением их диалектической взаимосвязи, перехода из одного понятия в другое. Подобное развитие понятий, по Гегелю, - это *объективная*, а не субъективная необходимость, так как для него понятие и есть сама объективность абсолютной идеи.

Поскольку всякая определенность бытия есть, по существу, переход в противоположное, то отрицание всякой определенности столь же необходимо, как и она сама. Поэтому если категории тождества и различия облекаются в такие абстрактные предложения, как $A=A$, то появляются также и противоположные предложения. И те, и другие выступают с одинаковой необходимостью, и как непосредственные утверждения они одинаково правомерны. Однако положение требует доказательства своей истинности вопреки другому, и потому указанным утверждениям не присущ характер неопровержимых законов мышления.

Истинно лишь конкретное тождество, которое внутри себя имеет различие. Оно отличается от абстрактного тождества. Абстрактное тождество характеризуется Гегелем как выражение пустой тавтологии. «Таково то пустое тождество, за которое крепко продолжают держаться те, которые принимают его, как таковое, за нечто истинное, и всегда

поучительно сообщают: тождество не есть разность, тождество и разность разны»¹.

Согласно философу, абстрактное тождество и абстрактное различие являются односторонними определениями. Конкретное тождество есть единство тождества и различия. Конкретное тождество «в своем различии, в своем противоречии тождественно с собой...»².

Гегелевская критика абстрактного тождества, по существу, правильна. От абстрактного тождества нет перехода к различию, потому что между ними отсутствует необходимая связь. Отмечая это, ученый писал: «...Если тождество рассматривается как нечто отличное от различия, то у нас, таким образом, имеется единственно лишь различие. Благодаря этому нельзя доказать перехода к различию, так как исходного пункта, от которого должен совершаться переход, нет для того, кто спрашивает, каким образом совершается этот переход»³.

По мнению Гегеля, абстрактное различие, отвлекающееся от тождества, тоже несостоятельно. В своей односторонности, отвлеченности оно не соответствует истине. Такие определения, как сходство и несходство, имеют значение только в их единстве. Отметив диалектическую взаимосвязь тождества и различия, мыслитель критикует естествознание своего времени, которое из-за тождества забывает о различии, а из-за различия - о тождестве. По Гегелю, единственно правильной точкой зрения придерживается спекулятивная логика, которая «показывает ничтожность абстрагирующего от различия, чисто рассудочного тождества, хотя она затем настаивает, во всяком случае, столь же энергично на том, что мы не должны успокаиваться на одной лишь голой разности, а должны познавать внутреннее единство всего сущего»⁴.

Далее философ старается показать, что стремление избежать противоречия неоправданно, так как все вещи противоречивы в самих себе. Противоречие есть такое же существенное и внутреннее определение, как и тождество. Более того, следует признать, что противоречие является более глубоким и более существенным определением мысли, чем тождество. Согласно Гегелю, «противоречие... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью»⁵.

При всем своем значении гегелевское понимание противоречия имеет существенные недостатки, поскольку у философа речь идет не о противоречии объективного материального мира, а о саморазвитии абсолютной идеи. Содержанием логического процесса, развивающегося от бытия к сущности и от него к понятию, для Гегеля является абсолютная идея, развивающаяся в направлении к самой себе. В своем развитии абсолютная

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.V. С.484-485.

² Там же. Т.V. С.483.

³ Там же. Т.I. С.199.

⁴ Там же. Т.I. С.202.

⁵ Там же. Т.V. С.520.

идея порождает нечто особенное, которое так же не является абсолютной определенностью, а разрешается в более высоком синтезе.

В гегелевской логике, таким образом, речь идет о чисто логическом процессе, о мысли, полагающей себя и противопологающей себя себе же; борьба этих противоположных элементов образует диалектическое движение и переходит в синтез. Основным пороком учения Гегеля о противоречиях является то, что противоречие не разрешается рационально, а примеряется, снимается. «Таким путем противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние... двух мыслей противоречащих одна другой, образуют новую мысль – их синтез»¹.

Мыслитель рассматривает идею конкретного понятия не только в логике, но и в применении к конкретным наукам. Благодаря диалектическому методу и учению о конкретном понятии он преодолел формальное, отвлеченное «или-или» своих предшественников и создал свою историю философии. С позиции теории конкретного понятия философ подверг критике тех, кто рассматривал предшествующую историю как сплошное заблуждение. Подобный подход к истории философии Гегель оценивал как *рассудочный*. Он считал, что каждая последующая философская система не просто отрицает предшествующую, а *снимает* ее, то есть включает в себя все положительное содержание предшествующей философии и развивает его дальше. Мыслитель показал, что развитие истории философии есть процесс.

Анализируя философию Спинозы, Гегель отмечает, что опровержение спинозизма не означает, что эту систему надо считать совершенно ложной; оно состоит в доказательстве того, что система Спинозы не является высшей точкой зрения. Единственно правильное опровержение спинозовской системы состоит в том, что бы развить и завершить понятие субстанции. «Но это завершение не есть уже сама *субстанция*, оно есть нечто более высокое, *понятие, субъект*»².

Таким образом, истинность последней философии доказывается не односторонностью ее противоположности предшествующей философии, а тем, что последняя философская система является синтезом, вобравшим в себя все богатство предшествующей системы. В качестве таковой Гегель рассматривал свою собственную систему.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.IV. С.132.

² Там же. Т.VI. С.9.

Глава VI. Гегелевское учение об идее как о конкретно-всеобщем знании

Гегелевское учение об идее по своему логическому содержанию является синтезом и крупным шагом вперед по сравнению с предшествующей трактовкой этой категории. Обосновывая свое учение об идее, мыслитель исходил из основных достижений своих предшественников, прежде всего из тех положений, которые были разработаны в философских концепциях Платона, Канта, Шеллинга и др.

После Платона и Аристотеля глубокое учение об идее было разработано Кантом. Если в Новое время в философии Бэкона и Локка, а также французских материалистов идея трактовалась как общее представление, абстрактно-общее, то заслуга Канта состоит в том, что он попытался проанализировать идею как понятие разума, стремился вернуть этому кардинальному понятию его глубокое, категориальное содержание.

Кант делил человеческую способность познания на чувственность, рассудок и разум. Если рассудок осуществляется посредством логических категорий, формирующих опыт и выступающих всеобщим условием научно-теоретического познания, то разум осуществляется с помощью идей, пытается охватить всеобщее, безусловное и бесконечное. В своем стремлении охватить целое, абсолютную целостность, по Канту, разум выходит за пределы любого объекта и тем самым теряет реальную почву, порождает только паралогизмы и антиномии, хотя его действие не бессмысленно, ибо разум служит для полноты рассудка, является неотъемлемым стремлением человеческого духа. Однако в философии кенигсбергского мыслителя разум, разумное и идея в целом трактуются в плане субъективной деятельности мышления, оторванной от объективного.

Гегель именно в этом принципиальном пункте сделал решительный шаг вперед по сравнению с Кантом. Он не согласился с кантовской трактовкой идеи как субъективной деятельности, как только способности познания, так как она не соответствует истине, подлинному пониманию идеи. По мнению философа, истинное понимание идеи возможно только на основе *принципа тождества бытия и мышления*, объективного и субъективного. Идея, разум, по Гегелю, - не только способность человека к осмыслению объективного, но и *всеобщее условие* самого действительного, так как истинной действительностью обладает вовсе не непосредственное, не имеющее в себе условий своего бытия, а то, что формирует его содержание.

Мыслитель отказывает кантовской концепции в состоятельности на том основании, что если разум, идея - это только субъективная деятельность, то в качестве истины станут выступать эмпирические реальности, чувственные вещи, которые сами обладают объективным и действительным существованием только потому, что к ним присоединяется деятельность понятия, мысли. Следовательно, случайное, чувственное существование - не автономная реальность, не истинная конкретность, а по существу своему псевдоконкретность. Их действительное бытие не в них самих, а в их

понятии; идеи, которые формируют их, придают им целостность и истинную объективность.

Заблуждение Канта Гегель видит в том, что, правильно определив разум как высшую человеческую способность, он в то же время пытался доказать неистинность его только на том основании, что ему не соответствует чувственный опыт. Гегель удивлялся тому, что кантовская философия признает отношение мышления к чувственному существованию только как релятивное отношение. Поэтому эта философия, по Гегелю, «признала *истиной* то, что сама объявила конечным познанием, а то, что она *признала истиной* и определенное понятие чего она установила, объявила чем-то непомерным, недозволительным и пустым порождением мысли»¹.

Будучи объективным идеалистом, Гегель критиковал Канта за то, что у него категории сами по себе не дают синтетического знания, а достигают его лишь в соединении с чувственными данными. Неполнота мыслей, понятий, по Гегелю, заключается не в том, что они лишены чувственной реальности, а в том, что понятия еще не сообщили себе из них же самих порожденной реальности. С точки зрения Гегеля, содержанием мысли является сама мысль. Поскольку понятие есть некоторый синтез, отмечает философ, оно и имеет определенность и различие внутри самого себя. «Поскольку эта определенность есть определенность понятия и тем самым *абсолютная определенность, единичность*, понятие есть основание и источник всякой конечной определенности и всякого многообразия»².

Истинность идеи, по Гегелю, состоит не в том, что она должна соответствовать чувственному многообразию, объекту, а в том, что она должна соответствовать себе, именно своему понятию. Он убежден, что когда речь идет о разуме, об идее, то надо иметь в виду не только человеческую субъективную способность, но и то, что есть одновременно объективное, корень всякой объективности. Стало быть, здесь налицо еще одно значение гегелевской формулы «все действительное разумно, все разумное действительно». На самом деле, если под действительностью понимать не случайное существование, а необходимость, то в действительности есть разум, она сама есть разум. И наоборот, разумное не есть просто субъективное, а есть реальное, истинно-действительное.

Таким образом, в гегелевской философии было разработано глубокое, оригинальное учение об идее как единстве понятия и реальности. Своеобразие идеи, по Гегелю, заключается прежде всего в том, что она не есть субъективное представление, а является целостным, внутренне расчлененным объективным понятием, выступающим *всеобщей субстанцией* всего действительного. Все в мире, по мнению философа, существует, имеет действительное содержание и сущность постольку, поскольку имеет свою идею, причастно к идее. Гегель - идеалист и поэтому трактует идею также как самодвижение, творческое начало, *субъект* всей реальности.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. С.26

² Там же. С.23.

Все существующее, по Гегелю, есть результат деятельного порождения духом, абсолютной идеей самой себя и своего инобытия, предмета и снятия последнего в процессе самодвижения. В его понимании идея есть подлинный субъект, субъект-объект всей конкретной действительности. Однако нельзя упускать из виду то обстоятельство, что, когда философ определяет идею как единство понятия и реальности, то он не видит в подобной трактовке нейтрализации понятия и реальности, когда каждая сторона теряет свою специфику, своеобразие и притупляет друг о друга свои противоположности. Напротив, по мнению мыслителя, в данном случае налицо качественно новое образование, которое по своему содержанию принципиально не схоже с такой ситуацией, когда «едкий калий и кислота нейтрализуют друг друга в соли»¹.

Стороны этого единства, по Гегелю, не равноценны. «В нашем единстве понятие, напротив, остается господствующим, - пишет философ. - Ибо в себе согласно своей собственной природе оно уже до этого соединения есть указанное тождество, и оно поэтому порождает из самого себя реальность как свою реальность, а так как последняя есть его собственное саморазвитие, то оно ни от чего своего не отказывается, а находит в ней реализованным лишь само себя, понятие, и поэтому остается в своей объективности в единстве с собою. Такое единство понятия и реальности есть абстрактная дефиниция идеи»².

В гегелевской трактовке идеи, таким образом, первенство принадлежит понятию, а реальность выступает как превращенная форма. Последняя не является чем-то самостоятельным, а рассматривается как то, что положено понятием, которое в процессе своего саморазвития порождает свою положенную реальность. Только синтез понятия и реальности образует идею. Если понятие, по Гегелю, есть такая мысль, которая еще «в-себе», в возможности, то есть еще не реализовало свои определенности, то «идея» выступает как «для-себя-бытие» понятия, его зрелость, положенность, единство себя и своего другого.

Философ не ограничивался утверждением, что мысль, понятие порождает реальность, а пытался проследить, раскрыть механизм, внутреннюю связь этого процесса. При этом он обращается к категории труда, предметной деятельности как к важному моменту, опосредствующему звену в творческом порождении понятием, идеей чувственной реальности. Мыслитель глубоко понимал, что саморазвитие, самопознание идеи, духа «для-самого-себя» не совершается на почве чистой идеальной деятельности; для действительного совершения творческого процесса идея, дух должны выставлять себя в качестве объекта, иметь дело с чувственными вещами, и только в процессе этой деятельности они возникают для самих себя в обновленном виде. Поэтому порождение идеей, духом объекта,

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.-Л., 1929-1959. Т. XII. С.110.

² Там же.

формирование объекта в процессе деятельности рассматривается как объективная необходимость.

При обосновании этого активного порождения субъектом, идеей, духом объекта Гегель широко опирается на категорию отчуждения, глубоко разработанную в его «Феноменологии духа». При помощи этой категории он пытается обосновать свою идеалистическую концепцию порождения мыслью, идеей своей противоположности, объекта, и сознание того, что вещи, природа не есть просто чужое, другое, а есть свое другое, отчуждение идеи.

Мыслитель, как было сказано, придает огромное значение категории труда, практической деятельности как важного звена в процессе самопорождения идеи, духа. Прежде чем рассмотреть самого себя, «дух» должен, по Гегелю, пишет Э.В. Ильенков, «утратить свою незапятнанную «веществом чувственности» чистоту и прозрачность, должен сам себя превратить в предмет и в виде этого предмета противопоставить самого себя - самому себе. Вначале хотя бы в виде слова, в виде словесно-вербального «воплощения», а затем и в виде орудий труда, и статуй, и машин, и пушек, и храмов, и фабрик, и конституций, и государств, в виде грандиозного «неорганического тела человека», чувственно воспринимаемого тела цивилизации, которое для него и служит лишь зеркалом и в котором он может рассматривать сам себя, свое «инобытие», постигая в этом рассматривании свою собственную «чистую идеальность», понимая самого себя как «чистую деятельность»¹.

Хотя Гегель, рассмотрев связь мышления, идеи с чувственно-предметными, материальными вещами и их системой, несомненно, глубоко понял эти категории, тем не менее, их действительные взаимоотношения он ложно интерпретировал и идеалистически извратил. Признавая действительное, реальное существование мышления, идеи только в их материальных воплощениях, он в то же время субстанцией, истинным субъектом всего исторического процесса рассматривает идею, дух. Поэтому в гегелевской философии проблема диалектики понятия и предмета ставится и решается узко и односторонне.

Во-первых, он рассматривает эту проблему в плане соответствия идеи самой себе. Гегель убежден, что Кант в своей философии не поднялся до понимания этой мысли, ибо видел недостаток разума в том, что ему не соответствует опыт, объект. В действительности, полагает философ, истина состоит не в том, что понятие должно соответствовать объекту, предмету, нет, по Гегелю, именно соответствие идеи своему понятию есть истина, объективная истина. Во-вторых, он исследует эту проблему в аспекте соответствия предмета своему понятию. Такие социальные реальности, как государство, человек, истинны, по мнению философа, в той мере, в какой они соответствуют своему понятию, которое, по существу, является носителем целостности, видового бытия предмета. «А если бы какой-нибудь предмет, -

¹ Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. №7. С.149.

писал он, - например государство, вовсе не соответствовал своей идее, т.е., вернее, если бы оно *вовсе* не было идеей государства, если бы его реальность... совершенно не соответствовала понятию, то это означало бы, что отделились друг от друга его душа и его тело»¹.

В отличие от Гегеля вопрос о единстве понятия и реальности, идеи и действительности Маркс решает материалистически. Началом процесса здесь является не идея, возникшая неизвестно откуда, а действительность, практическая деятельность, ее напряженное противоречие. «Идея есть... не что иное, как теоретическое выражение... материальных отношений»². Маркс рассматривал, следовательно, идею в контексте социально-исторического движения, трактовал ее как контуры будущего, как духовную (логическую) форму действительности. «Идея - это есть «придуманый», «увиденный» (т.е. найденный пока лишь в сознании) возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации - за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий»³.

Если Гегель рассматривает идею как субстанцию, как начало и конец всего цикла развития духовной сущности, то Маркс придерживается принципиально иной позиции. Для него формирование идеи, теоретических представлений не является ни началом, ни самоцелью человеческой познавательной деятельности, а выступает реально лишь опосредствующим звеном в действительно-практическом движении общественного человека. Иными словами, Маркса интересует, прежде всего, реальная власть человека над природой, а теоретические отношения, идеи рассматриваются лишь как моменты материальных практических отношений. «История «духа» и начинается в лоне чувственно-предметной деятельности, и завершается в нем же, - писал Э.В. Ильенков, - а «чистое» (теоретическое) мышление выступает как «опосредствующая середина»⁴.

В марксовской философии проблема единства идеи и реальности решается на основе принципа отражения. При этом отражение действительности в идее понимается не метафизически, не зеркально-мертво, а диалектически, противоречиво. «*Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»⁵.

Действительно, идеи, выражая определенные социальные потребности, непосредственно не совпадают с предметом, реальностью. Только в ходе развития, конкретизации они способны полнее познать окружающую действительность, хотя и здесь не осуществляется абсолютное тождество между идеей и реальностью. «По той причине, - писал Энгельс, - что понятие

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. С.212.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.108.

³ Ильенков Э.В. Противоречия мнимые и реальные // Диалоги. М., 1979. С.118.

⁴ Ильенков Э.В. К вопросу о природе мышления. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1968. С.25.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.177.

имеет свою сущностную природу, что оно, следовательно, не совпадает прямо... с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенно, да и то лишь в асимптотическом приближении»¹.

Поскольку познание, идея является лишь звеном в социальной деятельности, в практическом преобразовании действительности, постольку отражение идеей объекта, предмета выступает лишь аспектом, стороной рассматриваемой проблемы единства идеи и реальности, другой стороной которой является превращение идеи в действительность. Это понятно, так как формирование идей, теоретических понятий вовсе не является самодовлеющим фактом в познании, оно служит практической задаче по развитию самой действительности, выступает опосредствующим моментом в развитии общественно-исторических отношений. Поэтому после формирования идей, теорий естественно возникает очередная задача, целью которой является воплощение идеи в действительность.

Маркс - материалист, и поэтому для него неприемлема гегелевская концепция саморазвития, самопорождения, самоотчуждения идеей реальности. Идеи сами по себе, по его мнению, ничего не порождают и не выходят за пределы реальных отношений, а являются лишь теоретическим, духовным условием для практического, социального движения. «Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу»².

Действительно, идеи сами по себе не превращаются в реальность, их превращают в действительность определенные социальные силы, классы, вооруженные передовыми идеями, социальными теориями. При этом не бывает абсолютного тождества, полного совпадения между идеей и реальностью. В марксовской философии не признается упрощенная, метафизическая трактовка этого вопроса. Касаясь этого, Ф. Энгельс писал: «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели же этот порядок был фикцией, оттого что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере лишь на бумаге?»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.39. С.354.

² Там же. Т.2. С.132.

³ Там же. Т.39. С.356.

Таким образом, превращение идеи в действительность, их совпадение является сложным, диалектическим, противоречивым процессом. Реальное совпадение форм, наличие различия между идеей и действительностью зависит, как правило, не столько от идеи, ее качества и научности, сколько от *социального развития тех сил*, которые осваивают и превращают идеи в реальность. Так, непосредственная действительность, возникшая в результате общественного движения, отличается от первоначальной идеи вследствие различных причин. С одной стороны, это происходит потому, что живая жизнь, реальность, несомненно, богаче и разнообразнее идеи, а с другой - сама рассматриваемая действительность, обусловленная уровнем развития социальных сил, находится еще только на начальных ступенях своего развития и потому не может в полной мере воплотить целостную идею, которая предполагает более развитую действительность. Все это свидетельствует о том, что воплощение идеи в действительность, их совпадение надо решать не абстрактно, а конкретно, диалектически.

При всех теоретических пороках в исследовании понятия «идеи» Гегель пошел гораздо дальше тех, кто исследовал эту проблему до него. Он принципиально подчеркивал, что ни в коем случае под идеей нельзя подразумевать обычное представление. Ибо представление, понятие и идея - различные ступени, уровни постижения предмета. Так, по Гегелю, не всякое общее есть понятие, понятием может быть лишь такое общее, которое выступает как единство различного.

Значит, понятие есть такое общее, которое формирует знания, делает данный предмет данным предметом. «Так, например, - пишет философ, - представления «человек», «синий» и т.д. должны прежде всего называться не понятиями, а абстрактными общими представлениями, и эти представления становятся понятиями лишь в том случае, когда мы показываем относительно них, что они содержат в себе различные стороны в единстве, так как это последнее, в самом себе определенное единство, составляет понятие»¹.

Мыслитель также сформулировал отличие идеи от понятия. Как мы видим, он определяет идею как синтез, *единство понятия и реальности*. Важнейшая отличительная черта идеи, по Гегелю, состоит в том, что в понятии только схвачен момент тождества, единства, и поэтому различие, многообразие здесь не дано, теоретически не постигнуто. Понятие еще не смогло развить и не успело расчлнить свои определенности. «Но понятие в такой мере представляет собой абсолютное единство своих определенностей, что от последних, взятых самих по себе, ничего не остается, и они не могут отчуждаться, чтобы получить самостоятельное, отдельное существование, вследствие чего они выступили бы из своего единства. Благодаря этому понятие содержит в себе все свои определенности в форме этого своего *идеализированного* единства и всеобщности, составляющих его *субъективность* в отличие от реального и объективности»².

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.ХII. С.111.

² Там же. Т.ХII. С.112.

В гегелевской трактовке, таким образом, понятие схватывает только момент единства, всеобщности; оно еще не развернуто, не развито во всем объеме. Идея же является более высокой ступенью в развитии мысли, она не только схватывает момент единства, всеобщности, но также постигает единство понятия с реальностью. Поэтому идея выступает как нечто целостное, систематическое, развитое. Идея, подчеркивал Гегель, «всецело конкретна внутри себя; она представляет собою целостность определений и прекрасна лишь как непосредственная единая с соразмерной ей объективностью»¹.

В обосновании логической природы категории «идея» Гегель в целом продолжил лучшие философские традиции. В его учении об идее глубоко продуманы и переосмыслены как ценные мысли Платона, так и положения Канта о разуме, «о первоначальном единстве апперцепции» и «о рефлектирующей способности суждения».

Гегелевское понимание идеи как целостности, всеобщности, несомненно, связано с платоновским учением об эйдосе, хотя и существенно от него отличается. Ибо в гегелевском понимании идея не просто объективно-всеобщее; здесь раскрывается также ее развитие, расчлененность и системность. Немецкий философ, продолжая платоновскую традицию, по-своему обосновывает логическую природу идеи, ее понятия. Он высоко оценивает Платона за то, что он понимает под идеей некое всеобщее, целостность и т.п. Но тут же эту мысль всесторонне развивает, используя все преимущества диалектико-логического метода. Идея у Гегеля выступает не просто абстрактно-всеобщим, она функционирует как целостность, тотальность, ставшая в результате развития, начиная с категории бытия и кончая абсолютной идеей. Идея становится конкретным, только пройдя все ступени своего саморазвития. Внутренней логикой этого процесса является метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Гегелевское учение об идее, абсолютной идее придает огромное значение методу, который трактуется им как *внутренний ритм*, способ формирования идеи. В силу этого, по его мнению, невозможно рассматривать метод только как способ или вид познания, так как при такой характеристике он выступает как нечто внешнее и случайное по отношению к содержанию и истине. Кроме того, такое понимание противоречит как истории познания, так и процессу логического развертывания мысли в логике.

Гегель глубоко и последовательно проводил ту мысль, что метод есть «душа», имманентный способ движения идеи. Поэтому он выступает как высшая, единственная и абсолютная сила разума в познании предмета и самого себя. При этом надо иметь в виду, что идея есть все и что ее движение есть всеобщая абсолютная деятельность, которой никакой объект не в состоянии оказать сопротивления. «Метод есть поэтому *душа и субстанция*, - пишет мыслитель, - и нечто постигнуто в понятии и познано в своей истине

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.ХII. С.110

лишь тогда, когда *оно полностью подчинено методу*; он собственный метод любого дела, как такового, ибо его деятельность заключается в понятии. В этом состоит более истинный *смысл всеобщности* метода...»¹.

С первого взгляда, по Гегелю, метод можно представлять как то, что стоит на стороне субъекта. В истинном же рассмотрении он выступает как внутренняя форма, в себе и для себя определенность идеи. В процессе развертывания метода восхождения от абстрактного к конкретному как аналитические, так и синтетические способы познания предмета содержатся как моменты этого диалектического познания, которое возникает из потребности, с одной стороны, рассматривать предмет, вещи сами по себе, а с другой - целостно, конкретно познать абсолютное на основе его имманентных определений. При этом философ глубоко проанализировал такие важнейшие моменты спекулятивного метода, как начало восхождения, диалектическое движение и отрицательность как форму самодвижения.

В процессе такого диалектического движения, по Гегелю, идея становится все более содержательной, так как она имеет своим содержанием себя как бесконечную форму, которая противостоит содержанию постольку, поскольку оно снято формой; движение формы, развертывание содержания выступает как подлинное, истинное развертывание содержания. «В абсолютном методе понятие *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее - в своем обособлении, суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя»².

Целостность, внутренняя конкретность, системность идеи, абсолютной идеи, по убеждению Гегеля, реально осуществляется только в результате спекулятивного метода, являющегося лишь формой развертывания содержания. «*Определенность* идеи и все развертывание этой определенности и составили науку логики, - писал он. - Из этого развертывания сама абсолютная идея возникла *для себя*»³.

В понимании природы метода, разумеется, существенно отразился гегелевский идеализм, идеалистическое извращение, ибо он трактовал метод восхождения не как способ освоения объективного, а как способ *возникновения* объективного конкретного. Однако не следует забывать, что именно благодаря этому логическому методу ученый добился крупного успеха в понимании природы мышления, понятия, идеи.

В гегелевской философии существенно переработаны также кантовские учения о категории и идее, о рассудке и разуме. Вообще гегелевское деление на рассудок и разум имеет совершенно иной смысл. В его понимании все категории, рассматриваемые диалектически, внутренне разумны, выступают моментами, ступенями в процессе саморазвития абсолютной идеи, которая

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. С.291.

² Там же. С.306-307.

³ Там же. С.290.

является высшей категорией логической системы, ибо она есть единство многообразного, система взаимосвязанных определений. Иными словами, вся система есть определение, обозначение идеи, изображение ступеней ее развития. Поэтому начать логику, по Гегелю, невозможно просто с абсолютной идеи, потому что тогда ее содержание, логический смысл были бы не больше, чем бытие, самая абстрактная мысль его системы. Только благодаря всему пройденному пути идея становится конкретным, абсолютно конкретным.

Таким образом, идея в понимании мыслителя - конкретно-всеобщее, чистая сущность, целостность, которая реально существует только как система, как внутренне расчлененное формообразование, законом которого является принцип тождества противоположностей. Категории - это ступени, универсальные определенности абсолютной идеи. Логика есть учение об абсолютной идее, то есть учение о системе чистых сущностей, которые в их целостности, тотальности, внутренней закономерной связи являются сущностью всей эмпирической действительности.

В гегелевской философии, как видим, дано понятие идеи как системы чистых сущностей, в форме которых постигается понятие абсолютного, являющегося предметом всякой философии. «Когда речь идет о философии вообще, - писал Гегель, - она не может идти [лишь] о моей философии, *всякая философия есть постижение абсолютного*, а тем самым не чего-то чужого, и, стало быть, постижение абсолютного есть его самопостижение»¹.

Правда, вся прежняя философия пыталась, по мнению философа, постигнуть абсолютное, но не смогла его познать, схватывала только стороны и его аспекты. Понятие абсолютного было постигнуто только в философии Шеллинга, который пытался определить его как тождество бытия и мышления, объективного и субъективного. В таком понимании, по Гегелю, безусловно, содержалась истина, так как оно давало возможность познать абсолютное как деятельное, саморазвивающееся начало, из развития, формообразования которого возникает образ абсолютного как целого. Кроме того, Шеллинг бесспорно высказал позитивную мысль, говоря о тождестве, противоречивости природы безусловного.

Однако этим глубоким исходным принципам не соответствовало дальнейшее развитие шеллинговской философии. Разделяя традиционное представление о невозможности мыслить противоречиво, Шеллинг возлагал всю надежду познания абсолютного не на разум, не на науку, а на интуицию, на художественное творчество. В данном случае, по Гегелю, Шеллинг показал свое непонимание истинной природы разума, мышления. В отличие от рассудка, отмечает Гегель, разум есть *высшая теоретическая способность*, то есть он познает предмет в его развитии, саморазвитии, противоречии и системе.

Противоречивость разума вовсе не есть его недостаток. Напротив, это достоинство разума, ибо всякое живое, развивающееся целое внутренне

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1971. Т.2. С.378.

противоречиво. Именно в силу своей противоречивости, диалектичности разум, идея глубоко познает, постигает содержание и сущность абсолютного, то есть свое собственное абсолютное содержание.

Гегель, глубоко раскрыв природу идеи, обосновал несостоятельность абстрактного понимания идеи как единства бытия и ничто, понятия и объективности, изменчивого и неизменного и т.п., ибо это отношение является в действительности диалектическим и конкретным. «Но одновременно нужно знать, - отмечал философ, - что все подобные определения и тезисы односторонни... они выражают по преимуществу только *одну* сторону, *единство*, существование (*das ist*) и, следовательно, не выражают наличного различия (бытие и ничто и т.д.) и того негативного, что заключено в сопряжении таких определенностей»¹.

Подлинная суть идеи в понимании мыслителя - это процесс, становление, движение и противоречие. Кто рассматривает идею только как неразличимость, тождество, единство, тот дает искаженное, неистинное понимание природы идеи. «Ибо истинное не есть нечто только покоящееся, сущее, но есть только нечто самодвижущееся и живое; вечное различие и существующее в Едином, сведение всякого различия к тому, чтобы оно уже не было различием; что также, будучи понято как некий способ восприятия, может быть названо вечной любовью. Идея, жизнь, дух - они существуют только как движение в самом себе, как такое движение, которое равным образом есть абсолютный покой»².

В то время как общее представление, рассудок, подчеркивает философ, рассматривает противоположности как непримиримые, разум, идея соединяет противоположности в тождестве и познает тождество как результат процесса: непосредственное единство, различие, и, наконец, - единство, тождество противоположностей. Абсолютное и истинное постигаются разумом, идеей, которая не отрицает своей противоположности, а соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и вместе с ним к синтезу. Разум не только констатирует противоречие, антиномии, но познает их в диалектическом разрешении.

Поскольку абсолютное есть собственное содержание идеи, постольку его можно понять только как процесс, тождество противоположностей. Абсолютным «я определяю истинное как само по себе конкретное... - писал Гегель, - как единство *противоположных* определений, но таким образом, что это противопоставление в единстве еще сохранено»³. Следовательно, противоречивость идеи, разума не следует понимать как нечто алогичное, она связана с саморазвитием, самодвижением идеи, так как противоречие является источником развития, движения. В связи с этим, все действительное противоречиво и, тем не менее, разумно.

Противоречие, возникающее в процессе развития разума, идеи следует не уничтожать, но развивать, «снимать», то есть сохранять как

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т.2. С.417.

² Там же.

³ Там же. С.446.

отрицательное, что происходит тогда, когда противоречащие друг другу понятия мыслятся вместе в третьем - высшем, более содержательном понятии, моментом которого они становятся. Однако этот синтез также не является окончательным, находится новая противоположность, которая, в свою очередь, должна быть разрешена, и т.п. Это касается даже абсолютной идеи - вершины логической системы – которая также не является окончательной истиной, так как имеются еще более конкретные формообразования. Только благодаря такой диалектике идея, разум становится истинно конкретным, соответствует живой действительности и становится истиной.

Таким образом, в гегелевской философии было разработано глубокое, конкретно-всеобщее понятие идеи как единства многообразного, как системы чистых сущностей. Важнейшая особенность гегелевского способа анализа состоит в том, что философ не ограничился общей, логической характеристикой идеи, а рассмотрел содержание этого фундаментального понятия в контексте еще более сложного целого. Иными словами, Гегель разработал сложное учение о духе, об абсолютном духе, важнейшей ступенью, моментом которого выступает понятие идеи, по существу являющееся всеобщим условием творческого самодвижения, самопознания духа, в результате которого он является самому себе в качестве содержательного и конкретного духа.

В трактовке Гегеля идея и дух - не абсолютно разные духовные образования, они являются ступенями одной и той же духовной субстанции. Если идея есть непосредственный, абстрактный и еще неразвитый дух, то дух является той же идеей, но возвратившейся к себе через свои конечные формы: первоначально он выступает в форме простой логической идеи, в виде возможности, в-себе-бытия, поскольку еще не осознает самого себя, своей сущности; затем он отчуждает себя в природу, в которой, правда, превращается не во что-то абсолютно другое, а в свое другое; и, наконец, природа идеи особенно ясно обнаруживается на ступени конкретного духа, специфическая особенность которого состоит в том, что в нем снято инобытие идеи. Дух выступает как синтез, возвращение и возвращенность к себе из своего другого, поэтому только в духе происходит принципиальное преодоление природы, ее пространственно-временного бытия, так как только дух познает свою противоположность как свой момент и приходит к своему самосознанию.

Важнейшая характеристика идеи состоит в том, что в ней обозначено не конечное, а всеобщее определение духа, всеобщая схема его творческого саморазвития и самопознания. «Если желаем кратко указать, что *такое абсолютная идея* в ее истинной действительности, то мы должны сказать, что она есть *дух*, и притом не дух в его конечности и ограниченности, а всеобщий бесконечный и *абсолютный* дух, определяющий из самого себя, что поистине есть истина»¹.

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.ХII. С.96.

В понятии идеи Гегелем, следовательно, схвачены контуры, всеобщий план и образ целостного развития духа. Поэтому действительное постижение духа, прежде всего, сводится к познанию его идеи, всеобщего условия его бытия. Без идеи нет и самого духа и реального условия его самопознания. «Все, что есть истинного, великого и божественного в жизни, - писал мыслитель, - становится таковым через идею, и цель философии состоит в том, чтобы постигнуть идею в ее истинном образе и всеобщности»¹.

Мыслитель постоянно подчеркивал, что идея, абсолютная идея является *единственным предметом и содержанием философии*, что связано с тем, что в ней содержится любая определенность, и ее сущность состоит в возвращении к себе через свое самоопределение или обособление, в процессе которого она претерпевает ряд формообразований, проходит последовательные ступени своего развития. В отличие от религии и искусства, которые имеют дело с представлением и художественным образом, философия как наивысший способ постижения абсолютной идеи должна познать внутренний ритм, развитие и формообразование идеи. Правда, она познает эту важную истину не сразу, а в результате сложного исторического развития самой философии, человеческого сознания.

Философ убежден, что абсолютная идея - истинный предмет логики, начало философской системы, но, правда, не все его содержание, поскольку сначала необходимо систематически развить самую идею, начиная с бытия и ничто и кончая абсолютной идеей, которая есть единство многообразного. После этого следует проследить ее переход в природу, в инобытие и возвращение к самой себе, то есть диалектическое постижение идеей самой себя, своего истинного содержания.

Поскольку в лице идеи саморазвивающийся дух имеет свой план, всеобщее условие своего существования, постольку он творит, порождает самого себя и свои конечные формы в строгом соответствии со своей идеей. В этом проявился также телеологический характер гегелевской философии, ибо все исторические формы, существующие в жизни и культуре, являются лишь проявлением, реализацией всеобщего плана, схемы саморазвивающейся идеи. Поэтому подлинным субъектом истории, исторического творчества, по Гегелю, является только идея, дух, хотя он не отрицал значения великих исторических личностей и народов, выступавших орудием, средством в руках абсолютного духа в его всемирно-историческом деянии. «Гегелевское понимание истории предполагает существование *абстрактного, или абсолютного, духа, который развивается таким образом, что человечество представляет собой лишь массу, являющуюся бессознательной или сознательной носительницей этого духа*»².

При всей несостоятельности трактовки соотношения идеи и природы, духа и исторического процесса немецкий философ все же опирался на реальные исторические факты, которые, правда, истолковал с

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. С.83.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.93.

идеалистических позиций. Прежде всего, он, несомненно, видел, что каждое поколение людей, вступая в общественную жизнь, застаёт определенную систему культуры, исторические реальности, которые созданы трудом и усилием предшествующих поколений. В своей общественной деятельности люди становятся людьми, разумными существами в той мере, в какой они активно осваивают и умножают эту унаследованную культуру, в которой аккумулированы мысли и чувства предшествующих поколений. Он также хорошо понимал и то, что люди не просто осваивают предшествующую культуру, системы практической деятельности, но и создают новую, ранее неизвестную культуру и культурные ценности.

Однако ошибка мыслителя состояла в том, что он не понимал субстанциальности реально-исторического процесса. В последовательно сменяющихся друг друга исторических формах философ не видел действия закона самой этой истории. Напротив, действительные исторические отношения он рассматривал как форму проявления некоторой духовной сущности, являющейся, по его мнению, истинным субъектом всей человеческой истории. «Внутри эмпирической, экзотерической истории Гегель заставляет поэтому разыгаться *спекулятивную, эзотерическую историю*. История человечества превращается в историю *абстрактного* и потому для действительного человека *потустороннего духа* человечества»¹.

В идеалистическом понимании истории уже содержится коренной порок гегелевской концепции идеи, которая не обращена на будущее, не является разрешением противоречия данного общественно-исторического процесса, а является общей *схемой*, всеобщим условием саморазвивающегося духа, который во всем, в природе и обществе, осуществляет и реализует себя, свою логику и свой первоначальный план.

В мире, в эмпирической действительности, следовательно, не возникает ничего абсолютно нового, возникают и рождаются лишь те формы, образы которых уже содержатся в идее, системе логических категорий. Гегель трактует идею, систему чистых сущностей как нечто существующее от века, не понимая, что она является лишь теоретической абстракцией существующей действительности, истории культуры, которая посредством спекулятивного метода оторвана от реальной почвы и предпослана миру в качестве его логической канвы, всеобщей схемы его бытия. «Удивительно ли после этого, что все существующее, все живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к логической категории, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире логических категорий?»².

Поскольку гегелевская концепция идеи лишь ретроспективно приходит к сознанию самой себя, к познанию всеобщих схем своего творческого развития, постольку она консервативна, обращена в прошлое, ибо в лучшем случае пригодна для объяснения наличного состояния вещей, истории и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.93.

² Там же. Т.4. С.131.

современного состояния культуры, но не годится для постановки принципиально новых задач и для реального исторического творчества.

В силу этого гегелевское понимание идеи не удовлетворяло Маркса, стремившегося не только осмыслить, объяснить существующий мир, но главное - изменить, преобразовать его. С этой целью Маркс разработал свое материалистическое понятие идеи как плана, образа, контура будущего, в котором выражаются «реальные потребности, созревшие внутри социального организма»¹.

¹ Ильенков Э.В. Противоречия мнимые и реальные. С.118.